

МАТВЕЙ ГАНАПОЛЬСКИЙ

Самая горячая и скандальная журналистика
из России. Матвей Ганапольский
объясняет, почему журналисты должны
быть свободными и ответственными.
А также...

КИСЛО-СЛАДКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ZEBRA E

Матвей Ганапольский Кисло-сладкая журналистика

Аннотация

В этой веселой книге известный журналист и телерадиоведущий Матвей Ганапольский рассказывает о секретах своей профессии жене, теще и несносной дочери.

Если вы хотите стать журналистом – купите эту книгу и выучите ее наизусть. И гонорары Лари Кинга у вас в кармане.

Кисло-сладкая журналистика

РЕДКИЙ ВИТАМИН

Матвей Ганапольский написал возмутительную книгу о журналистике. На страницах этого «учебника» встречаются имена Джорджа Клуни, Гитлера, Нефертити и Паваротти. Упоминаются Венедиктов, Гарри Поттер и Пэрис Хилтон. Но нет ни слова про меня.

И он еще просит, чтобы я написал к этому предисловие! Воистину, нет пределов человеческой гнусности. Ну да ладно. Дождусь, пока Ганапольский позовет меня в свой эфир – он там кровью умоется...

Итак, Ганапольский написал о журналистике. Засчитают ли *это* за учебник в Министерстве образования, бабушка надвое сказала. Скорее всего нет – и правильно сделают! О журналистике должны писать серьезные и желательно скучные люди, а Ганапольский – зубоскал и шут гороховый, что тщательнейшим образом подчеркивает на каждой странице.

Правда, в глубине зубоскала спрессован двадцатилетний опыт почти ежедневных ток-шоу; правда, у шута горохового заметно болит в районе души. Правда и то, что с конвейера, которым заведуют серьезные и скучные люди, в мир прессы выходят, как правило, бойкие парни и девчата, не знающие элементарных этических правил профессии, да и просто малограмотные... Моя домашняя кунсткамера забита заспиртованными образцами этой журналистики.

Но все-таки давать писать Ганапольскому о журналистике – это чересчур!

Что может узнать из этой книжки молодой человек с писучим зудом в ладошках или девушка с аналогичным диагнозом? Как кропать статьи? Нет у Ганапольского рецептов на этот счет. Может быть, он знает какое-нибудь петушиное слово, сулящее успех в журналистике? Если и знает, то никому не говорит – по крайней мере, в его тексте гораздо чаще упоминаются эфиры проблемные и провальные.

Так зачем молодым и старым читать эту книжку? Не знаю. Даже терпение и усидчивость не воспитаешь этим чтением – книжка-то получилась веселая и занимательная... Ибо написана она веселым и занимательным человеком.

Есть в нем, черт возьми, какой-то дефицитный витамин, в этом Ганапольском! (Неприятно это признавать, но уж ладно, продемонстрирую широту души.) Острая наблюдательность есть в нем, живая реакция и непосредственность тона.

Он не поленился записать, отсортировать и правильно рассказать уйму историй из жизни нашего цеха. Историй крайне занимательных. Часто весьма поучительных. Порой драматичных. Иногда гомерически смешных.

Пришедший в профессию из шоуменов, начинавший в ней когда-то вполне интуитивно, он, кажется, понял что-то очень важное про это странное занятие, журналистику. И под невероятные истории про свою тещу и мотоциклиста своей дочери (см. текст) нашел, кажется, способ скормить эти витамины любой аудитории, которая хочет узнать журналистские секреты.

А тем, кто собирается освоить эту профессию, витамины из книги пригодятся и недавно.

А что характер у Ганапольского нервный – так что вы хотите от человека, который несколько лет напролет сидел в прямом эфире с Михаилом Леонтьевым!

Виктор Шендерович

КАК МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ НАПИСАТЬ ЭТУ КНИГУ

Однажды я сидел перед телевизором и смотрел что-то со Шварценеггером. Я люблю его «Терминатора». Когда он говорит: «I'll be back», я понимаю, что он имел в виду. Что уйдет из кино и станет губернатором Калифорнии. Я уважаю такой ход мыслей.

В этот момент на пороге комнаты появилась жена и порекомендовала мне включить другой канал. Я включил. На экране мадам Роулинг в каком-то книжном магазине, на фоне стопки книг, отчитывалась за своего «Гарри Поттера» и раздавала автографы. Толстые тома и большая цена впечатляли.

– Ну и что? – спросил я жену.

– А то, – сказала жена, – что если ты наконец выключишь своего Шварценеггера и напишешь какую-нибудь популярную книгу, то у нас появятся деньги.

– А что, у нас нет денег? – удивленно спросил я. – Я ведь давал тебе вчера 70 долларов на хозяйство.

Ответом мне была холодная улыбка и небольшая лекция – что такое деньги. Всю лекцию пересказывать нет смысла, но основные тезисы примечательны. Коснувшись значения моей персоны в современной культуре, каковая, по мнению жены, измеряется уже отрицательными величинами, она, слегка напомнив, что за ней, в молодости, ухаживали весьма достойные люди, теперь наконец окончательно поняла, что именно я погубил ее жизнь.

– Я так понимаю, что мне и далее придется гнить в этой глуши, – трагично сказала жена. Ключи от спортивного «Мерседеса» нервно дрожали в ее руке, а ее чудесная фигура, которая меня всегда волновала, неплохо смотрелась на фоне голубой воды домашнего бассейна с подогревом.

– О чем же мне писать? – я развел руками.

– Посмотри на Роулинг! – горячо сказала жена. – Она придумала Гарри Поттера. Теперь у нее миллионы. Неужели ты не можешь придумать что-то свое.

– Например, – поинтересовался я.

– Сюжеты валяются на дороге, – нравоучительно сказала жена, – ты ленишься их поднять. Например, сейчас модно что-то детское. Напиши про девочку, которая съела яблоко и заснула, а потом ее поцеловал принц, и она проснулась.

– И хорошо бы, чтобы ее звали Белоснежка, – подхватил я.

– Ах, да! – смутилась жена. – Ну, тогда про другую девочку, которая встретила кролика...

– И ее звали Алиса, – мрачно заметил я.

– Хорошо, – согласилась жена, – не будем тратить время на выдумки. Просто напиши продолжение Гарри Поттера.

– Что?! – мои глаза полезли на лоб. – Роулинг же уже все написала.

– Вот что делают с тобой эти боевики, – снисходительно улыбнулась жена. – Там сначала стреляют, а потом думают. Тебе придется один раз в жизни сделать наоборот.

Она повертела ключами «Мерседеса».

– Роулинг намекнула, что Дамблдор гей. А ты напиши книгу, где доказывается, что Дамблдор не гей. Возьми интервью у него, у его бывшей жены, у школьных товарищей. И потом он, наверное, был в бейсбольной команде...

– Какая команда?! Она же его придумала...

– А ты придумай бейсбольную команду! И пусть вся команда докажет, что Дамблдора оклеветали. Наивная Роулинг, – хмыкнула жена, – она не понимает, что написать Поттера – это полдела. Нужно еще пережить все судебные иски!..

– Я не буду писать про Дамблдора, – отрезал я.

– Напиши про Пэрис Хилтон. Или про Мадонну. Представляешь, твое обширное интервью с Пэрис. Ее умные мысли о разном. Например, что нужно спасать китов.

– Я не буду писать про все это, – злобно сказал я. – Я знаменитый журналист. Я пишу на серьезные темы.

– Ну вот, – радостно сказала жена. – Я, правда, давно тебя не слушала в эфире и не читала.

Но, если ты напишешь что-то скандальное про Опру – тоже может получиться.

Поцеловав меня, жена упорхнула, по всей видимости, гнить с подружками в местном, но весьма дорогом ресторане, а я вернулся к фильму.

Однако оказалось, что лекция жены – это была только первая часть дьявольского плана отторгнуть меня от Шварценеггера.

Днем в комнату вошла дочь. Лицо милого дитя было залито слезами.

Оказалось, что ее парень сомневается – брать ли ее с собой на вечеринку. Я с трудом сдержал радость. При виде ее парня, мне всегда хотелось взяться за ружье. Метко выстрелить мешали только многочисленные отблески от его колец, которыми была щедро увешана вся его тщедушная плоть, и татуировка замысловатого орла, темнота которого сливалась с темнотой его немойшей шеи.

Я спросил, чем, как отец, я могу помочь, чтобы унять кроткие девичьи слезы. Ответ удивил меня. Оказалось, что дитя просит меня написать какую-нибудь книгу. За гонорар она купит свой мотоцикл и больше не будет зависеть от мотоцикла этого немойшего монстра. Я сказал, чтобы дочь вышла прочь, на что она заявила, что именно я толкаю ее в его объятия этого лузера, и вся ответственность за последствия сегодняшней вечеринки лежит на мне.

Грохнула дверь, взревел мотоцикл, и облако вонючего дыма напомнило мне, что ружье нужно положить где-то неподалеку, чтобы к утру разобраться с последствиями.

Вечером террор продолжался. Маленький сынок, поставленный женой на стульчик, декламировал что-то, типа: «Милый папа – не зевай, сыну денежку давай!..»

Вечером же позвонило несколько бывших друзей. Часть из них я мечтал закопать еще в молодости. Один из них с 95-го года должен был мне 200 долларов. Свое долгое молчание он объяснил, что не знал, как извиниться передо мной, но теперь знает. Я просто должен написать книгу, с гонорара дать ему еще 300, и он сразу, где-то через месяц, отдаст мне все

Позвонила моя боевая подружка студенческих лет. Намекнув, что 20 лет, когда мы не виделись – это чистая случайность, она напомнила, что всегда ценила мое умение писать. Я поинтересовался, а что она читала, ведь ее визиты ко мне носили далеко не литературный характер. Она ответила, что в перерывах она листала мои конспекты. Она даже пыталась запомнить, что там написано, но я, проказник, слишком быстро отрывал ее от этого интереснейшего чтива.

Но апофеозом заговора против меня и Арни стал звонок одного Издателя. Нужно сказать, что с этим человеком у меня были особые счеты.

Однажды, в детстве, начитавшись Бредбери, Саймака и Шекли, я решил написать что-то в этом духе. Месяц я сопел над рассказом, в котором шестиногий пришелец пленял несчастных землян, но какой-то герой, типа Человека-паука, побеждал этого негодяя.

Там была потрясающая кульминация, где он отрывал инопланетянина все шесть ног. Этой сценой я особенно гордился.

Потом месяц, дрожа от нетерпения, я заглядывал в почтовый ящик. Ответ наконец пришел. В нем мне издевательски советовали более умело соединять куски, уже написанных произведений, хотя и восхищались тем, что я много читаю. Под письмом стояла подпись именно этого Издателя.

Я затаил злобу. Мне хотелось бы, чтобы он приполз ко мне на коленях с чеком в зубах. Для этого я отсылал ему все новую писанину. Но, вместо чека, я получал все те же издевательские ответы.

И вдруг его звонок! Своим скрипучим голосам он сказал, что отобедал с моей женой по ее просьбе, и она пожаловалась, что я не хочу писать какую-то книгу. И ему стало интересно – почему.

Я с максимальной язвительностью напомнил, что отправил ему кучу рассказов, но он меня так и не оценил. Он ответил, что очень даже оценил и показывает мои рассказы студентам, как выдающиеся образцы юношеского графоманства. Особенной популярностью, сказал он, пользуется мой рассказ про шестиногого пришельца. Когда он читает студентам сцену, где герой отрывает ему все шесть ног, в аудитории стоит громовой хохот.

– У вас безусловный дар веселить публику, – прозудело в трубке.

– Я не клоун. – мрачно ответил я, – я серьезный журналист. Если хотите смеяться, есть Леттерман или Лено. И я не понимаю, что я должен написать.

– Я спас мир от вас, как писателя-фантаста, – проскрипел Издатель. – Ваши рассказы были не менее опасны для общества, чем оружие вашего шестиногого парня. Вы должны это оценить. Но сейчас вы известный журналист и теперь сами можете спасти человечество.

– Каким образом? – удивился я.

– Сейчас все лезут в журналистику, как когда-то вы в литературу, но свой долг перед литературой вы выполнили. Ваш шестиногий навсегда останется образцом, как не надо писать. Напишите теперь про журналистику изнутри. Напишите, как стать журналистом. Только напишите честно.

– Это скучно.

– Напишите весело, – пробубнила трубка. – Напишите весело, что если научиться совать микрофон *под* нос или перевернуть интервью, то это еще не журналистика.

– Это никто не будет читать, – убежденно сказал я, – Молодые считают, что нужно надеть подтяжки, и ты уже Ларри Кинг.

– А вы весело напомните им, что Лари Кинг – это еще гонорар 4 миллиона в год. И это ему платят не за подтяжки.

Я задумался про 4 миллиона.

– Нечего думать, – прохрипела трубка, – если напишете – я опубликую. Так да или нет?

– Да! – быстро сказал я. – А что должно быть в этой книге?

– Что хотите, – буркнул Издатель. – Я могу сказать, чего там не должно быть.

– И чего?

– Вашего шестиногого.

Трубка щелкнула, и воцарилась тишина. Я понял, что попал.

Но потом вспомнил Шварценеггера. Был культуристом, а теперь губернатор. И если вдуматься, то Пулитцеровскую премию не каким-то богам дают, а простым труженикам пера. И вообще, как шутил один мой любимый писатель, пора учить молодых тому, что ты никогда не умел.

Вот так я решил написать эту книгу.

ДЛЯ ЧЕГО В ЭТОЙ КНИГЕ НУЖЕН ЮМОР?

Самое смешное, что это, в каком-то смысле, настоящий учебник. Но написанный нескучно. Согласитесь, что суровое лицо преподавателя навевает уважение, но, чаще всего, не способствует усвоению материала. С другой стороны, веселый и радостный лектор запоминается на всю жизнь.

Я помню, как в школе на уроке химии мы что-то смешали в колбе, уже не помню что. Цель была простая: вместо слабой вспышки наша химичка должна была обрадоваться небольшому, но мощному залпу. Химичка была злая. И если ее вечно хмурое лицо помножить на хмурый предмет, которым я до сих пор считаю химию, то это было простое, но законное выражение протеста против скучной методики преподавания.

Химичка поднесла спичку к колбе, и все это радостно рвануло. Взрыв был такой силы, что с химички сорвало парик, и он, при гробовом молчании и звоне в ушах, совершил полет по классу. При этом парик тлел и напоминал сбитый инопланетный корабль из моего любимого фильма Роланда Эммериха «День независимости» («Independence Day»).

Класс грохнул от смеха. Это был тот самый гадостный смех, который потом вспоминаешь со стыдом. Химичка посмотрела на свой парик, тлевший на полу, и как-то зловеще сказала: «От смеха еще никто не умирал, кроме тех, кто шутил...»

Мы окаменели. Никто не знал что делать, но было понятно, что сейчас определится, в каком порядке мы будем вылетать из школы.

Но произошло невероятное: она поправила тонкую сеточку, прикрывавшую ее не очень пышные родные волосы и, указывая на парик, произнесла: «Тот, кто теперь определит, где у него зад, а где перед, получит пятерку в четверти».

И улыбнулась.

Мы были потрясены. Мы сделали гадость, а она улыбнулась. И клянусь: я ничего не помню из химии, но всегда помню ее улыбку. Я запомнил человека, а для меня это важнее, чем предмет. Кроме того, я запомнил из всей химии единственную формулу H_2SO_4 . И это было именно на этом уроке. Я запомнил ее, благодаря парикю.

Мы будем говорить о журналистике весело, потому что невозможно не улыбнуться факту, что кто-то берет у кого-то интервью, и за это еще платят деньги.

Трудно не ухмыльнуться, читая в желтой газетке откровенное вранье и понимая, что написавший это вранье, не только не сел в тюрьму, но и гордо называется «наш корреспондент светской хроники».

И, конечно, невозможно не зайти с гомерическим хохотом, читая хвалебные «аналитические» опусы спецжурналистов, обслуживающих власть.

Все это кто-то назвал журналистикой, и трудно понять, как в одной профессии может соединиться Бог и черт. Поэтому будем рассуждать об этой странной профессии с улыбкой, как рассуждаем о неведанном.

Я недавно прочитал в Интернете крикливый заголовок «Солнце гаснет!». За заголовком была обычная полуграмотная заметка, что через 8 миллиардов лет с Солнцем начнутся некоторые проблемы, и в Майами не будет так же комфортно, как сейчас. Я улыбнулся. Меня поймали. Почему я улыбнулся? Потому что меня поймал профессионал. Какой-то сосунок понял, как меня, человека, не верящего никому, даже Бернанкс, заставить нажать на баннер. Я ненавижу этого идиота, но уважаю его. Он профессионал. Давайте уважать

профессионалов, но говорить о журналистике с улыбкой.

НУЖНО ЛИ СЧИТАТЬ НАПИСАННОЕ В ЭТОЙ КНИГЕ ДОГМОЙ?

Конечно, каждый автор немного тщеславен. Это «немного» выражается в том, что ему просто хотелось бы, чтобы его книга осталась жить в веках. Я не исключение. Сразу заявляю, что я не против, чтобы она вошла в список обязательной литературы для изучения в школах. Мне было бы приятно, чтобы цитаты из нее крупно писались на стенах общественных зданий, а диктаторы в разных странах заявляли: «Мы отменяем в стране свободу слова. Но то, что написано в этой книге, священно!!!» И так далее.

Вопрос о догматизме этой книги я бы разделил на две части.

Первая: является ли сам автор источником или наследником святости?

И вторая: нужно ли считать священным то, что он написал?

Для выяснения первой позиции автор провел три эксперимента.

Во-первых, я подошел к зеркалу и внимательно посмотрел на себя, одновременно держа в руке фото матери Терезы. Разница была очевидна. Лицо матери Терезы несло отпечаток всех ее благих дел. Мое лицо в зеркале отражало только вчерашнюю вечеринку и мое разнузданное на ней поведение.

Второй эксперимент – это тщательное изучение картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Я пытался найти среди присутствующих кого-то, похожего на себя, тем более что один из них носил имя Матфей, а это уже внушало надежду. Но, как оказалось, Леонардо был посредственным художником, и изобразить на этой посредственной картине кого-то, похожего на меня, ему не удалось. Кроме того, изучение текста вечеринки, которую изобразил Леонардо, показало, что они там говорили о чем угодно только не обо мне, или моей книге.

Но третий эксперимент я могу смело назвать удачным. Я еще раз пересмотрел мой любимый фильм Мэла Брукса «Всемирная история» («History of the World»). Там, как вы помните, Господь призывает Моисея. Моисей вылезает из-за холма, держа в руках заповеди Господни, две из которых роняет. Они были высечены на камне и разбились. Этот крайне достоверный и убедительный эпизод доказывает, что было не десять заповедей, а двенадцать. Я твердо убежден, что Моисей разбил именно те две заповеди, в которых давалось четкое указание, касательно моей книги и ее автора. По поскольку камни разбились, то юридически подтвердить я это не могу.

Второй вопрос – догма ли то, что написано в самой книге.

Ответ на это долго искать не нужно. Первое, что важно понять, что это не теоретический учебник. Автор понимает, что существуют сотни журналистских школ, где преподаватели – гении, а стены их кабинетов увешаны дипломами в увесистых рамках. Они строго взирают на аудиторию, и их слова – божественное откровение. Я понимаю, что соревноваться с ними бесполезно.

В этой книге автор идет другим путем. То, что тут написано – это сумма впечатлений, навыков и опыта одного конкретного человека, самомнение которого повысилось настолько, что он решил написать эту книгу.

Кстати, я вспомнил, что у меня тоже есть масса журналистских наград. В основном это часы. Они все свалены в один большой ящик, и все вмурованы в гигантские куски камня. Часы всегда показывают разное время потому, что те, кто награждают, всегда закупают самое дешевое из Китая. А в камень вмуровывают, наверное, для того, чтобы премией отомстить тебе за твои публикации.

Но даже среди моих наград есть несколько, о которых нужно сказать особо.

Однажды я хорошо написал о космонавтах. Я написал, что профессия космонавта стала обыденностью. Что никто уже не помнит списка космонавтов, мало кто мечтает стать космонавтами. Всех победили, как вы знаете, адвокаты и зубные врачи. А Билл Гейтс своими миллиардами просто, как Дольче и Габбана, ввел новый идеал мужчины.

Вместо атлетичного космонавта – дохлый очкарик, системный администратор.

Так вот они, оставшиеся космонавты, решили меня наградить.

Меня пригласили в Центр управления полетами и вынесли награду, от которой у меня глаза полезли на лоб.

Представьте себе метровый кусок блестящего бесформенного металла, в который вмонтированы, естественно, часы.

– Что это?! – с ужасом спросил я,

– Это титановые сопки. – радостно закричали космонавты, – Берите на память!

Я понимал, что настал момент моего позора. Поднять эту штуковину могли только ребята из Книги рекордов Гиннеса. Причем все сразу

– Берите, берите! – веселился зал.

Я как в полусне, подошел к награде и напрягшись, дернул ее. И тут произошло невероятное. Награда подскочила у меня в руках, как игрушка. Она почти ничего не весила.

Оказалось, что это фирменный подарок космических сталелитейщиков. Это грозди застывшего титана, фантастически легкого металла. Только тогда, когда с тобой сыграют такую шутку, ты понимаешь, почему космические корабли все же взлетают при своих чудовищных размерах.

Я не буду описывать подробно дальнейшую судьбу этой награды, потому что для этого необходим талант и эпичность Гомера.

Скажу кратко: привезенный домой титан на всех падал. Кошка сбежала. Часы шли, как всегда, неверно. Я пытался этот чудный дар кому-то подарить. Но что на свете – бессмысленней титановых соплей? Никто не брал. Тогда я решил сдать эту штуку в металлолом. Ее вначале взяли, но потом принесли обратно, потому что расплавить титан можно только у тех же ребят, которые мне это подарили. В конце концов я всучил этот ужасный слиток несчастья проезжим цыганам. Они взяли его, не зная, что часы врут, а металл не плавится. Но им понравилось, как это все блестит.

Боже, благослови незнание.

Еще одно важное замечание. Вас может удивить, что иногда я говорю о печатных изданиях, иногда о радио, а иногда о телевидении. Вы справедливо заметите, что в этих разных видах средств массовой информации действуют разные законы. Вы правы.

Но есть и общее. Это ваша голова и мысли в ней

Поэтому я построил книгу так: вначале я говорю о наших мыслях и тайных желаниях, и о том, как они соотносятся с журналистской профессией, а потом даю ряд выстраданных практических советов.

Конечно, как и полагается, в книге о журналистике, хоть и не совсем обычной, я приложу различные примеры и называю некоторые фамилии. Но фамилии этих людей и эти примеры нам хорошо известны. Это сделано специально, чтобы вы сразу понимали, о чем я говорю, и я не тратил лишнее время на объяснение.

Но вернемся к тому, как эту книгу нужно воспринимать. Только как абсолютно субъективные заметки человека, который профессию журналиста представляет себе так, а не иначе, и просто хочет что-то подсказать из собственного опыта и уберечь от элементарных ошибок.

Пусть грабли, на которые мы всегда наступаем, бьют вас слабее, чем меня.

Поэтому читатель может использовать эту книгу как хочет.

Например, один мой друг, увидев книгу, сказал, что она особенно полезна, так как ее цвет подходит к его обоям, а если ее положить на край его журнального стола, то он перестанет качаться. И это гораздо лучше, чем подкладывать бумагу под одну из ножек.

Если же спросить самого автора, что делать с книгой, то он, автор, все же рекомендует заучивать главы наизусть, по утрам декламировать их, как гимн новому дню, а перед сном ставить книгу на видном месте, рядом с портретом любимой девушки.

ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ СТАНОВИТЬСЯ ЖУРНАЛИСТОМ?

Моя мама говорила мне в детстве: «Тебя легче убить, чем прокормить!»

В этой фразе – вся парадоксальность материнской любви. Она чувствовала возможные трудности, которые будут подстерегать ее сына, и размышляла о возможном и кардинальном решении моих будущих проблем.

И поскольку мои чувства к читателям этой книги почти материнские, ведь многие из вас эту книгу не украли, а купили, я постараюсь сейчас сделать главное и циничное – вначале отговорить вас быть журналистом!

Я постараюсь доказать, что профессия журналиста, в глазах общества, является низшей стадией человеческого падения.

История нас учит, что если ваши родители не наскребли на ваше обучение в Гарварде, то ваши дела плохи. Остается прозябать зубным врачом или захудалым юристом.

Я был в гостях у одного телевизионного магната в Денвере, и он с гордостью показывал мне свою суперсовременную студию спецэффектов. Потом он кормил меня «королевскими» креветками, жалуясь, что, по последним исследованиям, в них много холестерина. Лучше омары.

Мы поехали искать нужных омаров. Дорога пошла в гору, и вдруг, справа, возник высоченный забор, из-за которого выглядывали верхушки каких-то дворцов.

– Что это? – удивился я.

– Тут живут адвокаты, – то ли с ненавистью, то ли с уважением произнес хозяин.

Ясно, что в его внутренней иерархии, человек, с профессией журналист, мог только стоять перед этим забором и описывать красоту этого забора, не более.

Свой вклад в представление журналистики, как публичной девки, внесли и фильмы.

Типичный сюжет: коп приезжает на место убийства, но там уже выются репортеры. Расталкивая друг друга, они суют микрофон под нос шерифу, выкрикивая: «Скажите, кто убийца?!» То, что шериф приехал сюда минуту назад, сценариста, который писал этот киносюжет, не смущает. Обязательна фраза шерифа: «Никаких комментариев!» И вторая фраза обращена к сержанту: «Прогоните их!» И толпу журналистов разгоняют, чуть ли не палками.

Иногда сценаристы выходят из запоя и понимают, что журналист – это человек.

Но тогда рождается другой бред: сыщик и обольстительная журналистка сидят у барной стойки. Далее следует шедевральный диалог:

ОН (*курит*). – Вы ведь не зря назначили мне здесь встречу.

ОНА (*посасывая из трубочки коктейль с вишенкой*). – Мне кажется, вы знаете больше, чем говорите.

ОН (*устало потирая лицо, он не спал три дня*). – А почему я вам должен доверять.

ОНА (*намеренно оголяя силиконовую грудь*). – Потому что вы не знаете то, что знаю я.

ОН (*допивая двойной виски*). – И что вы предлагаете?

ОНА (*приближая губы к его небритому лицу*). – Давайте объединим усилия.

Дальше между ними происходит горячий секс, а потом они все же раскрывают заговор против президента, хотя министр обороны настаивал сбросить атомную бомбу на Москву.

Необычайно популярен образ журналиста-подонка. Вспомните мой любимый фильм «Крепкий орешек» («Die Hard»). Негодяй журналист получает в первой серии достойный удар по физиономии от героя. Во второй серии этот же журналист снова получает удар. Такие эпизоды клонируют, потому что это нравится публике. То, что журналист заперся в туалете и сообщил по телефону на землю, что существует проблема, то есть исполнил свой долг, никого не интересует.

Подытожим нехитрый набор образов журналистов, популярный в кино.

Идиотка-блондинка, тараторящая текст, что Годзилла уже рядом.

Продажный журналист, покупающий информацию.

Продажный журналист, продающий информацию.

Спившийся журналист, где-то в Колумбии сотрудничающий с наркобаронами, но, по случаю, берущий деньги от ЦРУ.

Стареющий ведущий, отчаянно цепляющийся за эфир.

Молодой ведущий, подсигивающий старого ведущего.

Журналист из президентского пула, знающий, что президент уже инопланетянин, но молчащий об этом.

Еще один отвратительный пример журналистского падения показан в моем любимом сериале «Морская полиция» («NCIS»).

Агент Гиббс идет в тюрьму в последний раз допросить серийного маньяка и убийцу, которого казнят через 36 часов на электрическом стуле.

Убийца сидит в камере и что-то увлеченно читает. Перед его решеткой крутится нервный молодой человек с бегающим взглядом.

– Что-то не так? – спрашивает молодой человек.

– Глава о моей матери стала лучше, но над ней нужно еще поработать, – говорит убийца.

– Я пытался придать ей человечности, – нервничает молодой человек.

– Не нужно, – спокойно говорит убийца.

Входит Гиббс. Выясняется, что молодой человек – это журналист, которому маньяк разрешил написать свою биографию.

Гиббс требует, чтобы биограф вышел, но тот заявляет, что штат Вирджиния гарантировал ему постоянный доступ в тюрьму, особенно в последние три дня.

– Когда вы увидите его в следующий раз, то у него будут идти искры из задницы, – мрачно шутит агент Гиббс.

Убийца видит в руках агента толстый фолиант.

– О, вы нашли мой фотоальбом? – замечает убийца.

Действительно, это фотоальбом, наполненный страшными фотографиями, которые делал убийца, расправляясь с жертвами.

Это видит и молодой человек.

– Альбом! Вы нашли его альбом! – восклицает он. – А когда он будет издан?!

Молодого человека вышвыривают, несмотря на разрешения штата Вирджиния. И я считаю, что правильно вышвыривают. Если говорить о подобных журналистах, то я не возражал бы, чтобы искры и у них летели из разных мест.

Картину журналистских падений органично дополняют ведущие молодежных музыкальных каналов. В них идет вечная борьба остатков образования с отчаянной попыткой быть вечно молодым, подкрепляя это молодежным сленгом. Саша Барон Коэн довел это до самопародии, сыграв на MTV персонажа Ali G. Зрители очень смеялись, не понимая, что смеются над собой.

Итак, в массовом сознании журналист – это полупродажная поверхностная личность, сующая нос, камеру и микрофон в реальную жизнь, перевирая ее в карьерных целях.

Еще более отвратительны создания, которых называют папарацци. Несчастный фотограф Папарацци из моего любимого фильма Феллини «Сладкая жизнь» («La dolce vita») и не думал, что его имя так обесславят современники.

То, что имя собственное превратилось в обычное существительное и потеряло заглавную букву – не случайно. Главная цель папарацци – сфотографировать знаменитость на его яхте. Причем сделать фото в самом невыгодном ракурсе. Если фотографируется мужчина, то обязателен торчащий живот. Если женщина, то обязательно виден целлюлит. Если крупный план, то лицо видно плохо, а перхоть – хорошо. В ход идут самые современные объективы, приборы ночного видения и вертолеты.

За эксклюзивные фотографии от желтых журналов папарацци получают гонорары с шестью нулями. Чтобы получить скандальную фотографию, папарацци идут на преступления.

Еще суд присяжных не успел подтвердить их вину в смерти принцессы Дианы, как грядет новое разбирательство: в суд Лос-Анджелеса поступил иск против британского агентства «Splash, News amp; Picture». Истцы утверждают, что два папарацци, с ведома и за

деньги агентства, угощали кокаином известного актера Хита Леджера. Все это они снимали на видео, которое потом было передано в СМИ. И еще вопрос, не виновны ли эти папарацци в трагической смерти этого 28-летнего актера?

В триллере «Папарацци» («Paparazzi») очень хорошо показано, как папарацци доводят кинозвезду до мести. Фильм снял Пол Абаскал – бывший парикмахер Мела Гибсона, то есть человек, знающий тему. Он много лет подстригал Мела, и я представляю, сколько горестных историй о папарацци он от него услышал. И именно парикмахер, с бритвой и ножницами в руках, мог создать такое справедливое и мстительное кино-полотно. А то, что сам Гибсон был продюсером фильма, говорит о том, что идея вздернуть всех папарацци на рее его новой яхты находится в стадии разработки.

А еще, журналисты берут деньги от политиков и профсоюзов, выдавая проплаченный материал за свое независимое мнение. Журналисты не ждут конца расследования, а публикуют версии, оскорбляющие невинных людей.

Этот список журналистских преступлений можно продолжать, но давайте зададимся вопросом: почему мы все это безобразие читаем и смотрим?

Отгадка в одной человеческой особенности.

Рассмотрим пару примеров.

Вы едете в длинной пробке – впереди авария. Но пробка не потому, что дорогу перегородили столкнувшиеся машины, а потому, что каждый водитель притормаживает, чтобы посмотреть, что и как столкнулся.

Парадокс в том, что ты минуту назад знал, почему пробка, и проклинал этих идиотов, которые всех тормозят. Но, оказавшись пред аварией, – ты обязательно притормозишь.

Другой пример: одна слушательница прислала мне письмо, в котором писала, что меня ненавидит уже много лет. Ей не нравится каждое слово, которое я говорю. А когда она видит меня на экране, у нее начинается что-то, похожее на пляску святого Витта, хотя она точно не знает, что это такое. И она спрашивает меня, что ей делать с тем, что она все же каждый день слушает мои эфиры. Она ходила советоваться к священнику. Он сказал, что мои эфиры – это испытание Господне или свидетельство существования сатаны. Священник добавил, что тоже их слушает ежедневно, чтобы постичь бездонный уровень моей греховности. Пока это постижение в процессе, а когда он закончит, то обязательно ей скажет и даст правильный совет.

Третий пример – юмористические шоу. Когда социологи проводят опросы, то телезрители гневно заявляют, что, во-первых, телевизор они не смотрят, а кое-кто его просто выкинул. Во-вторых, зрители заявляют, что, более всего, не любят глупые Низкопробные юмористические шоу, но умирают от счастья, когда показывают симфонические концерты и инсценировки Шекспира.

Реальность же показывает, что это абсолютная ложь: рейтинги юмора гигантские, а Шекспир и Моцарт, судя по рейтингам, должны серьезно подумать о своем плачевном будущем.

Я бы осудил зрителей, потому что перед нами явный порочный пример мазохизма, двуличия, и еще, как любят говорить политики, «применения двойных стандартов». Но я никогда этого не сделаю, потому что естественное любопытство, жажда получения наиболее точной и достоверной информации и небольшое преувеличение собственного интеллекта не могут считаться пороком. А именно так я бы достойно и назвал эти недостойные стороны поведения публики. Это базовые потребности, как секс, и сохранение собственной безопасности.

Не важно, хочет ли публика знать подробности жизни поп-звезды или политика. Потому что это явления одного порядка. Но если подробности очередного развода поп-звезды приведут лишь к пятиминутной дискуссии с выводом, «так ей и надо», то подробности жизни политика могут изменить страну. Неожиданная новость, что его секретаршей, на неплохую зарплату, устроена его любовница, может привести к уходу этого полигика, и даже к падению правительства.

Кто сообщает вам об этом?

Те же журналисты.

Важность этой профессии подтверждает и тот факт, что уникальный Музей журналистики, переместился из Росслина, штат Вирджиния, в Вашингтон. И на строительство нового здания нашлось 450 миллионов долларов. А за первые пять лет его существования, его посетили более двух миллионов человек.

А знаете ли вы, что журналистика – опасная профессия.

Конечно, если вы будете репортером со светских тусовок, то вам опасаться нечего. В крайнем случае, какая-нибудь звезда бросит в вас коктейль за назойливость. Правда, потом, на пенсии, вам нечего будет вспомнить, кроме вкуса этого коктейля.

Но однажды вдруг вы решите написать о всяких безобразиях, потому что они вас возмущают. И вот тут журналистика повернется к вам своей другой, опасной стороной.

«Уотергейт» стал классикой.

Журналисты рискуют жизнями и стоят под бомбами.

В странах, с диктаторами у власти, они гниют в тюрьмах.

Убийство журналистов стало привычным явлением.

Почему я пишу об этом?

Потому, что это правда!

Потому, что, выбрав эту профессию, вы можете погибнуть.

И вы должны отчетливо это понимать.

Вас могут убить по политическим мотивам, потому что вы узнали что-то серьезное, что власть не хочет обнародовать.

Вас могут убить по религиозным мотивам, потому что религиозные фанатики любое слово в их адрес воспринимают как покушение на их догмы. Многие европейские журналисты ходят с круглосуточной охраной.

Вас могут взять в заложники террористы.

Вас могут убить местные, потому что вы о них неправильно написали и вообще лезете в их дела.

Вы скажете – я стгущаю краски? Ничуть. Журналист – фигура всегда социальная, даже если вы пишете про местную дискотеку.

Конечно, журналиста защищает закон, но вам вряд ли будет интересно, после похорон, узнать, что ваше убийство раскрыли, и негодяи наказаны.

Я лично хоронил своих друзей, которых безмерно уважал.

Они не были военными, но погибли на войне. Что же они защищали?

Они защищали, может быть, сами того не шал, небольшой документ, который знает и уважает все человечество. Он называется «Всеобщая декларация прав человека». Он был провозглашен ООН 10 декабря 1948 года.

Там есть статья 19-я.

Всего несколько слов:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

За эти несколько строчек каждый год в мире гибнет больше сотни журналистов.

Я не говорю, что вы обязательно должны погибнуть. Но мы с вами договорились, что я буду говорить вам правду. В жизни бывает все.

Если вы к этому не готовы – не идите в журналистику.

**КАК ОПРЕДЕЛИТЬ -ЕСТЬ ЛИ В ТЕБЕ ЖУРНАЛИСТСКИЙ ДАР, И
МОЖНО ЛИ ЕГО КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ**

Конечно, в наше время почувствовать себя потенциальным журналистом нетрудно.

Моя дочь однажды попросила ей купить диктофон, а когда я его купил, то она стала брать у меня интервью. Первое же, что она у меня спросила, сколько женщин было у меня до моей нынешней жены, ее мамы. Интересно, что жена стояла тут же, в ожидании моих ответов, изображая заинтересованную аудиторию. Я замаялся и спросил, не хочет ли дочь, чтобы я рассказал ей что-то о журналистике. На что дочь ответила, что спрашивает то, что надо, потому что если количество любовниц у меня было больше двадцати, то она сможет продать эту заметку местной газете. А на вырученные деньги они, с ее мотоциклистом, купят побольше бензина, чтобы уехать подальше от наших замечаний.

Такое представление о журналистике типично, достаточно взять любой гламурный журнал и увидеть на фото, как какая-то девица сует микрофон под нос местной звезде. Так что если рассматривать журналистику, как процесс покупки дешевого диктофона и последующий поход на светскую тусовку, то вы, безусловно, журналист. Там вы должны встретить звезду, она должна согласиться дать интервью и в конце концов вы где-то должны это опубликовать, чтобы получить деньги. Это важное замечание, ибо мы рассматривает журналистику не как хобби, а как профессию.

И тут начинаются проблемы.

Во-первых, нужно понять, о чем спрашивать это одноклеточное существо в узком платье и на шпильках.

Во-вторых, что это существо может ответить, кроме фразы: «Я хотела бы, чтобы на Земле не *было* войны».

А, в третьих, кто вам заплатит за этот бред.

Это вопрос закономерный, потому что деньги платят за что-то оригинальное. Например, за разговор со звездой, которая сделала столько подтяжек, что последние сорок лет скрывается от публики. Или, например, за беседу с диктатором, который, сидя на атомной бомбе, уверяет нас, что это просто стул такой оригинальной формы.

Конечно, есть особая каста журналистов, которые столь авторитетны, что не они просят дать интервью, а к ним на интервью записываются в очередь. Понятно, что время Ларри Кинга или Опры расписано надолго вперед.

Но ведь когда-то и они были новичками, ведь когда-то и они почувствовали, что им нужно заниматься именно этой профессией.

Как же это происходит?

Рассмотрим пример.

Однажды, в понедельник, мой приятель пошел в ресторан, где ему подали холодное мясо, да еще и обхамили. Он пришел домой злой и стал сгонять злость на мухах в квартире, прихлопывая их местной газетой. Расправившись с мухами, он развернул газету и обнаружил в ней раздел «письма читателей». Редактор газеты, который находился в конфликте с мэром городка и старался сделать все, чтобы его не переизбрали, предлагал всем писать, что в городке не так.

Мой приятель был настолько зол, что написал в этот раздел письмо о случае в ресторане. Эту заметку тотчас же опубликовали. На другой день он пошел в тот же ресторан, где ему подали такое же мясо и обхамили дважды. Один раз по традиции, второй раз за заметку.

Приятель тут же прибежал домой и написал в газету снова.

Потом он снова пришел в ресторан, и все повторилось, несмотря на письма.

Так продолжалось всю неделю, за исключением четверга, когда его, за заметки, побили на заднем дворе.

Но, как известно, пятница – благословенный день.

В пятницу он вновь пошел в ресторан и, к удивлению, обнаружил там кучу всякого народа. Там была санитарная инспекция, которая исследовала мясо, несколько представителей совета по этике и даже небольшая демонстрация местного союза

вегетарианцев, которая требовала запретить в публичных местах есть мясо и носить шубы, хотя шубы в этом ресторане никто не носил.

Приятель пришел домой, посчитав свой долг выполненным.

Но в понедельник ему позвонили из газеты и попросили прийти в редакцию.

Он думал, что его будут бить прямо там, но оказалось, что в кабинете главного редактора его ждет мэр городка и масса репортеров. Мэр, злобно на него посмотрев, вдруг стал трясти ему руку, улыбаться в телекамеры и говорить, что именно благодаря таким людям, как мой приятель, наш город искореняет пороки. И он, мэр, решил лично поблагодарить газету и этого читателя, который рассказал правду про этот нехороший ресторан – последний недостаток при его правлении. При этом мэр так сжал руку приятеля, что захрустели кости.

Мэр отметил, что мой приятель не склонился перед трудностями. Целую неделю он ел холодные бифштексы, подвергая свое здоровье риску, и в режиме «онлайн» сигнализировал обществу, что порок неискоренен. И он, мэр, лично благодарит моего приятеля и заявляет, что если его, мэра, снова переизберут, то мясо будут подавать только при температуре, рекомендованной федеральным бюро по питанию.

Вспомнив несколько цитат из отцов-основателей и несколько фраз из «Билля о правах», мэр отбыл, не забыв, на прощанье, снова до хруста сжать руку приятелю.

Приятель же собрался уходить, но неожиданно главный редактор попросил его задержаться. Он спросил, чем мой приятель занимается. Приятель ответил, что у него небольшой магазин скобяных товаров, и что он там работает до семи. Тогда редактор предложил, чтобы после семи мой приятель ходил по ресторанам, пробовал мясо и тестировал рестораны на хамство. И еженедельно писал об этом отчеты, причем правду. Приятель спросил – за чей счет будет еда. Редактор сказал, что за счет редакции. Услышав это, приятель сразу согласился. Напоследок редактор сказал, что его заметки, кроме имени, будут содержать, для приличия, фразу «наш ресторанный критик», но это не отразится на гонораре.

Итак, приятель начал ходить по ресторанам и коряво, как мог, писать об этом. Его заметки правили всей редакцией. Но постепенно он стал читать, как пишут другие, и понял, что заметка имеет свой размер, стиль и жанр. И стал писать лучше, параллельно искореняя рестораны с холодным мясом и хамством. Его несколько раз снова били, о чем он также не забывал написать.

Но появилась другая проблема – в городке уже все знали о его миссии, и когда он приходил, то ему в любом ресторане, под видом бифштекса, подавали только мраморное мясо, причем одна и та же официантка, в которой нетрудно было узнать победительницу местного конкурса красоты.

Тогда приятель пришел к редактору и честно сказал, что его задача исчерпана. Он заявил, что ему, конечно, нравится, вот уже три месяца, каждый день обедать за счет местной газеты, но он помнит просьбу редактора – писать правду. А правда в том, что рестораны стали лучше, а специально писать плохо о них он не может и не хочет.

Редактор задумался. Он не хотел терять моего приятеля, потому что его заметки пользовались успехом, кроме того, он ему мало платил.

– Знаете что, – предложил он, – вы, по-моему, так хорошо стали разбираться в ресторанах, что можете просто писать о хороших блюдах и о правильной еде. Ведь вы в этом уже разбираетесь лучше, чем кто-либо в нашем городе.

Приятель согласился. Он действительно увлекся этим странным занятием.

– Только теперь я не буду вам оплачивать обеды, – осторожно сказал редактор.

– Не проблема, – ответил приятель, – они готовы возить мне все на дом, лишь бы я о них написал.

Дальше получилось вот что: заметки приятеля стали перепечатывать большие журналы, потом он стал для них писать.

Теперь он один из крупнейших кулинарных журналистов, или, другими словами,

ресторанных критиков, и даже участвовал в переиздании нескольких томов знаменитой французской кулинарной энциклопедии «Ларуес».

А сейчас внимательно разберем этот случай. Только внимательно, потому что в нем, как мне кажется, как в капле воды, отражается весь мир журналистики.

Начнем с того, что приятель столкнулся с неким недостатком. И неважно, что это была его личная проблема.

Главное, что он определил: вот «это» – недостаток.

Второе: он, обуреваемый чувствами, решил об этом написать.

Тут тоже есть важное и неважное.

Неважно, что этот недостаток просто ему не нравился. Согласитесь, мы ежедневно с вами сталкиваемся с миллионом недостатков. Сотни газет предлагают нам об этом написать.

Но вот вопрос – а мы пишем? Нет.

А он написал.

То есть он решил предать некий, как он считал, негативный факт общественной огласке. Он внутренне решил, что этот факт общественно значим. И, действительно, почему мы с вами должны есть холодное мясо под хамские выкрики?

Далее, он не побоялся снова приходить в этот же ресторан, не побоялся писать заметки и оказался правдивым человеком.

Но и это не все.

Он не использовал свои возможности в личных целях. То есть не делил рестораны на хорошие и плохие, не брал взятку в виде денег, выпивки или поцелуев победительницы конкурса красоты.

Когда тема себя исчерпала, он честно об этом признался, а когда ему предложили поменять жанр, он согласился, хотя ему пришлось многому научиться заново.

Не подумайте, что я хвалю своего приятеля. Я просто констатирую значимые вещи.

Смею заявить, что мой приятель – настоящий журналист, хотя никогда этому не учился, да и если бы я тогда ему это сказал – он бы крайне удивился.

Итак, подведем некий итог.

Вы должны уметь, сообразно внутренним критериям, отличать плохое от хорошего, вы должны чувствовать недостатки жизни.

Вы должны не бояться публично заявить об этих недостатках.

Вы должны написать или сказать об этих недостатках так, чтобы на это обратило внимание как можно больше людей.

Вы должны понимать, что далеко не все считают недостатком то, что считаете вы. Более того, вы должны быть готовы, что вам придется в темном переулке встретиться с авторами этих недостатков.

Вы должны понимать, что один раз написать о недостатках – это просто нагреть воздух. Радио, телевидение, Интернет, блоги – это все размывает вашу проблему, она теряется в потоке информации. Поэтому вы должны быть готовы снова и снова говорить о той же проблеме, чтобы какой-то человек сказал однажды жене: «Слушай, этот парень уже в пятый раз пишет об этом ресторане. Может, не пойдём в него, а выберем другой?»

И это будет ваша маленькая журналистская победа.

Прочитав этот итог, вы можете удивиться: разве я пишу о профессии? Вроде бы пишу просто о некоторых человеческих качествах.

И да и нет.

Если вы пишете неграмотно – вы можете под-учиться.

Если вам нравится чей-то журналистский стиль – вы его можете освоить.

Если вы хотите писать о какой-то удивительной, доселе неизвестной вам профессии, – вы можете ее изучить.

Вы не можете сделать только одно – заставить себя рассказывать об этом другим. Это дар, это особое человеческое свойство. Оно либо есть, либо его нет. И именно этот дар отличает журналиста от всех прочих людей. Это как будто подвид *homo sapiens*.

Вы видите недостатки и не можете с ними мириться?
Вам хочется, чтобы негодяи сидели в тюрьме?
Вы знаете, как красиво одеваться, и вы хотите, чтобы так же красиво одевались другие?
Вокруг вас сотни действительно талантливых людей, и вы хотите с их талантом познакомиться других?
Вы хотите, чтобы то, что знаете вы, узнали миллионы?
Это значит, что свое личное, вы считаете общественно значимым.
Это значит, что вы социальная личность.
Это значит, что вы можете стать журналистом.
Ибо профессия журналиста на девяносто девять процентов состоит из его личных человеческих качеств.
И никак иначе.

КАК СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ И НЕ УПАСТЬ В ОБМОРОК

Как мы с вами уже говорили, что зародыш журналистики – в вашем желании рассказать всем о своем, личном. Или о том, что привлекло ваше внимание. Мы говорили также о том, что это *желание* непреодолимо. Вас распирает от этого желания.

Но вам страшно.

Мне тоже бывает страшно. У меня есть несколько страхов, которые я старательно пытаюсь изжить.

Например, страх перед тещей. Мне все время кажется, что она скажет, что останется у нас еще на три месяца.

Этот страх меня парализует.

Ваш страх другой природы. Это страх перед неизвестностью.

Однажды теща сказала, что сделает для меня торт. Но оказалось, что к тарту нужен крем. И я был привлечен к взбиванию этого крема. Я стоял в красивом фартуке в цветочек и томился неизвестностью – я не понимал, сколько мне его взбивать. Я бешено вращал взбивалку и думал о потерянной жизни. Я подсчитывал, сколько гениальных книг я мог написать, и сколько талантливых передач я мог провести. Но я не писал и не вел. Я взбивал крем. В это время теща говорила по телефону. Она, наверное, поговорила со всеми своими подругами, даже с теми, которые перестали разговаривать с ней много лет назад. К этому времени я взбил уже такую пену, которой хватило бы, чтобы поставить в центр торта саму тещу.

Потом она вошла и сказала, что я все испортил, ибо крем нужно было взбивать медленно и не более пяти минут. И я должен начать все с начала.

Почему я привел этот пример? Потому что иногда страх нами сильно преувеличен.

Но вернемся к страху первого шага. Действительно, с какой стати в местной газете должна появиться ваша крохотная заметка, написанная дрожащей рукой.

Я обещал в этой книге говорить вам правду. И я правдиво и честно отвечаю на этот главный вопрос.

Она появится, минимум, по трем причинам:

В любой газете, радиостанции или на телеканале все места всегда заняты. Это правда. Но, одновременно – это ложь. Во всех этих местах всегда нужны свежие талантливые люди, только об этом не дают объявлений. Я лично никогда не встречал объявления: «Нам нужен ведущий для вечернего шоу». Я понимаю, почему так не пишут – потому что на телевидение тут же набегали бы тысячи сумасшедших, считающих, что мама родила их именно для этого. Но, ответственно заявляю: хороший ведущий всегда нужен.

Вам кажется, что если вы придете в местную газету, просто зайдете с улицы и предложите свою заметку, например, о том, что лебеди прилетели на местное озеро, или о том, что заезжая рок-группа играла из рук вон плохо, на вас рывкнут и спустят с лестницы. Это еще один миф. Полная ерунда. Вас могут принять холодно, равнодушно, ведь в любую

редакцию каждый день приходят десятки графоманов. Но любое руководство крайне заинтересовано, чтобы у них появлялись свежие люди. Штатные сотрудники газеты не могут пересчитать всех лебедей и прослушать все рок-концерты. Есть понятие «внештатного сотрудника». А их могут быть десятки. И вы можете стать одним из них.

Вам кажется, что в редакции сидят люди, вцепившиеся в свой стол зубами, и что они отстреливаются, боясь конкуренции. И да и нет. Никто не хочет терять работу, это правда. Но, одновременно, любой сотрудник любой редакции мечтает найти молодого талантливого человека, чтобы тот стал его учеником и последователем. С какого-то момента ты понимаешь, что тебе не вечно сидеть за этим столом, и в тебе просыпается странное профессиональное отцовское чувство. Ты ищешь талант, чтобы передать ему то, что умеешь. Вы, наверное, много раз слышали фразу: «Он был моим учителем в профессии». Это не выдумка, это действительно существует. Прямое доказательство – эта книга. Я бы мог ее не писать, ведь вы можете из книги многому научиться и стать талантливее меня. Видите, я этого не боюсь. Правда, потому, что мне за эту книгу обещали хороший гонорар. Но, если честно, я лично привел в журналистику несколько человек, которыми горжусь.

Очень важная причина, на которую указывают все психологи. Она называется «боязнь отказа». Вспомните себя, как вам трудно было признаться вашей любимой, что ей пора стать вашей женой. Или, как мучительно прийти к кому-то и что-то попросить. Однако, как выясняется, тут ничего странного нет. Просто человек боится, что ему скажут «нет». Услышать это слово крайне неприятно, это факт. Но мой друг-психолог, объяснил мне, что эта боязнь особенная. Вам еще не сказали «нет», вы еще никуда не ходили, но вам уже неприятно, потому что вероятность того, что вам скажут «нет» – пятьдесят процентов. И вы в этот момент не думаете, что есть еще пятьдесят процентов, в которые вмещается слово «да». Вы думаете только об отказе, концентрируетесь на нем, стараетесь избежать возможных неприятных эмоций и, в результате, никуда не идете. То есть, по факту, вы потерпели неудачу, даже не сделав первого шага. Это много раз было в вашей и моей жизни. Но мой друг объяснил мне, как от этой боязни избавиться. Он сказал: нужно понять, что когда ты идешь к кому-то что-то просить или предлагать, то главная неприятность, которая может с тобой произойти – это то, что тебе просто скажут слово «нет». И все. То есть тебя не будут оскорблять, звать охрану, унижать, тебя не будут позорить перед твоими родителями. Тебе просто скажут «нет». И ты уйдешь и, может, никогда больше не встретишь этих черствых людей, не понимающих твой талант. Например, моя дочь много раз ходила на различные актерские пробы, и ей всегда отказывали. Но она приходила домой и говорила, что они все дураки, так как не разглядели ее уникальное дарование! Я лично знаю только два таланта моей дочери – выжимать у меня деньги на вечеринки и сбегать вечером из дома со своим мотоциклистом. Но она утверждает, что ее дарования безграничны. И что они скоро раскроются. По факту, дочь права, я не думаю, что у нее скоро появится депрессия. Так что и вам не стоит фатально относиться к отказу.

Но представим себе, что вам скажут «да». Ведь это может повернуть вашу жизнь. Так ответьте мне, стоит ли бояться слова «нет», если вы сами множеству людей говорили это слово, и от этого никто не умер.

На вернемся от надуманных предубеждений к реальным проблемам. Конечно, не так все просто. Вы можете принести заметку в редакцию, но ее не опубликуют. Если вы помните разговор с Издателем в начале книги, то, смею вас уверить, – он был прав.

Он меня не публиковал, потому что моя писанина была некондиционна. Проблема была в том, что я, начитавшись Гаррисона, Шекли и Саймака, пытался писать про инопланетян, не понимая, что эти великие фантасты, описывая инопланетян, пишут про нас, про людей. А про людей я писать не мог – не хватало опыта. В 16 лет хорошо пишутся только стихи про разбитую любовь. Придумать «шестиногого» просто, а заставить читателя увидеть в нем человека – сложнейшая задача.

В вашем первом журналистском шаге важна адекватность. Я знаю десятки прекрасных молодых людей, которые, зная о том, что журналистика на девяносто процентов – их

личность, забыли себя спросить: а из чего состоят остальные десять процентов.

А это вопрос принципиальный, им и займемся.

Представим себе, что вы редактор, а я принес вам заметку про лебедей.

Вы читаете: «Сегодня я видел лебедей в пруду. Они прилетели на неделю раньше. Их было пять. Один черный».

– И что? – спрашиваете вы.

– Ничего, – говорю я. – Публикуйте и давайте деньги, только быстрее, я еще не завтракал.

– А что тут публиковать?

– Я хочу быть репортером. – нервно отвечаю я. – Прилетели лебеди – я о них написал. Не хотите эту заметку – возьмите другую. «Вчера в клубе был рок-концерт. Группа играла плохо. Народ крепко выпил. Потом гитаристу разбили гитару, и была драка. Всех арестовали».

– Ну и что, – устало говорите вы, мечтая вышвырнуть меня в окно. – Почему это должно быть в газете?

– Потому что это правда, – важно говорю я. – Это произошло. Я это видел, а другие нет. Я хочу, чтобы про это узнали другие. Я читал в книге о журналистике, что меня это должно расpirать. Вот оно меня и расpirает. Давайте быстрее деньги, а то у вас перед входом парковка дорогая.

– Да, парень, – говорите вы, привычно доставая из-под стола бейсбольную битку, – сейчас мы решим все твои проблемы.

Парадокс ситуации в том, что увиденное вами – это действительно правда. Более того, в некоторых странах в 19-м и начале 20-го века, репортеры именно так и писали. Просто событие – и все. Но сейчас так писать невозможно. Читать неинтересно.

Оказывается, что оставшиеся десять процентов журналистской профессии не менее важны, чем предыдущие девяносто. В них – мастерство журналиста, как профессионала. Оказывается, что ваши мысли и то, что изложено на бумаге – это разные вещи.

Вы видели лебедей, вы видели, как они красивы, как грациозно плавают по пруду. То, что вы видели – вы и написали. Но дело в том, что вы это написали так, что в том, кто это читает, эта картина не появляется. Вы не сумели найти точных и нужных слов, чтобы читатель, воссоздал картину того, что вы увидели. Описывая драку в клубе, вы помните, что вам особо понравился момент, когда гитариста ударили, его же гитарой, по голове. Вам было смешно, но описать эту сомнительную радость вы не смогли. Не знаете как. Вы как иностранец в своем же государстве, где вас вдруг перестают понимать.

Вы не владеете технологией профессии журналиста. Да и откуда вам ею владеть, вы ведь нигде не учились. Так вот, те молодые таланты, о которых я писал, так и не стали журналистами, потому что не поняли, что журналистика – это полноценная профессия. А любая профессия отвечает на два вопроса:

«Что?» и «как?»

И если «что?» – целиком зависит от вашего внутреннего таланта увидеть интересное или от заказа редакции, то «как?» – это долгие годы учебы по выработке своего собственного стиля, за который вас будут ценить и платить большие деньги.

Вернемся к первому робкому визиту в редакцию. Если вам вернут вашу заметку – не обижайтесь. На это есть причины. Вы, например, вдруг можете внешне напомнить редактору его школьного товарища, который лупил его в младших классах.

Если представить себе, что редактором был бы я, и мне что-то, пусть даже гениальное, принес мотоциклист моей дочери, я бы заставил его съесть собственную рукопись и запить маслом из его мотоцикла. А потом бы убил. Или наоборот.

Но вы не мотоциклисты моей дочери. Поэтому, чаще всего, вам откажут по простой причине – ваша заметка просто плохо написана.

Тут важно понять – перед вами стоит редактор. Это человек со своими вкусами и пристрастиями. Кроме того, у него болит зуб и невыплачена ипотека. И еще, у него есть гора

текущей работы, которую ему поручили, потому что заболел его коллега.

И тут приходите вы с горящими глазами. Поверьте, ваш приход – всегда не вовремя. Тут нет ничего личного, поэтому вести себя с редактором нужно как с больным человеком. Для начала попробуйте исполнить план «А». Нужно прийти опрятно одетым. Нужно сказать, что вам очень нравится именно это издание, что вы не журналист, но хотите себя попробовать в этой профессии. Перед визитом обязательно найдите и прочитайте несколько публикаций именно этого редактора. Скажите, что вам нравится, как он пишет – вот почему вы пришли именно к нему. Назовите несколько заголовков, коснитесь нескольких тем из его статей, только ничего не перепутайте. Это действует броней. Редактор впервые поднимет глаза и ощутит, что вы в кабинете. До этого он ощущал *только* боль в зубе.

Далее, вы говорите, что тоже кое-что тут написали. Вы готовы изменить текст, потому что вам важна не его публикация, а желание научиться, как писать так, чтобы это было интересно читать. Вы просите почитать заметку и дать пару ценных советов, а если возможно, после переделки, прочитать ее снова.

Я клянусь вам, что редактор вначале потеряет дар речи, а потом немедленно вызовет нотариуса и усыновит вас.

Если же план «А» не подействует, и хозяин кабинета скажет, что он занят – мягко переходите к плану «В».

Спросите, когда можно прийти в другой раз. Если он скажет, что никогда, то спросите совета – к кому можно обратиться. Помните, люди не любят прямых просьб, но обожают давать советы. Вы обязательно получите результат.

Могу поделиться собственным опытом: часто, во время переговоров, я говорю собеседнику, что не могу уйти с пустыми руками, мне обязательно нужен какой-то результат. Это действует безотказно. Собеседник понимает, что я буду настойчив, но готов к компромиссу.

Вы можете честно сказать редактору, что от этой заметки зависит многое в вашей жизни, и вы просите понять, что дело не в деньгах, а в вашем будущем.

Повесив такую ответственность на несчастного редактора, отца четверых детей от трех разных браков, вы как бы повяжете его ответственностью за вашу судьбу. Вы как будто стоите на мосту и говорите: «Не читаешь заметку – прыгну!»

Он не откажет. Но если только ваша просьба будет правдива и серьезна. Это всегда чувствуется.

Если же он откажет – переходите к плану «С» – идите к другому редактору.

Не бойтесь просить, предлагать и быть настойчивым.

В этом нет ничего постыдного.

Это часть журналистской профессии.

Запомните, вы обязательно найдете газету, где вас впервые опубликуют, радио, где впервые пустят к микрофону, и телеканал, где вашу физиономию, хоть на секунду, но покажут в эфире. Правда, в том случае, если вы вашу физиономию, наконец, приведете в порядок.

БРОСИТЬ ЛИ СВОЙ ЗАХОЛУСТНЫЙ ГОРОДОК, ИЛИ БЫТЬ ПАТРИОТОМ?

Как мы помним из моего любимого классического мультлика, мышонок Джерри посчитал свой городок захолустьем и, бросив kota Тома, поехал в Нью-Йорк за сладкими впечатлениями. Мы также помним, чем это закончилось. Его чуть не съели коты, он прибежал по рельсам обратно, расцеловал Тома и написал: «Home. Sweet Home!»

В чем-то мы все похожи на Джерри. Мы любим стабильность. Чаше мы довольствуемся малым, боясь, в эксперименте, потерять и это.

Однако, если вы понемногу стали публиковаться, получили свой первый гонорар и родители, наконец, перестали вас называть лузером, перед вами встает выбор – заниматься

ли дальше журналистикой или все же пойти в зубные врачи?

И если вы решаете идти дальше сомнительным путем журналистики, вам придется решать главную проблему – оставаться ли дома или двинуться в большой город. К сожалению, наши бестолковые родители не всегда понимают, что родить нас они обязаны исключительно в столицах или, как минимум, в городах-миллионниках.

Произведя нас на свет в маленьком городке, в котором одна газета, одна радиостанция и три твоих друга, которые не прочь с тобой выпить пиво, но, при упоминании тобой слова «журналист», начинают громко смеяться и крутить пальцем у виска, наши родители создают нам кучу проблем.

Конечно, все мы очень любим наше родное место. В нем все уютно, понятно и удобно, как разношенные тапки. С возрастом, кроме любимой девушки, появляются маленькие связи. Они крепнут, потом старики уходят на пенсию, и ты занимаешь какое-то их место.

Но этот благостный сценарий я написал исключительно для поваров и сталеваров.

С журналистом все сложнее.

Я обещал говорить вам правду, а она в том, что в маленьком городке, как я сказал, одна газета, одна радиостанция и, в крайнем случае, один местный телеканал. Даже если всего этого не по одному экземпляру, а по два или три – это не решает проблем.

А они в следующем.

Вас выгнали из одной газеты, из второй вы ушли, потому что она плохая. И все – идти некуда!

Я знаю десятки сломанных судеб, когда из-за страха потерять место, журналист превращается

Мы решили вечером пойти в концертный зал. потому что там можно было посмотреть кино.

Мы шли по улице. Мимо нас проходили ужасно одетые люди. Света на улице было мало, и все это напоминало последствия какой-то войны.

И вдруг мы остановились. Мы просто ослепнели, потому, что в то, что мы увидели, невозможно было поверить.

По улице, навстречу нам, шла высокая стройная женщина. Она была одета в длинное элегантное темное пальто. Вокруг шеи висела красивая шаль, которая почти касалась грязи и луж. Ноги женщины украшали туфли на высоких каблуках, одетые явно не по погоде и не по месту.

Но, главное, на ее голове была огромная шляпа, которую она несла с каким-то привычным достоинством.

Она привыкла носить эту шляпу. Это чувствовалось.

Она была похожа на Айседору Дункан, которую Есенин увез в свою деревню, но там бросил.

Мы подошли и познакомилась.

Оказалось, что она дочь бывшего директора этого зала. Ее отец был директором более 40 лет. Она выросла в этом доме, где десятки лет бурлила культурная жизнь. Сюда приезжали лучшие артисты. Тут был хор, который знал весь СССР. Когда выходил популярный фильм, то премьера его была не в Москве, а именно тут, в этом маленьком городке. И именно сюда приезжали все герои этого фильма.

Однажды она посмотрела спектакль Чехова «Вишневый сад» и решила, что будет одеваться.

в чудовище, гнобимое начальством и пишущее по заказу.

Вторая проблема – темы и гости.

Я несколько лет, в начале карьеры, вел ток-шоу со звездами шоу-бизнеса. Потом я его закрыл. Причина простая – звезды закончились.

Помните, такие феномены, как многолетние американские шоу – это уникальное явление, в корне которого, кроме традиции поддерживать программу столько, сколько ее любят, есть еще один нюанс, но он главный. В руках американского ведущего – весь

англоязычный мир.

То же и с темами. Можно, конечно, писать, что прилетели лебеди, но в остальное время вы обречены слушать и смотреть большие шоу с большими и важными темами из больших студий больших городов, задавая себе вопрос – а почему меня там нет?

Но я хочу задать вам вопрос: действительно, а почему вы не там?

Расскажу одну историю.

Однажды я был в одном крохотном городке в Сибири. Это был очень маленький городок. Там была шахта, на которой все работали. Нас поселили в плохой гостинице. Из окон дуло. Дороги были разбиты и везде стояли лужи. Нужно сказать, что так в этом городке было не всегда. Во времена СССР там все жили неплохо, потому что был нужен уголь. Денег у властей было много, и они даже построили огромный и красивый Дворец культуры. Но СССР рухнул, шахта почти умерла, денег у людей практически не было.

как героиня этой пьесы, потому что ей захотелось, чтобы жители этого городка ходили не только в ватниках и сапогах. Ее отец это одобрил. Он сказал, что это миссия.

Потом распался СССР.

Потом умерла шахта.

Потом умер ее отец.

Начальство тут же назначило ее новым директором, потому что она знала и умела все, что умел отец.

Но произошло еще одно событие – в городке умерла культурная жизнь, потому что не стало денег. Никто теперь не приезжает, и нет никаких премьер, потому что всем нужно платить.

Но она каждый день, ровно в десять утра, в своем невероятном облачении, приходит на работу. Потому что она чтит память отца и помнит, что для нее это миссия.

– Скажите, спросил я ее, – за все эти годы, кто-то стал одеваться, как вы?

– Нет, – спокойно сказала она.

– У вас есть родственники в другом городе?

– Да, – она назвала огромный город, столицу этого сибирского региона.

Город с театрами, деньгами, домами моделей и бурной, культурной жизнью.

– Бегите отсюда, – сказал я ей. – Разве вы не видите, что все, что было вам дорого, умерло.

– Я знаю, – сказала она. – Но у меня дети. И муж неплохо устроен.

И вдруг заплакала.

Говорят, что грустные истории рассказывают в назидание.

Я не могу осуждать эту женщину, я сам не ангел, мне много раз не хватало в жизни решительности.

Но я твердо уверен вот в чем.

Твоя миссия в том, чтобы быть там, где ты ее можешь реализовать.

Если ты полон идей, но место, где ты живешь, не подходит для их исполнения, ты обязан уехать.

Журналистика в маленьком городке невозможна. Кроме названных ранее причин – отсутствия тем и гостей, а также фатальной зависимости от начальства, маленький городок не дает очень важных профессиональных вещей – обилия гостей, тем и постоянной собственной тренированности.

Когда мне нужно было принять решение – остаться в Москве или уехать в свой маленький город, мне помог определиться один писатель, с которым мы дружили. У меня уже был взят билет на поезд домой, но я сомневался. Я не мог принять решение.

В маленьком городке у меня все было. Меня там любили, называли талантом, и я там легко мог решить любой вопрос. В Москве, если бы я остался, мне пришлось бы жизнь начать сначала.

Этот писатель казался мне очень умным человеком, я чувствовал к нему доверие. Наверное, и у вас в жизни есть такие люди, которые, как вы ощущаете, могут дать вам

правильный совет.

Поезд у меня был в 11 вечера, а в 10, с чемоданом, я стоял перед его дверью. Мы разговаривали на пороге, я боялся опоздать.

– Что мне делать, ехать или остаться? – спросил я отчаянно.

– Решение принимать, конечно, вам, – спокойно ответил он. – Но жизнь подтверждает правило: лучше быть вторым среди других, чем первым в одиночестве.

Поезд ушел без меня. Билет я до сих пор храню. Наверное, для своего музея, который возведут благодарные потомки.

Лишь потом, уже на практике, я ощутил все преимущества, которые тебе дает большой город.

Например, сохранение себя: если твой стиль не подходит одному изданию – подойдет другому. Фразу из кино, когда начальник вам кричит: «Вы уволены!», а вы отвечаете: «Не уволен, а сам ухожу!» – можно сказать на самом деле, потому что всегда есть куда уходить.

Но это не все. Вы реально в конкурентном поле. Вы встречаетесь с лучшими или можете с ними встретиться. Это заставляет вас читать их публикации и смотреть и слушать их эфиры, а, соответственно, чувствовать сегодняшний стиль.

Именно в большом городе решается большинство проблем – политических, экономических, культурных. И вы не смотрите это по телевизору, а находитесь прямо там, в гуще событий.

Но есть еще одно, важнейшее обстоятельство.

Жизнь моей матери сложилась так, что она не смогла учиться в институте. Я был маленький, жили мы бедно, а отец все время разъезжал по командировкам. Так вот, сколько лет уже прошло, а мама всегда говорит: «Знаешь, вот если бы я закончила институт, то, наверное, моя жизнь сложилась бы по-другому».

Она сама не знает, как бы все сложилось, просто ее мучает то, что она не использовала возможность, которую ей давала жизнь.

Или другой пример. Когда мне вручали знаменитые «титановые сопки», мы после этого выпивали с космонавтами. И они сказали мне, что космонавты-дублеры всегда страдают от того, что так и не полетели в космос, а все космонавты, вместе взятые, завидуют Нилу Армстронгу, который первым побывал на Луне.

Поверьте, это очень тяжелый комплекс. Ты мог, но сделал. А если бы сделал, то это могло изменить твою жизнь. Разве ты хуже других?

Но это правильный комплекс. Ваша совесть мстит вам. Она напоминает, что вы не космонавт. И то, что простительно им, непростительно вам.

Совесть напоминает известную истину: пусть лучше будет так: вы поехали, перепробовали все, старались, как могли, но у вас не получилось. И вы вернулись. Но, поверьте, вы вернулись победителем. Потому что честны перед самим собой.

Вы говорите: «Я проиграл, я это признаю. Но я попробовал».

И между этой фразой и фразой: «Вот, если бы я поехал, то стал бы...» – огромная разница.

Ваша совесть любит вашу честность.

Быть патриотом своего городка – это одно.

Быть патриотом своей профессии – это совсем другое.

Поэтому вам мой искренний совет: если вы серьезно решили стать журналистом, целуйте родителей, возьмите денег у друзей и любимой девушки. И с криком «завтра верну», езжайте в Большой Город. И пусть вас не мучают комплексы, как отдать деньги. Станете Ларри Кингом – вернете.

Change Is Good.

ПАРЕНЬ, ТЫ ТАЛАНТ, НО КТО ЭТО ЗНАЕТ КРОМЕ ТЕБЯ?

Те, кто считают себя гениями – могут эту главу не читать. Остальным придется, причем

пару раз.

Один из моих учителей в журналистике сказал истину, которую я запомнил на всю жизнь, хотя не всегда ей следовал.

Он сказал: «Когда ты в эфире, помни, что тебя слушают, в том числе и люди с высшим образованием».

Это мрачный, но правдивый юмор.

Почему вас безумно раздражает ведущий утреннего шоу, который путает падежи и склонения, говорит дурацкие шутки, и сам смеется над ними.

Потому, что этот, вполне нормальный парень, дорвавшийся до микрофона, не понимает, что он идиот в эфире.

Эфир – это ежедневное предложение купить себя, как товар.

И оценка этого товара хромает: этот же несчастный, который только что со скандалом вернул в магазин бракованные джинсы, обвиняя продавца в том, что ему подсунули брак, подсовывает аудитории себя, свой бракованный уровень образованности и некондиционный уровень интеллекта, не понимая, что они у него ниже плинтуса.

Нужно понять, что просто красивый и обаятельный человек в жизни – это одно, а в эфире – совсем другое.

Простой пример, представьте себе, что к вам в эфир пришел человек, который строит самый высокий дом в вашем городе.

Я задаю вам вопрос: о чем вы будете с ним говорить 25 минут эфира?

Конечно, вы полезете в Интернет, надергаете пару фактов из его биографии, немного информации о его компании и ринетесь в эфир. Логика ваша будет проста – для начала разговора у вас информация есть, а дальше посмотрим.

Но на пятой минуте разговора вы поймете, что что-то не так: он уже ответил, как пришел в эту профессию, рассказал, что его фирма лучшая в мире.

– И что, – игриво спросите вы, – значит, ваш дом будет самым высоким в городе?

– Да, – честно ответит он, не поднимая глаз, – самый высокий.

И вдруг смертельный холодок пробежит по вашей спине. Вы поймете, что это все. Разговор остановился. Вы надеялись, что он будет говорить, а он тупо молчит. А о чем его спрашивать, вы не знаете.

И виноваты в этом вы, а не он. Он – строитель, а не проповедник. Он, в миру, человек скучный и нелюдимый, собирающий кактусы на подоконнике. Он знает, как построить самый высокий дом, но ждет ваших вопросов, чтобы адекватно об этом рассказать.

А вопросов нет, потому что вы в строительстве высотных домов ничего не понимаете и, кроме того, справедливо считаете, что говорить о толщине балок и тоннах бетона за утренним шоу как-то не полагается.

Самое интересное, что вы и правы, и не правы одновременно.

Конечно, хорошо быть инопланетянкой Лилу из моего любимого фильма «Пятый элемент» («The Fifth Element»). Как вы помните, она за пять минут просмотрела электронную энциклопедию и усвоила все знания и достижения человечества. Но, как мы помним, у нее были другие хромосомы.

У человека ситуация другая – по утверждению ученых, нас от обезьяны отличает только три процента в хромосомах. Поэтому мы ближе к бананам и вычесыванию блох, чем к Лилу.

Так вот, самая главная ваша задача, перед тем как вырвать у кого-нибудь микрофон и начать в него что-то болтать, трезво спросить себя – а что ты, собственно, можешь сказать той огромной и во многом образованной аудитории, которая тебя сейчас будет слушать?

Ответ, чаще всего, будет простой – ничего.

Ты окончил обычную школу. У тебя есть какая-то профессия, например, ты зубной техник, но ты решил стать журналистом и вести эфиры. То есть если говорить о компетентной части разговора, то во время разговора с мэром города на восьмой минуте ты обязан спросить: «Я вижу у вас на переднем зубе симпатичную пломбу. Очень хорошо,

кстати, поставлена. А вот пятый зуб у вас совсем почернел и скоро развалится».

Я думаю, что ответом будет два звука: хлопанье дверью мэром и звук пинка, свидетельствующий про ваш вылет с работы.

Тогда вы задаете мне закономерный вопрос. Вы говорите – я дантист, я все знаю про зубы. Но я не Лилу и не могу знать все в этой жизни на уровне специалиста. Кроме того, справедливо говорите вы, если бы я знал все обо всем, профессиональный разговор в эфире не интересен, потому что нас слушают все, а не только дантисты, строители или зоотехники.

Более того, иронично скажете вы, если бы, в случае со строителем, я бы знал о строительстве все, должен ли я был периодически вставлять фразы, типа: «Да, цемент марки 500 – это прекрасно! Особенно он хорошо смотрится в мешках по 50 килограммов». Или: «Да, вы уместно вспомнили балку АСТ 350/810, артикул 346578 ВД. Именно она обеспечивает лучшую устойчивость на 85 этаже, при боковом ветре 20 метров в секунду».

Конечно, ответу я, вы правы, вы не должны говорить в эфире эту ерунду.

Тогда вы спросите: так что же мне делать?

Ответ прост: вы должны быть хорошим дилетантом.

Да, именно так. Дилетантом, но хорошим. Хорошим, но дилетантом.

Безусловно, что-то вы знаете очень хорошо. Но вы обязательно должны знать и все остальное, хотя и понемногу.

Если бы вы регулярно читали популярные журналы, смотрели «Дискавери», и перед эфиром внимательно просмотрели последние новости в разделе «высотные дома» в Гугле, то неожиданно выяснилось бы: что у вас есть информация, что часто высотные дома ниже, чем кажутся, а выше их делают красивые шпили.

Что на эти шпили вешают различные передающие устройства.

Что, например, телебашня в Москве имеет фундамент, глубиной всего 4,6 метра, при высоте 540 метров, но устойчивость ей придают канаты, которые висят внутри нее, нагруженные огромными грузами.

Вы бы прочитали об удивительном Taipei International Financial Center, построенном еще в 2004 году на Тайване. Вы бы узнали, что панели этого небоскреба могут выдерживать порывы ветра до 300 километров в час, что они могут сдвигаться на 18 сантиметров и возвращаться на место. Вы бы были потрясены новостью о том, что на верху этого здания установлен шар весом 600 тонн, для того, чтобы обезопасить это чудо архитектуры от землетрясений.

Понятно, что подобная информация носит не специальный, а популярный характер, и придала бы вашей беседе объем и глубокое содержание. Вы уже представляете, сколько интересных вопросов вы бы могли ему задать, и, уверяю вас, он бы отвечал с горящими глазами, потому что у него есть свое отношение и к высоким домам вообще, и к шару, и к панелям, и к шпилям, и к канатам с грузами. Он, к сожалению, не построил телебашню, но был бы счастлив о ней хотя бы поговорить. А для слушателей это был бы понятный, содержательный разговор.

Итак, выгоните всех из вашей комнаты, подойдите к зеркалу и честно спросите свое отражение: что я знаю и что нет.

Ответ будет типичным: я знаю что-то одно, определяемое моим прошлым образованием или хобби, а в остальном плаваю.

Что делать?

Сначала запомним то, что нельзя делать в эфире:

1. Не затрагивайте тем, которых вы не понимаете.
2. Не лезьте в передачи, к которым вы не готовы.
3. Если вас поставили на такую передачу, лучше честно признаться шефу, что для вас ее провести будет крайне трудно. Он поймет. Это три минуты позора, но если это не сделать, то будет 25 минут позора в самой передаче.
3. Если отвертеться не удалось, нужно тщательно подготовиться.
4. Нужно постоянно заниматься самообразованием.

Последний пункт особенно важен, ибо вы не знаете, кто придет к вам на эфир завтра. Поэтому вы должны быть готовы к кому угодно. Это вопрос вашего выживания в профессии.

Вы должны смотреть все фильмы, даже ужасные, и читать все новые популярные книги, даже скучные, не говоря уже о классиках. Я начинал читать «Войну и мир» Толстого пять или шесть раз. Я читал его ночью в кровати, и каждый раз на третьей странице огромный том бил меня по носу, ибо я погружался в сладкий сон. Но я все же его прочитал, что считаю личным подвигом. Конечно, в наше время можно обойтись без чтения подобных фолиантов. Современные технологии сладко облегчают нам существование. Однажды по крупному телеканалу показали новый фильм «Война и мир». И так случилось, что этот показ совпал с экзаменами в школах. Так вот, замеры показывали, что рейтинг этого фильма был даже выше юмористических шоу. Понятно, что школьники решили дешево отделаться и, вместо чтения толстых томов, посмотрели несколько серий несложного фильма. Теперь они знают, кто кого любил и кто кого убил. И только малая часть из этих школьников посчитает, что от Толстого им нужно нечто большее.

Мне очень не нравится, когда фильмы и комиксы заменяют книгу, но вряд ли я смогу вас изменить. И, как известно, победителей не судят. Хотите, читайте подлинники, хотите – смотрите мультики, сделанные из них. Главное, чтобы ваш кругозор был максимально адекватным и широким, чтобы вы были в курсе последних научных, технических и гуманитарных открытий. Главное, чтобы при упоминании кого-то или чего-то вашим гостем, он не наткнулся на ваш недоуменный взгляд.

Вот два простых элементарных примера, из моей практики, почему это необходимо.

Один из гостей, в запале дискуссии, сказал, что муниципальные траты на вывоз мусора так же плохо просматриваются, как кольца Венеры.

– Как кольца Юпитера, вы хотите сказать? – мягко поправил я его.

– Хорошо, пусть Юпитера, – раздраженно сказал гость. – Все равно, их не видно, как и денег, о которых я говорю.

Гостю было все равно, у какой планеты кольца. Но что бы говорили обо мне, если бы я его не поправил.

Другая гостья, местная поп-дива, отвечала на типичный телефонный вопрос: «Какую литературу вы любите?» И хотя, по обилию силикона на ней, мне было понятно, что последнее, что она читала – это, максимум, ценник на блузке, она решила блеснуть и сказала, что вечерами любит почитать Буруками. Неожиданно ее повело, и она начала говорить, какой этот Буруками замечательный писатель, как она без этого Бурунами жить не может. А особенно ей, ее любимый Буруками, помогал, когда она записывала свой новый сингл «Поцелуй меня сюда, детка!» Без изучения Буруками она бы этот сингл не записала. Отличный шведский писатель.

– Вы, наверное, имеете в виду японского писателя Мураками? – спросил я ее.

– Именно его, – радостно ответила одноклеточная гостья и затараторила дальше.

Мне все равно, что подумают зрители, о ее новом сингле, но мне важно, что я смог ее поправить. А это значит, что я, как минимум, знал, как правильно произносится фамилия писателя, и из какой он страны. Таких примеров я бы мог привести множество. Это бывает почти ежедневно.

Гости часто стараются показаться в эфире лучше, чем они есть. Они начинают нести всякие глупости, запутываются в них, и помочь им – ваша прямая задача.

Особый случай – это нелюбимый гость. Чаще всего, наше начальство учитывает, что у вас есть пара-тройка персон, которых вы не хотите видеть не только в своем эфире, но и в жизни. Но бывают непредвиденные ситуации.

Однажды один отвратительный, но модный писатель **должен** был прийти в эфир к совсем другому ведущему, но тот ведущий заболел. И этот писатель был поставлен в мой эфир. Я понимал, что он придет и будет рассказывать, какой он гений и какая прекрасная у него новая книга. А слушатели будут звонить и рассказывать, как они плакали над сценой, когда проклятый миллиардер бросил девушку из провинции. Думаю, что эта новая книга

была еще хуже старых, но его имя было раскручено, и его читали тысячи людей. Я не мог сказать: я его не люблю, уберите его. Нужно было вести эфир.

Конечно, я не читал ни одной его книги. Более того, держать его книгу в руках было бы для меня оскорблением, и я думаю, что у меня на руке высыпала бы какая-нибудь сыпь.

Но завтра у меня был эфир, и я не мог себе позволить сидеть с отсутствующим видом.

Поэтому, накануне вечером, я подошел к жене и теще и сказал небольшую речь.

Я сказал, что знаю, что несмотря на мои запреты, эта книга ими куплена и находится в моем доме. Я предложил им не отнекиваться, потому что вчера они горячим шепотом обсуждали эту книгу, в частности судьбу бедной брошенной девушки.

Но, сказал я, они могут заслужить мое прощение, если дадут мне эту книгу почитать, не задавая лишних вопросов и никак это не комментируя.

Услышав мою речь, теща впала в кому, а у жены на лице было написано такое удивление, которое я видел только один раз, когда я предложил ей жениться.

Мне дали книгу, которую я прочитал по диагонали, но до конца. Я не знаю, сколько лет жизни у меня забрала эта чарующая проза, но назавтра я нормально провел эфир, лицемерно поддакивая в нужных местах и называя героев по именам.

Я так здорово ориентировался в похождениях этого миллиардера и бедной девушки, что, по окончании программы, пораженный гламурный автор подарил мне эту же книгу с дарственной надписью: «Моему фанату на долгие годы». Я хотел в благодарность стукнуть его этой книгой по голове, но сдержался.

Придя домой, я отдал книгу теще и жене, которые стали выдирать ее друг у друга, покрывая страницу с дарственной надписью фанатскими поцелуями.

Вывод из этой истории прост: не нравится, но все равно нужно прочитать, чтобы не попасть впросак.

Но вернемся к вашим возможностям, вернее к их отсутствию.

По своему опыту могу сказать, что лучшие ведущие – это те, кто имеет историческое, педагогическое или филологическое образование. Многие мои коллеги на «Эхе Москвы» блестяще знают историю. Я завидую их эфирам. В конце концов, все, что происходит вокруг нас, имеет свои исторические или гуманитарные аналогии. И мои коллеги легко ими пользуются.

Другое дело, когда они ведут эфиры на исторические темы. Иногда они забываются, и гость долго молчит, слушая, как они сами рассказывают что-то про Карла 12-го. Но это издержки производства.

Итак, запомним суровую правду.

Даже если вы красивы, как Аполлон, зрители и слушатели не любят примитивных идиотов.

Вас в конце концов уберут из эфира, даже если вы любовница главного редактора.

Или вам уготована судьба – вечно читать чужие тексты.

Но это уже другая профессия.

ВЫ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ И ВАМ ДЫШАТ В СПИНУ

Если вы дорвались до микрофона, экрана или своего места в газете, то, в ту же секунду, встает вопрос вашей конкурентоспособности.

Теоретически этот вопрос решается просто: вы находите дьявола, подписываете с ним типовой договор, и все ваши конкуренты тихо растворяются в воздухе.

Если же вы не ищете легких путей, то вам придется учесть следующее.

Вокруг вас тысячи молодых людей, которые мечтают и могут занять ваше место. Многие из них получили лучшее образование и знают то, чего не знаете вы.

Еще никто не отменял клановость и родственные связи. Поэтому, если у известного журналиста, к этому времени, вырос отпрыск, и отец не знает куда его деть, то, благодаря связям с вашим начальником, он его деть может ровно на ваше место. При этом постыдное

слово «семейственность» подменяется благородным словом «династия».

Таких опасностей десятки, я просто не хочу вам портить настроение.

Но есть одна опасность, о которой я хотел сказать особо. Эта опасность тихо вползла в нашу жизнь, постепенно меняя ее. И, как кажется, меняет до неузнаваемости, неся прямую угрозу вашей профессии.

Эта чудовищная угроза называется Интернет.

После того как вы отсмеялись, а многие из вас подумали, что автор сошел с ума, постараюсь объяснить, почему журналистика и Интернет находятся в красивом, но смертельном танце.

Да, на вашем столе стоит компьютер. Вы пользуетесь Интернетом для подготовки передач. Жизнь стала легкой и приятной. Приходит гость – вот его биография! Говорим о какой-то проблеме – вот что сказали о ней авторитеты!

Все в Интернете. Подготовка к передаче стала занимать пять минут.

Но вот случай из моей практики. Я вел обычный, игровой эфир. Первые десять слушателей, правильно ответивших на мой вопрос, получали книги от спонсора. Вопросы были разные – простые и сложные.

Я начал с простых. Тут же последовали ответы. Я стал задавать более сложные вопросы. И сложные вопросы щелкались, как орехи.

Я прослезился. Я понял, что пока шла игра, что-то небесное снизошло на аудиторию. Все стали умны и невероятно информированы. Удивительно, но эта благодать поразила всю аудиторию, без исключения. Молодые и старые, мужчины и женщины, играючись, цитировали мне Декарта, вспоминали даты всех крестовых походов, в том числе и в обратном порядке. А вопрос о самом дорогом сорте китайского чая был дан в такой полноте, что я спросил слушателя, не китаец ли он и не занимается ли оптовыми поставками этого волшебного напитка.

Поскольку ответы я принимал по телефону, то, задав самый сложный вопрос – как называлась какая-то крепость в веке, и, получив немедленный, правильный ответ от какого-то пятиклассника, я спросил его, не марсианин ли он, и откуда такое дитя, как он, может это знать.

– Из Интернета, – простодушно ответило дитя. – Я просто набрал в поисковике ваш вопрос.

Но теперь свой вопрос задам я: можно ли считать подобную игру честной?

За что я даю слушателям книгу: за знание или, за скорость, с которой слушатель успеет напечатать мой вопрос?

Эта проблема может показаться ерундовой вам, но не мне. Это означает, что Интернет поставил под вопрос существование целого жанра – игры в прямом эфире. Можно, конечно, просто принимать ответы и давать призы, но тогда нельзя называть это игрой – это просто раздача призов за скорость пальцев. И если ты хочешь, чтобы это была игра, то по-честному нужно, например, приглашать людей в студию.

Интернет превратил аудиторию в гениев, которая слушает тебя и одновременно смотрит на экран компьютера. Ты ошибся в дате – тебя тут же поправляют. Ты перепутал фамилию – ее немедленно называют правильно.

Безусловно, своими ошибками ты способствуешь самообразованию аудитории, но логичен вопрос – а не много ли у тебя ошибок? Хватает ли тебе знаний и интеллекта, чтобы тебя ежесекундно не поправляли?

То есть, нужно признать, что появилась огромная аудитория, которая сама ничего не знает, но, благодаря Интернету, видит и демонстрирует тебе каждую твою оплошность. И хотя мы договорились, что знать все невозможно, и журналист должен быть хорошим дилетантом, но дилетант – это не синоним глупости и необразованности.

И еще один момент, но он самый серьезный.

Почему, собственно, в этой ситуации, именно вас должны слушать, читать и смотреть?

Реальность проста – новости, быстрее всего, можно узнать из Интернета.

Однажды в одном провинциальном городе случился пожар в доме престарелых, погибли люди. Наша служба новостей узнала это от местных блоггеров, и мы дали это в эфир раньше государственных агентств. Там же было выложено видео пожара, снятое случайным прохожим на мобильный телефон.

Более того, уже не секрет, что сами агентства серьезно мониторят блоги по ключевым словам, получая информацию быстрее, чем от своих спецкоров, тем более что в каждом городке своего корреспондента не поставишь.

Блоги – это адское порождение сатаны и Интернета, разрушают традиционную журналистику.

В них можно прочитать комментарии к новостям. Высказать свое мнение можно в своем блоге, а прочитать чужое мнение в блоге друга или серьезного аналитика, который тоже ведет блог.

Более того, оказалось, что лучшие блоги в Интернете собирают аудиторию, которая и не снилась радио и телевидению.

Представляете, какое безобразие: вы учились, старались, терпели лишения, ели невкусные хот-доги. А какой-то парень сидит в маленьком городке, и на его блог заходят ежедневно миллионы людей и почему-то читают его бред.

Самый популярный блоггер России – это парень, который каждый день в своем блоге вешает несколько новых фотографий. Немыслимо, ведь у меня тоже есть фотоаппарат, но меня не смотрят, а его смотрят, причем более ста тысяч человек ежедневно, причем он не вешает фото раздетых девочек. Но это не все.

Хотите – откройте свою интернет-радиостанцию и, сидя на Борнео, и попивая коктейль, рассказывайте о красотах местных красавиц или несите любую лабуду. Но все равно у вас будет своя аудитория, потому что вы на месте событий, а слушатель – нет.

Но и это не все.

Подключите к компьютеру хорошую камеру и делайте свое телевидение. Всего этого уже полно в Интернете. Можно, конечно, сказать – а где огромная студия, где красивые костюмы, где массовка за деньги? Но можно возразить: а кто сказал, что все это сейчас нужно?

Уже сейчас, за небольшую плату, у вас в кабеле и на спутнике по 100 каналов. Я знаю одного парня, канадца, который уже пять лет смотрит только канал про рыбалку. Он говорит мне, что мир вокруг отвратителен, а идеалом являются только рыбы. На мой вопрос почему, он резонно ответил, что идеалом их делают два качества – то, что они вкусные, и то, что молчат, в отличие от политиков. Сначала я думал, что он сумасшедший, но, оказалось, что в мире таких сумасшедших миллионы. Более того, мне теперь все больше и больше нравятся рыбы именно за эти качества.

Моя теща прекрасно готовит, и она, почти целый день, смотрит кулинарный канал. Причем я думал, что она чему-то учится, но оказалось, что она все время им звонит в прямой эфир и делает им замечания.

Итак, подведем итог.

Когда-то в любой стране о смерти царя, на окраинах империи узнавали через месяц, а то и два, после его кончины. А сейчас личный врач лидера спешит выложить в своем блоге не только подробный отчет о последних минутах пациента, но и любительское видео, где запечатлены его предсмертные судороги.

В это чудовищное поле конкуренции, включается еще один элемент несправедливости. Он называется случайность.

Представим себе ситуацию: шеф-редактор отправляет в город нескольких корреспондентов, чтобы они сделали репортажи о важном городском празднике. Он будет на нескольких точках, и на одну из них должен приехать губернатор.

Вас отправляют к главному городскому фонтану, где стоит помост, на котором сейчас выступают певцы, а часов в восемь там появится и сам губернатор, который обратится с приветствием к горожанам.

Вам это место далось нелегко: пришлось несколько раз, как бы случайно, встречаться с шеф-редактором в редакционном кафе во время обеда, напомнить ему, что ваши и его дети учатся в одной школе. А поскольку он не очень сообразителен, пришлось прямо попросить его дать вам эту точку у фонтана, чтобы сделать высокохудожественный репортаж, план которую вы ему рассказали, несмотря на его отчаянное сопротивление.

Итак, вы стоите у фонтана, но губернатора нет. Его нет и час и два. На третий час вам звонят из редакции и предлагают вернуться, потому что губернатор поехал совсем в другое место. Оказывается, именно сегодня, он решил откликнуться на письмо возмущенных горожан, которые были недовольны затянувшимся строительством огромного торгового центра на окраине.

А откликнуться он решил потому, что стало известно, что торговый центр строит компания, связанная с братом его жены. А принципы, по которым выбрали именно эту компанию, весьма туманны и пахнут судебными разборками.

Губернатор понял, что стоять в этот момент у фонтана – это не просто преступление против своих избирателей, а нечто худшее – это преступление против собственных родственников.

Поэтому он прибежал к грязным бетонным блокам и заверял гневных граждан, что все строительство закончат за неделю.

И именно там оказался новичок из редакции, который, увидев губернатора, мелко задрожал и забыл включить камеру. Новичка отправили на всякий случай. Это был хронический лузер, которому ничего нельзя было доверить.

Губернатор оглянулся. Ему нужно было, во что бы то ни стало, сказать нужные слова для телевидения. Он накинулся на дрожащего корреспондента, потребовал включить камеру, вырвал у него из рук микрофон и объяснил, что розовый рассвет и всеобщее счастье настанет в следующий понедельник.

Этот лузер был единственным репортером, который оказался в этом месте.

Наутро счастливый шеф-редактор на летучке назвал этого несчастного лучшим журналистом недели.

Скажите, это справедливо?! В чем он журналист?

В том, что позволил губернатору вырвать микрофон из своих одеревеневших пальцев и не обделался от страха?

И почему он лучший журналист?

Потому что безропотно пошел в самое проигрышное место и не сбежал оттуда от скуки?

Где критерий?

А вот вам еще один пример.

В Америке есть престижнейшая журналистская премия «The Overseas Press Club Awards». Лучшие журналисты со всего мира награждаются за лучшие репортажи. Так вот, в 2008 году награду «The Robert Capa Gold Medal» получил фотограф Джон Мур (John Moore).

27 декабря 2007 года в Равалпинди он снимал репортаж о предвыборной кампании Беназир Бхутто. Как известно, она погибла от рук террористов.

Перед нами четыре фотографии. На первой – еще живая Беназир Бхутто в белом платке.

На второй – смазанное фото взрыва.

На третьей – плачущий мужчина, в отчаянии держащийся за грудь.

На четвертой – двое убитых, лежащих на грязной земле, среди обрывков плакатов Бхутто. Убитые небрежно накрыты разорванными флагами Пакистана.

А вот как комментирует CNN сам Джон Мур свой главный снимок: «... И в тот момент, когда я поднял камеру, раздался взрыв. Потом был хаос...»

Обратите внимание, Мур не знал, что сейчас будет взрыв. Он просто хотел сделать дежурный снимок. Но получил за него главную награду.

Но справедливо ли это?

А может быть, дать эту награду Господину Случаю?

А может, террористу, который именно в этот миг привел в действие бомбу?

Думаю, что нет, награда Муру абсолютно справедлива.

Вам ведь не приходит в голову, вместо рыбака, награждать огромную рыбу за то, что она попала на крючок?

Дело не в том, что Мур случайно поднял камеру, а в том, что он осмысленно оказался на этом месте. Он и его редакция, понимали социальную важность предвыборной кампании Бхутто. И, что самое важное, Мур не собирался делать сенсационные снимки. Он просто был на работе.

Но профессионал всегда включает камеру вовремя.

Какой нужно сделать вывод из этой ситуации.

Случай активно вмешивается в вашу профессию, и героем можете стать совсем не вы.

Но еще более чудовищными вам могут показаться случаи, когда действия, свойственные журналистам, совершают люди, вообще далекие от этой профессии. И становятся известными на весь мир.

Вспомните, например, видео с казнью Хусейна.

Является ли негодяем охранник, снявший это на камеру мобильного телефона?

Да, потому что снимать подобное – это нарушение всех этических норм.

Знал ли охранник слово «этика»? Не думаю.

Можно что-то делать, чтобы подобного больше не было?

Нет, потому что, как мы уже говорили, человеческое любопытство перевешивает любые нравственные догмы. Это скорбная правда.

Вдумайтесь, какой-то охранник, который умеет только стрелять и материться, просто поднял телефон и снял видео, которое в Интернете посмотрели миллионы людей, а еще, на порядок больше, увидели это на телевизионных каналах.

Причем все каналы, показывая это ужасное видео, не забывали лицемерно заявлять, что вообще-то это нехорошо показывать. А тот, кто это снял, вообще-то порядочный подлец. И все это, как-то негуманно...

Но абсолютно понятно, что если бы он предложил это видео какому-то каналу эксклюзивно, то его бы немедленно купили за любые деньги, причитая, что это безобразие.

Теперь зададимся вопросом, а разве этот охранник – журналист?

Конечно, нет. Все его взаимоотношения с журналистикой заключались в том, что пару раз он журналистов лично бил по приказу начальника.

Но у него оказался телефон в нужном месте, в нужное время. И хотя ему пользоваться телефоном было менее привычно, чем пистолетом, он сумел нажать на одну кнопку и вошел в историю. Если бы он сразу перебрался в Америку, то, уверяю вас, он уже давно побывал бы на всех ток-шоу и написал две книги. Одну – политологическую для элиты «Кровавый Хусейн и атомная бомба», а вторую – для денег, под названием «Сто пятьдесят жен Саддама – секреты секса», с подробным описанием, рисунками и даже видео, которое тайно снимали на всякий случай.

Почему я говорю об этом так подробно. Для того чтобы было понятно – если рассматривать журналистику, не как хобби, а как профессию, за которую вам должны заплатить деньги, то выясняется, что из-за современных технологий вашим конкурентом может быть каждый. И он получит кучу денег, так и не осознав, что в эти пять минут славы, был журналистом. Он просто получит свои пару миллионов и пойдет дальше заниматься разведением кур-бройлеров. Чем, собственно, и занимался до этого.

В этой ситуации, я еще раз задаю циничный вопрос: а почему аудитория должна слушать, смотреть и читать именно вас?

Один мой друг, журналист, сказал мне о моих радиоэфирах: «Расслабься! Пока люди ездят в машинах, они будут тебя слушать. Им просто некуда деваться». То есть он имеет в виду, что люди консервативны и не спешат менять привычное, например, FM-радио в машине.

Если рассматривать его фразу, как демонстрацию возможностей моей жены и дочери, то тут он абсолютно прав. То, что они выделывают с техникой, не поддается описанию. Жена и дочь злятся, когда я цитирую классика, что больше всего на свете люблю смотреть на огонь, на волны, на то, как работают другие. Они знают, что потом я добавляю: «И как вы паркуете свои машины».

Когда жена и дочь в одной машине, и они пытаются запарковать ее между двумя, рядом стоящими, то собирается толпа, состоящая из хозяев двух соседних машин, нескольких десятков зевак и двух-трех полицейских, следящих, чтобы не начались массовые беспорядки.

Весь процесс поражает бесконечностью, а фразы, типа, «по-моему, он говорил, что эту штуку нужно повернуть не влево, а вправо...», потом цитирует вся улица.

Когда я это напоминаю моим дамам, то они свирепеют и напоминают мне, как я решил сварить в микроволновке два яйца, и они взорвались.

Тогда я, в свою очередь, напоминаю жене, как она, спросонья, кричала теще в телефон: «мама, я тебя не слышу, говори громче!» При этом я, в другой комнате, слышал каждое тещино слово. Пораженный этой загадкой, я зашел в спальню и увидел, что жена держит телефон вверх ногами. То есть она слушает микрофон, куда нужно говорить, а теща, надрываясь, кричит с другого конца телефонной трубки, которая пребывает у губ жены.

Я перевернул трубку, и жена слилась в экстазе с тещей.

Потом она обвинила меня, что я купил ей неправильный телефон, который одинаков сверху и снизу, поэтому она ошиблась.

Но особый случай, это совместная поездка жены, дочери и тещи на автомобиле. У них играет радио, и когда они пытаются найти другую станцию, то нажимают все кнопки. Но только не те, которые на самом радио.

Вспыхивает свет, брызгает вода, открывается и закрывается крыша. После того как три часа они слушают случайно пойманные китайские народные мелодии, приехав домой, они обвиняют меня, что я купил неправильный приемник. Другое дело я.

Уже сегодня я слушаю передачи своих коллег и все, что мне интересно только в подкастах. Даже в машине.

То есть я люблю своих коллег, ценю их, но слушаю только тех, которые говорят то, что мне интересно и важно. Это мне позволяют современные технологии. А это ставит главный вопрос – сохранится ли вообще, в ближайшем будущем, журналистика в своем традиционном виде.

Коснусь святого – брифингов Президента США или президентов других стран.

Я гарантирую вам, что в странах, где нет диктатуры, где лидеры не боятся острых и прямых вопросов, через десять лет, брифингов, в их традиционном виде, не будет.

Новый президент спросит: а почему я должен отвечать на вопросы только тех людей, которые сидят в этом зале? Они корреспонденты при Белом доме? Хорошо, но разве я не президент всего американского народа? Мне не нужны посредники, скажет президент. Любой американец может мне задать вопрос по Интернету, я сам выберу вопросы.

И он будет прав, потому что ему выгодно выглядеть наиболее демократичным и открытым. А народ радостно его поддержит, потому что всегда существует надежда, что президент выберет именно твой вопрос.

Кем же нужно быть, чтобы в такой ситуации привлечь внимание именно к себе?

Где гарантия, что даже если собралась группа талантливых журналистов, то *их* издание будут читать?

Гарантии нет, потому что, с таким же успехом, их можно читать поодиночке в Интернете.

То есть если это издание существует на гранты, то нет проблем. Но если это бизнес, то будет ли он успешен?

Я много спорю с друзьями и коллегами на эту тему. Кто-то согласен со мной, кто-то считает, что «на наш век хватит». Дело не в этом. Эта дискуссия будет продолжаться, но не забудем, что в заложниках у этих грозных глобальных процессов, находится ваша трепетная

журналистская душа, о которой, собственно, и идет речь в этой книге.

Описав все эти ужасы глобализации и технологий, я просто хотел еще и еще раз напомнить вам простую истину, которая в журналистской профессии первична: вы находитесь в особо острой конкурентной среде. Вас будут слушать, читать и смотреть, только если вы привлечете к себе внимание.

Как вы этого добьетесь – ваша проблема.

Постарайтесь только не идти по пути Герострата и Нерона. И дело даже не в том, что устраивать пожар нехорошо. Просто все, что могло сгореть – уже сожгли до вас, а остальное хранится в электронном виде.

НЕБОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ: А ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ ГЕНИЙ?

После того как стало понятно, что объять необъятное невозможно, и вы поняли, что к темам, в которых вы плаваете, нужно готовиться не менее тщательно, чем к визиту к налоговому инспектору, мне необходимо вывести вас из состояния депрессии, в которую вас вогнали предыдущие пару глав.

Сделать это просто.

Вспомните историю о моем друге, который ходил по ресторанам. Согласитесь, его карьера сложилась неплохо. Он и сейчас сидит в каком-то кафе и, прикрываясь званием ресторанный критика, поедает бесплатную сочную отбивную.

Вспомните также моих коллег, историков по образованию. Они с удовольствием, кроме общих эфиров, ведут специальные исторические программы.

Интересен опыт моей коллеги, Марины Королевой. Она уже много лет работает в службе новостей, но параллельно ведет программу о русском языке. И это одна из лучших программ радиостанции. Более того, она написала, по материалам своей программы, несколько книг. Ее наградили разными премиями, а от министерства она получает гранты.

Еще один пример – другой мой коллега Александр Пикуленко. Когда-то он случайно зашел на радиостанцию помочь другу, который делал какую-то автомобильную рубрику. Теперь он сам делает многочисленные автомобильные программы в нашем эфире, и всеми признается, как блестящий знаток всех тонких отличий одной модели автомобиля от другой.

Есть еще один яркий пример – Александр Плющев. Если, ранее, он просто работал в службе новостей, то сейчас, продолжая эту же работу, он ведет программы про Интернет. Он известный блоггер, и слывет в этом виртуальном мире большим авторитетом.

Или возьмем моего коллегу Сергея Бунтмана. Он ведет любые программы в любом жанре, и в них я свободно могу его заменить.

Но есть одна программа, где я признаю свое поражение. Поздно ночью идет его эфир, в котором он рассказывает о саундтреках к фильмам.

Играет музыка, а Сергей параллельно пересказывает действие, которое происходит на экране. Это производит сильное впечатление. Это ведь радио, и ты не видишь изображение, а только слышишь музыку и рассказ. Из-за отсутствия визуального ряда, ты вдруг наконец-то начинаешь слышать музыку. Согласитесь, когда мы смотрим фильм, мы мало обращаем внимания на звуковую дорожку, она в фильме, как что-то само собой разумеющееся. Но тут выясняется, что без музыки, просто нет фильма.

Когда я послушал программу, посвященную моей любимой серии фильмов «Индиана Джонс» Спилберга, то я понял нечто новое: фильма без этой музыки Джона Вильямса, просто не было бы. А вот музыка, без фильма, вполне самостоятельна и звучит как хорошая приключенческая сюита, под которую можно было бы снять еще пару хороших фильмов.

Этот пример важен, потому что он типичен. Обратим внимание, что эту передачу сделать не просто. Нужно любить кино. Нужно смотреть все фильмы. Нужно понимать музыку. Нужно знать саундтреки, искать их в магазинах и покупать. Нужно уметь, под звук саундтрека, рассказать сцену фильма так, чтобы ему не мешать. Нужно, в деталях, помнить фильм, потому что саундтрек написан с учетом действия каждой сцены.

То есть нужно уметь много чего, что умеет Сергей, и чего не знаю и не умею я. Таким образом, с этой программой, он вне конкуренции. Для того чтобы другой человек делал эту программу, он должен иметь полный набор качеств и интересов, как Сергей, а такого не бывает, потому что каждый индивидуален.

Уверяю вас, если вы предложите креативную идею программы, которая основана на ваших знаниях и интересах, то вас обязательно ожидает успех.

У автора этой книги есть свое хобби – каким-то непонятным образом я разбираюсь в бытовой электронике лучше других. Меня не пугают новые модели телевизоров и ресиверов. Я знаю до тонкостей все их отличия и преимущества. Я спокойно могу объяснить какой фотоаппарат или плеер купить по лучшей цене и какая соковыжималка проста настолько, чтобы ее могла включить и выключить моя дочь. Более того, я знаю, где это все купить. При этом я никогда не работал в радиомагазине.

Это просто мое хобби, но я долго вел в эфире специальную программу, посвященную этой теме, потому, что люди обожают слушать практичные полезные советы.

Особенно, как что-то хорошее купить за доллар.

А я обожаю такие советы давать.

Это значительно приятней, чем брать интервью у мрачных политиков или восходящих поп-звезд, которые закатываются, так и не успев взойти.

Я рассказал эти поучительные истории для того, чтобы спросить – а помните ли вы, что ваша персона обязательно в чем-то гениальна?

Не забыли ли вы, что обязательно знаете что-то лучше всех остальных?

Ясно ли вам, что журналистика состоит не только из новостей и интервью?

Короче говоря – добро пожаловать в журналистику с черного хода.

Итак, вы что-то знаете в совершенстве или вам это кажется. И вы горите желанием об этом рассказать. Тогда начните проникновение в журналистику именно с этого. Любой редактор возьмет вашу статью о чем-то интересном, такие статьи всегда в дефиците.

Но, вы можете спросить: а что делать, если вы тот самый строитель, который строит высотные дома. Ведь мы уже говорили, что говорить о бетоне и балках неинтересно.

Да, о расфасовке неинтересно, но вспомните, почему все любят и уважают канал «Дискавери».

Я думаю, это не только потому, что это познавательный канал, но и за то, и это главное, что он умеет рассказать о сложном просто и популярно. Это удивительное умение. Людей, которые умеют так рассказывать, называют популяризаторами. Это Божий дар. И к этим людям мы испытываем благоговейный трепет.

Однажды у меня в эфире сидел известный астрофизик, получивший какую-то немислимую премию за свою работу, название которой я не мог выговорить пять раз, так замысловато она называлась. Я понимал, что это провальный эфир, потому что говорить о сути его работы не было смысла – ее понимали только те двадцать человек – самых известных мировых ученых, которые его и наградили. Но его награждение – это была главная новость дня, и не делать программу с ним было бы неправильно.

Он вошел в студию, сел напротив, снял очки в толстой оправе и стал ждать моих вопросов.

Я понял, что мой вопрос должен быть очень прост.

– Скажите, – спросил я его, – сын моего друга задает мне вопрос, на который я не могу ответить. Он меня этим вопросом замучил. В школе ему объясняют, что Вселенная бесконечна. Но он не понимает, что такое бесконечность. Он говорит, что все, в конце концов, заканчивается. Помогите мне. Я большой, и я обязан быть умным.

Он вздрогнул и поднял на меня глаза, и в его взгляде отразилась вся гамма сложных чувств. Если коротко, то расшифровать этот взгляд можно было так: я серьезный ученый, мне не нужны ваши эфиры, я собирался сегодня смотреть на альфу Центавра, поэтому к вам я пришел без всякого желания. Я продолжаю размышлять об открытых мною частицах и их значении для Вселенной. И о чем же меня спрашивает этот кретин?

– Так что мне ему ответить? – игнорируя неласковый взгляд, спросил я. – Когда я встречу с ним, он опять прицепится ко мне с этой темой.

– Странный вопрос, – произнес гость. – А что тут непонятного?

– Ему непонятно. – жестко произнес я. – Он маленький, глупый пока.

Гость продолжал смотреть на меня брезгливым взглядом, но понимал, что ему придется ответить на этот вопрос. Причем было понятно, что сам гость чувствовал, как именно Вселенная бесконечна, он прямо видел, что она тянется и вправо и влево. И ей нет ни конца ни края. Но я возвращал его в пещерное состояние, требуя объяснить это простыми *словами*.

– Ну, попробуйте ответить ему так, – сказал он, пожевав губами, – представим себе, что вы идете и перед вами стена. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да. – твердо сказал я. – Что такое стена, я понимаю.

– Так вот, скажите ему, что если он сделает дырку в этой стене, то за ней будет, например, дорога. Вы понимаете?

– Конечно, – успокоил его я. – Вот стена, вот дырка, вот дорога.

– Правильно, – вдруг обрадовался гость. Он, по-видимому, не ожидал, что я понимаю, что такое дырка и дорога. И то, что я понимаю, делало меня ближе к нему и астрофизике.

– Так вот, постарайтесь представить ему бесконечность Вселенной, как череду преград, и того, что за ними. То есть за каждой преградой что-то обязательно есть.

– Вы гений, – просиял я. – Я спасен. Наверное, вашу премию вам вручили не зря.

– Это сомнительна похвала. – заметил ученый. – Кроме того, мое объяснение бесконечности примитивно и не отражает ее физической сути.

– Для этого юнца это вполне достаточно, – я приложил руку к сердцу.

– Кстати, – вдруг оживился гость, – вы затронули важную проблему. Вот я сижу у вас в эфире, но вдруг понял, что объяснить суть моей работы очень сложно. А это плохо, потому что мир астрофизики чрезвычайно увлекателен. Я уверен, что нас слушают много молодых людей, которые пошли бы в науку, но не решаются, потому что мы не можем сложное объяснять просто. Кстати, почему мы никогда не говорим об этом?

– Давайте об этом поговорим прямо сейчас, – облегченно сказал я.

Дальше все пошло, как по маслу. Мы вспомнили популярные журналы и книги, потом гость даже решился и популярен, как ему казалось, объяснил суть своего открытия. Но поскольку слова «стена, дырка и дорога» в этом объяснении отсутствовали, то суть я так и не понял, просто осталось приятное ощущение, что есть какие-то частицы, они летают туда-сюда, впрочем, нам особо не мешая. И еще осталось гордое ощущение моей сопричастности к большой науке.

Наверное, эта астрофизика и не так уж сложна. Просто у меня, из-за детей, жены и тещи, нет времени в ней разобраться.

Я привел этот пример еще и потому, что любой разговор в эфире должен иметь человеческое измерение. Согласитесь, было бы глубокой ошибкой объяснять за 25 минут суть сложнейшего открытия. Любой эфир в конце концов про людей. И, если задача эфира не четко информационная, как, например, визит какого-нибудь министра, который пробубнит про очередное повышение пенсий и зарплат, то не забудьте: любой человек, совершивший яркое, оцененное обществом, действие, чаще всего яркое, как личность.

Начните с человеческого, а профессиональное раскроется само.

Возвращаясь к сути этой главы о вашей обязательной гениальности, я уверен, что каждый из вас, безусловно, что-то знает о планетах, бабочках или разновидности французских вин. Это ваша бывшая профессия либо хобби. И если в вас есть талант рассказчика, а это неременное свойство журналистской профессии, то путь открыт. Более того, смею утверждать, что он более легкий, чем обычный. Вы уходите от конкуренции, вы подаете себя штучной персоной. Неважно, как вы выглядите, важно, что вы знаете и умеете ли азартно об этом рассказать. Потом, уже освоившись, вы сможете писать или говорить совсем о другом.

Автор этой книги, как известно, пришел в журналистику с легкой светской программой

«Бомонд», а теперь занимается, в основном, политической журналистикой. Мой пример типичен. В тот момент я просто знал артистов лучше, чем другие, знал их телефоны и был с ними знаком, в силу прошлой жизни. У меня на тот момент не было конкурентов.

Осознайте и используйте свои сильные стороны. Возможно, вас интересуют в журналистике политические события на Ближнем Востоке, но, на данный момент, вы лучше всего разбираетесь в кошках. Начните с передачи про кошек, предложите ее всем, кто-нибудь обязательно возьмет.

Ближний Восток никуда не денется, ибо конфликт там так же вечен, как и существование кошек.

СКОЛЬКО В ВАС ТЩЕСЛАВИЯ? ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ

У моей жены есть брат, популярный кинорежиссер. Он снимает фильмы, музыкальные клипы и телевизионную рекламу. Иногда ему для съемок нужен ребенок, и тогда он приглашал мою дочь. Не могу сказать, что у нее большой список ролей. В одном фильме она пробежала по лестнице, в другом – стояла на углу улицы с куклой. Еще был клип, где показали ее очаровательное лицо и улыбку. Правда, в этот период у нее вывалилась пара молочных зубов, но мне она и так понравилась.

И вот, когда ей было лет восемь, брат жены вновь приходит и начинает новые переговоры с дочкой. В этот раз, говорит он, роль у нее будет крайне ответственная. Она должна купить мороженое, заплатить деньги, взять это мороженое, открыть, пару раз его лизнуть и выйти из кадра. При этом она категорически не должна все время поглядывать в камеру и неожиданно громко смеяться, непонятно от чего.

Вроде бы договорились. Сели пить чай. Внезапно, все заметили, что дочь сидит злая и насуспенная. Мы стали спрашивать, что случилось. Неожиданно она вскочила и, заламывая руки, как Сара Бернар, громко воскликнула: «Боже мой, ну сколько можно! Я так устала от вторых ролей! Я давно созрела к главной роли, но этого опять никто не видит!!!»

Мы ее все же уговорили, задоблив вкусным яблочным пирогом, но последствия, все равно, были катастрофическими. Брат потратил на ее дубли столько пленки, сколько на весь клип. Она роняла мороженое, смотрела в камеру, кому-то даже махнула рукой, а в конце громко смеялась, еще не выйдя из кадра.

Сейчас дочь уже выросла, но каждый раз, когда мой кинородственник приходит, она заглядывает ему в глаза, чтобы он ее взял сниматься, но тот мрачнеет и отвечает, что ему дал заказ какой-то географический канал сделать фильм о крокодилах, и он согласится снимать мою дочь только в роли корма. Нас же он упрекает в том, что у девочки неумное, не по годам, тщеславие, и что в этом виноваты мы.

Мы же с женой считаем, что у нас, лучших родителей в мире и идеальных воспитателей, ошибок быть не может. А во всех ее недостатках виновата улица.

Итак, поговорим о некоторых отрицательных человеческих качествах.

То, что будет описано в этой главе, – знают все. Но поступают ровно наоборот.

Но начнем вот с чего. Почему те или иные шоу живут долго. Они живут долго по двум причинам. Разберем первую.

Когда американские сценаристы объявили забастовку, и все шоу остановились, одна моя русская коллега была страшно удивлена. Она сказала, что не очень понимает, зачем в этих шоу вообще нужны сценаристы. Есть гость, есть канва разговора. Пришел, скажем, в шоу Опры, Том Круз. Разве непонятно о чем говорить? О его ролях, о творческих планах.

Однако я думаю, что те, кто видели это шоу по телевизору и в Интернете, помнит, что Том Круз вдруг вскочил на диван ногами, прыгал на нем, хватал Опру за руки и вообще вел себя, как туземец. Мне трудно представить, сказал я моей коллеге, что этот момент, как и многие тексты и эпизоды, не были разработаны сценаристами, заботящимися о том, чтобы шоу, которое идет много лет, каждый день было в чем-то оригинальным. И это правда. Не зря говорят, что лучшая импровизация, это та, которая тщательно написана и много раз

отрепетирована.

Итак, если вы хотите, чтобы ваше шоу много лет было успешным, то нужно неустанно и ежедневно привносить в него оригинальность, создав целый штат авторов идей и текстов. Но это пример американский. А вот примеры российских телевизионных долгожителей, демонстрирующих вторую причину: Программа «В мире животных» – ведущий на пару минут, появляется на экране, после чего идет кино про дельфинов.

«КВН» – ведущий на секунду открывает программу, после чего студенты из разных городов юмористическими скетчами и сценками веселят публику.

«Что? Где? Когда?» – ведущего вообще нет на экране, слышен его голос за кадром, а суть программы в том, что знатоки отгадывают вопросы, которые присылают зрители.

Что общее в обеих странах? Мы видим что пусть разными методами, но содержание шоу гарантировано оригинально.

Но давайте поговорим о другом. Почему ведущие этих программ уже столько десятков лет продолжают их вести? Конечно, одна из причин – они часто и являются авторами идей этих программ. Но, поверьте, даже это не помогло бы им по сорок лет торчать на экране. Как мы знаем, браки распадаются за год. А любовь зрителей, еще более изменчива и непостоянна.

Перед вами две совершенно разные причины долголетия.

Американская причина – есть один ведущий, но он ежедневно новый: ему помогает огромный профессиональный коллектив.

В российских примерах тоже профессиональные команды, но они заняты подбором новых фильмов, команд и вопросов. Что касается ведущих, то, если говорить прямо и честно, конечно признавая их талант – они минимальное время находятся на экране,

Они не успевают надоесть.

Русский диктатор Сталин прекрасно знал психологию толпы – он крайне редко появлялся на публике. Он отдавал себе отчет – внешне он далеко не Кларк Гейбл. Понимая это, он выиграл дважды. Народ видел генералиссимуса только на его лакированных, им же, утвержденных портретах, а остальное домысливал в голове, слушая его редкие радиовыступления. Те же, кто лично видел его рябое лицо, сменяя друг друга, гнили в тюрьмах и лагерях или были расстреляны. На портретах Сталин не старел, и его лик был вечен и неизменен, как портреты Дориана Грея.

Противоположный пример – Леонид Брежнев.

Сейчас многие ищут причины распада СССР. Одни называют экономику, другие политику.

Я уверенно назову еще одну причину – телевидение. Те, кто видел, как Брежнев, старый и дряхлый, запинаясь, читал свои речи, путаясь в страницах и перечитывая абзацы по несколько раз, помнят свое ощущение: если у страны такой лидер, то эта страна скоро умрет. Так и случилось.

Я никогда не забуду, как однажды в конце 70-х, когда Брежнев был еще жив и произнес какую-то свою очередную речь, я был на государственном радио, я там начинал какую-то свою первую передачу. Так вот, я зашел в аппаратную монтажа, где монтировали пленки. Напомню, что в те времена не было как компьютерного монтажа, так и самих компьютеров. Были магнитофоны с обычной пленкой, а монтажные склейки делали липким скотчем. В аппаратной работала одна моя знакомая девушка, и она сидела и плакала. Я спросил, что случилось. Она объяснила, что монтирует речь Брежнева, которую завтра должны передать по радио. Но она не успевает, потому что у него слишком много оговорок, а слова не понятны, из-за его плохой речи. Но, сказала она, если она не сделает эту работу в срок, то ее уволят.

Вот так старость генсека и сумасбродство режима выливались слезами монтажера на радио.

На телевидении были те же проблемы. Вначале вырезали весь брак его речи, а потом стыки перекрывали кадрами публики. Но картинку живой мумии скрыть было невозможно.

Брежнев был одновременно и героем и жертвой этого страшного, уничтожающего эффекта телеправды. Его, как лидера страны, обязаны были показывать, все понимали, что это позорно, но трусливо боялись сказать ему честно, что это его уничтожает. А может, делали это специально.

Но в конце концов в эпоху диктаторов на экране торчит тот, кто нравится диктатору.

А в эпоху рейтингов – тот, кого любит публика.

Но публика все время хочет новое, в том числе и новые лица. А это решительно входит в противоречие с тем, что вы наконец получили свою передачу и считаете, что пора оторваться *по* полной. То есть торчать на экране от начала до победного конца.

Помните, это страшная ошибка молодых журналистов и ведущих программ. Вы готовы круглосуточно дарить себя аудитории. Но забыли спросить аудиторию, нужен ли ей этот подарок. За эту забывчивость вас ждет неминуемая расплата.

Публика в первый день скажет, что ведущий неплох, второй день будет посвящен изучению ваших прыщей, на третий день пойдет ропот: «какого черта нам показывают этого болвана», а на четвертый день вас сменят.

И это будет неизбежно и правильно. Потому что прыщи замечают, если в вас ничего, кроме них, нет.

Это парадоксальный, но правдивый закон эфира: чем больше вы немотивированно торчите на экране, тем быстрее приближаете свой конец.

Конечно, в этой фразе главное слово «мотивированно». Если вы закрыты хорошим чужим текстом или написали свой, если программа имеет четкий план, если у вас топовые гости, если вы подготовились к эфиру, то смотрят не на вас, а на то, что вы делаете. Вас как будто не замечают. Если спросить потом, каково впечатление от эфира, то аудитория ответит: «Неплохо, был хороший гость, интересно рассказывал, очень полезная передача». А если спросить про ведущего, то аудитория пожмет плечами: «Кто-то вел, не помним кто. А что, это важно?»

Не торопитесь стреляться – это была высшая похвала!

Вы не мешали гостю, вы помогли ему раскрыть тему. Одновременно, вы не были назойливы, не глупы, вас в эфире было ровно столько, **сколько** нужно. Если бы вы нарушили хоть один из этих пунктов, вас бы запомнили, но как: «Этот идиот опять все время лез со своими вопросами!..»

В России все помнят журналиста-международника Александра Бовина. Это был маленький, грузный, оплывший человек, в бесформенном пиджаке. Он был вечно нездоров и говорил всегда с одышкой. Когда он вел телевизионные эфиры, то смотрел не в камеру, а в стол, и бубнил под нос ответы. Но те, кто его видели и слышали, а тем более вели с ним эфиры, как я, помнят: не имело значения как он выглядел, или говорил. Он вообще мог сидеть в эфире голым, этого никто бы не заметил. От него исходила почти физическая мощь его личности, сейчас это называют харизмой. В его случае, это был сплав талантливого рассказчика, опытного журналиста и, главное, здравомыслящего, незакомплексованного человека, прожившего большую жизнь и знающего цену и себе и другим.

Итак – вывод: если при вашем появлении многотысячная толпа благоговейно не затихает, если брошенные вами фразы не называют афоризмами, если ваши фотографии не висят на лобовых стеклах у водителей-дальнобойщиков – это значит, что харизма еще не созрела. Не губите себя, не торчите в эфире без дела. Поучитесь, поднаберитесь опыта, наблюдайте за старшими коллегами.

И однажды миг торжества настанет. Харизма созреет, и благодарные народы придут к вам и сами попросят быть в эфире побольше. И вы любезно согласитесь.

ВЫ ХОТИТЕ БЫТЬ ПОПУЛЯРНЫМ, КАК ДЖОРДЖ КЛУНИ. СОГЛАСЕН. НО ЕСТЬ ВОПРОС: А ВЫ ДЖОРДЖ КЛУНИ?

Я люблю кино, особенно боевики, даже средние. Фильмы такого рода очень помогли

мне в жизни. У меня была пара моментов, когда мне было очень плохо, и мне отвлекаться от неприятностей, помогало именно кино со стрельбой.

Мне нравится, что в этих фильмах всегда побеждает хороший парень.

Мне даже нравятся диалоги такого плана:

КОВБОЙ ДЖОН. Слушай, а зачем мы его пристрелили?

КОВБОЙ СЭМ. Не заморачивайся, сынок, снимай с него сапоги и поехали.

Моя жена говорит, что я люблю подобные фильмы потому, что мой интеллектуальный уровень совпадает с уровнем сапог, и мне не надо напрягаться.

Когда жена говорит мне подобные фразы, я предлагаю ей найти свой мужской идеал и стать его женой. Но такой идеал у жены уже есть, и зовут его Джордж Клуни.

Жена считает его идеалом по нескольким причинам.

Он красавец.

У него прекрасная вилла в Италии, на озере Комо. Жена там была и видела эту виллу, хотя издалека.

Он великолепный актер и прекрасный режиссер.

У него великолепная прическа с идеальным пробором.

Ужасно то, что я ничего не могу жене возразить, кроме последнего пункта.

Я ей напоминаю, что и у меня когда-то была пышная шевелюра. Но половину этой шевелюры я потерял в боях с тещей. А вторую половину вырвали дети – они так развлекались.

Когда мы с женой ссоримся, то она заявляет, что уйдет к Джорджу Клуни, поскольку тот никак не может определиться со своей подругой жизни. А мне будет уготована жалкая доля садовника Хосе-Игнасио на его вилле. Как в мексиканских сериалах, я буду садовыми ножницами подстригать кусты и жадно наблюдать, как они, с Джорджем, пьют коктейль с вишенкой.

На мой резонный вопрос, а зачем я нужен ей как садовник, ведь у меня нет такой атлетичной фигуры и магического взгляда, как у Хосе-Игнасио, жена поясняет, что, как ни крути, я отец наших детей и вообще неплохой муж. Звезды капризны, поэтому она не собирается выпускать меня далеко из поля зрения. Она договорится с Клуни, чтобы он купил мне яхту и маленький домик. Вечерами я буду в одиночестве кататься на яхте и плакать, что от меня ушла такая жена, а домик нужен, чтобы со мной были дети, когда они с Джорджем, будут ездить в Лос-Анджелес, чтобы получить очередной «Оскар».

Самое интересное, что я не возражаю, потому что Клуни нужен не только моей супруге, но и нам, чтобы поговорить о журналистике и об одной естественной черте человеческого характера, которая может погубить вас.

О неумном тщеславии.

Причем тут Клуни?

Дело в том, что он не только актер и мечта моей жены, но еще и великолепный режиссер, снявший несколько фильмов, из которых я хочу выделить один: «Спокойной ночи и удачи» («Good Night, and Good Luck»).

Действие картины происходит в США 50-х годов, в эпоху развития телевидения – фильм рассказывает реальную историю противостояния репортера Эдварда Марроу и сенатора Джозефа Маккарти, обвинившего в рамках так называемой «охоты на ведьм» смелого журналиста в симпатии к коммунистическому режиму.

У меня вызывает чувство уважения даже то, что Клуни решил сделать фильм на эту тему.

Этот фильм должен быть введен во все учебные программы, потому что, во-первых, показывает, что такое настоящая журналистика, какого она требует мужества и профессионализма, как человеческое тут сплетено с профессиональным. Во-вторых, демонстрирует типичную правду взаимоотношений между властями, руководством телеканала и человеком, который решается смело высказать свое мнение. А в-третьих, честно говорит, что журналист может иногда выиграть, но ценой своей карьеры.

Вы обязательно должны посмотреть этот фильм. Это учебник вашей профессиональной жизни.

Я бы дал этому фильму все «Оскары».

Но у этого фильма нет наград, и я понимаю, как Клуни это обидно, даже если он это не показывает.

Это всегда обидно, когда ты что-то делаешь от души, а этот фильм сделан именно так, но это не находит должного, по твоему мнению, признания публики и специалистов.

Но обратим внимание, что не делал Клуни, после подобного отношения к его фильму

Он не впал в черную меланхолию, не ушел в буддийский монастырь и не писал писем протеста.

Что он стал делать? Он широко улыбнулся и стал работать дальше, снявшись в очередных «Оушенах» и прочих фильмах, которые публике понравились значительно больше, чем история про времена Маккарти.

Теперь от Клуни перейдем к вам.

Сразу, после первой публикации, эфира или еще чего-нибудь в этом роде, у вас появятся поклонники. Вначале это будет ваша мама, которая приготовит вам что-то особенно вкусное. Потом ваша девушка, которая наконец скажет «да», потом соседи и несколько школьных друзей. Кто-то узнает вас на улице и попросит сфотографироваться вместе. Пусть в ограниченном кругу вы станете популярным.

И именно в этот момент судьба всех журналистов, расходится.

Они начинают делиться на тех, кто не съедает сладкую наживку популярности, и тех, кто съедает и потом ею давится.

Привыкнуть к горячей воде легко, а отвыкнуть невозможно. Легко бросить курить – моя жена легко бросала раз двадцать. Но потерять популярность – самое болезненное. Человек обожает, куда-то войти и услышать, как все восхищенно шепчут: «Это он!» Войдя туда же и не услышав этот шепот вновь, человек воспринимает это как трагедию. Об этом сняты десятки фильмов и написаны сотни книг, но все повторяется.

Я видел, как люди, потеряв популярность, мрачнели и ругались с детьми. Они становились стойкими ипохондриками и впадали в депрессию.

Я не забуду, как одного популярного шоумена, в годы моей студенческой юности, вычеркнули из списка, награждаемых правительственной наградой. Его коллег наградили, а его нет. Он пришел домой, лег на диван и умер. Замечу, что звание никак не могло отразиться на его заработках, зрители его любили и так. Вы скажете: ну что ж, его, конечно, жалко, но разве это имеет отношение к журналистике?

Имеет, и самое прямое.

Посмотрите любой гламурный журнал или подобную программу на телевидении. Вы обязательно услышите или прочтаете словосочетание «модный журналист». Когда я слышу эти два слова, то сразу мрачнею.

Что значит «модный журналист»? Что он законодатель какой-то моды? Да нет, просто парень торчит на всех модных тусовках. Ему приятно, он ходит на них, как на работу, а тех, кто восхищенно шепчет о нем, он снимает на камеру мобильного, обещая опубликовать. Это феномен нашего удивительного времени – быть звездой, не делая ничего, а только блистая, в основном, за папины деньги. Например, как Пэрис Хилтон. Я еще представляю, что может быть «модный писатель», как Дэн Браун, но он хоть пишет толстые книги.

Но не буду анализировать эту ерунду, скучно. Я лучше расскажу вам пару поучительных историй.

Более 20 лет назад меня пригласили на какое-то публичное мероприятие. Я пил кофе, и вдруг ко мне подошел какой-то молодой человек, поздоровался, а потом меня сфотографировал.

– Ну вот, – сказала моя приятельница, – теперь и ты у него в коллекции.

– А кто это? – спросил я.

– Никто, – немного подумав, ответила приятельница. – Какой-то модный журналист.

Он проникает на любое мероприятие, всех фотографирует, а потом фотографии где-то публикует.

Я пожал плечами и мог бы забыть об этом человеке, да не получилось.

Потому что, даже сейчас, спустя 20 лет, его, уже постаревшего и несколько обрюзгшего, я встречаю на всех мероприятиях, на которых изредка бываю. На нем, по моему, тот же серый костюм.

Я понимаю этого несчастного. Он никто, но когда он ходит на эти тусовки, отблеск ламп, бесплатных бутербродов и богемы падает и на него. Он счастлив, как может быть счастливо отражение в зеркале.

Другая история.

Ко мне на эфир пришел великий модельер Пако Рабан.

Он сел в кресло, как океанский корабль у пристани. Каждое его движение излучало величие.

Эфир был посвящен новым духам, которые он выпустил.

Я уже говорил, что всегда спрашиваю о том, что мне интересно, так я и сделал.

– Скажите, – спросил я, – меня всегда интересовало, как придумываются духи. Я представляю это так: вы выходите на берег моря, вдыхаете его аромат, потом вдыхаете запах полевых цветов, потом еще чего-нибудь. А уж потом говорите, как это все смешать в духах. Я прав?

– Частично. – он царственно улыбнулся. – Правильно то, что я отдаю указание. Но я ничего не вдыхаю. Я просто сразу придумываю аромат вот здесь.

И он постучал пальцем по идеально стриженной голове.

Для меня, не умеющего не то, что придумать духи, но даже нарисовать на бумаге простую вазу, Пако Рабан – проявление божественного.

Я привел эти два примера, чтобы напомнить, что у вас есть два пути: жить в отблесках и отзвуках или самому светить и звучать. Пако Рабан не боится потерять популярность, потому что он сам ее производит. Как и духи.

Почему это имеет отношение к журналистике? Потому что, если вас назвали «модный журналист», вы должны насторожиться.

Вы не должны перепутать два слова – мода и стиль. Стильный журналист – это человек, обладающий своим почерком, языком и манерой.

Модный – это вторичный, без своего лица.

Популярность журналиста сродни популярности некоторых политиков – сами они могут быть пустушками, но их поднимает толпа. Политика поднимают глупые избиратели, а журналиста – популярные издания, куда удалось пролезть. Конечно, приятно протянуть визитку, где над твоим именем стоит лейбл популярного гламурного журнала. Но если в нем ты пишешь всякую обезличенную ерунду, то помни – тебя легко заменить, потому что написать о том, как втирать кремы, может любой.

Бросьте визитку, бегите из этого издания. Ваш первый день работы в нем – это начало конца. Вы тут не эксклюзивны. Вас заменят, как только вы откажетесь, после работы, обсудить некоторые профессиональные вопросы наедине с шефом в его рабочем кабинете. Или потому, что, из-за ваших морщин, шефу обсуждать с вами эти вопросы стало уже неинтересно. И немедленно на вашем месте появится более молодая и, соответственно, более талантливая журналистка, особенно талантливая размером груди.

Если вы «модный», то вам придется либо уйти с сегодняшней модой, либо мучительно привыкать к другим обстоятельствам, словам и людям, которые модны завтра. Но завтра вы будете уже старым для тех, кто стал моден. И вы будете бегать среди молодых все в том же сером костюме, под их насмешливыми взглядами, потому что так и не нашли что сказать от себя, а только умеете повторять чужие слова, в надежде снова услышать фразу: «Это он!»

Вы уверены, что переживете момент, когда о вас забудут, потому что о вас нечего вспомнить, кроме совместных тусовок?

Однажды у русской рок-певицы Земфиры брали интервью. Ее спросили, как она

относится к своей популярности.

– Спокойно, – ответила она, – ведь что такое популярность? Это просто ответ на вопрос, насколько твои мысли совпадают с мыслями других.

Запомните эту фразу, возможно, она уберезет вас от депрессии.

Когда вам покажется, что вы теряете популярность, и это бьет по вашему самолюбию, а это бывает у всех, не спешите ложиться под вкусы толпы. Она все равно предаст вас, а вы потеряете профессию, – Не меняйтесь.

Помните, что если у вас есть что сказать, то обязательно найдутся люди, мысли которых совпадают с вашими. Они будут фанатами ваших идей, а идеи всегда вне моды.

Есть люди, которые не любят Пако Рабана или Клуни, но этим гигантам все равно.

Потому что один из них придумывает духи, и их кто-то обязательно купит, а другой снял фильм, фанатом которого стал, как минимум, я.

У больших людей есть своя большая тема в жизни.

Хотите популярности Джорджа Клуни? Станьте им.

Но не забудьте, что, в нагрузку, вы получите мою жену, двух капризных детей и меня, с яхтой и маленьким домиком. И я буду ходить в шортах по вашему саду, злобно подстригая кусты.

Вы видели меня в шортах?

Незабываемое зрелище!..

ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ТЫ ЛУЧШИЙ? ОТЛИЧНО, ОСТАЛОСЬ ЭТО ДОКАЗАТЬ ДРУГИМ

Певицу Мадонну всегда ставят в пример, как образец работоспособности. Я помню один из первых ее концертов в Италии. Она прыгала по сцене, пела между нот, но уже тогда поражала своей неумолимой энергией.

Недавно я смотрел концертную запись ее последнего всемирного тура. Холодная, стильная женщина на фоне экранов и звероподобных прыгающих красавцев мужчин. Каждая песня имеет визуальное решение, бесконечно меняются костюмы, обалдевшая публика смотрит, как Мадонна, оседлав вертящуюся стилизованную лошадиную сбрую, под кадры падающих лошадей, делает двусмысленные гимнастические упражнения, исполняя свою песню «Like a Virgin».

В этом весь парадокс. Делает что хочет, под аплодисменты собравшихся.

Мадонна уже давно из певицы превратилась в понятие.

Совершенно не имеет значения, что она поет, или кого, в очередной раз, наверное, пользуясь связями своего мужа, играет в кино.

Есть просто Мадонна, которая усыновляет детей и, в очередной раз, переезжает из Америки в Лондон, и наоборот.

Я, например, несколько раз переезжал с места на место, но этим интересовались только мои кредиторы. А переездом Мадонны интересуются все. Трудно сказать, каким образом, просто человек превращается в символ чего-либо, но ясно одно – это происходит не просто так.

Но есть общий закон: хочешь взойти на вершину – пакуй рюкзак и начинай восхождение.

Я часто слышал, как мои друзья критиковали Мадонну, но никто не подвергал сомнению ее работоспособность и настойчивость.

В этой главе я просто приведу вам два примера, чтобы доказать – если к своим амбициям вы приложите эти качества, то результат обеспечен.

Я пошел на концерт, в котором пел Элл Джарро, а играли Джордж Дьюк и Стенли Кларк.

После концерта, его продюсер, мой друг, Александр Иванов, пригласил меня в ресторан, чтобы выпить в узком кругу с гостями.

Я очень люблю выпивать с Александром после концертов. Мы выпиваем и говорим музыкантам бесчисленные комплименты, а когда порядком пьянеем, то уверяем друг друга, что и мы могли бы спеть и сыграть не хуже, если бы не судьба и наши жены.

В концерте также пела Лариса Долина. Она, кстати, вернулась из Лос-Анджелеса, где с Джорджем Дюком писала новый альбом, к которому он написал все песни и лирику.

На вечеринке мы сидели рядом. Мы с Долиной давно знакомы, так что разговорились о разном.

К этому времени принесли еду, и американцы принялись радостно поглощать аргентинскую говядину.

– А почему тебе не принесли? – спросил я Ларису.

– Я не ем после шести, – грустно сказала Лариса. – Я ем глазами.

Мы разговорились на животрепещущую тему диеты.

Я сказал, что не могу выдержать, и ем. Мне стыдно, но ничего не получается. Мясо сильнее.

– Лариса тоже любит мясо, – вмешался в разговор муж и продюсер Долиной, Илья. – Но, у нее есть воля, и она умеет считать.

Далее он рассказал то, чего я не знал, но то, что приходится учитывать звездам. Оказывается, у Ларисы, как и подобает певице такого уровня, есть множество костюмов, среди них, более сорока, непосредственно для сцены. Костюмы эти стоят немалые деньги – есть экземпляры, от модельеров, по 10 тысяч долларов за костюм, есть и значительно дороже.

Представим себе, что Лариса на вечеринках излишне обращала внимание на говядину, и у нее изменился размер с ее, нынешнего, многолетнего, 38-го на 40-й.

Возникает простой вопрос – что делать с гардеробом?

Хорошо, бросили туда все деньги, и пошили все новое на новый размер. Но после этого, предположим, она снова худеет или полнеет. Что, все опять шить наново?

Но и это, как оказалось, не все. Такое количество костюмов не прихоть. Зритель все видит, поэтому, если ты часто выступаешь по телевидению, как Лариса, то один костюм не может быть использован чаще, чем раз в полгода. При этом нужно помнить, чем ярче костюм, чем он выразительней, тем реже в нем можно выступать. То есть потратил огромные деньги на что-то новогоднее с перьями – будь готов, что потом эта красота будет висеть не менее двух лет.

То есть простая экономика бизнеса требует простой, но неожиданной вещи – диеты.

Но дело даже не в костюмах, их можно все же пошить. Дело в самой Долиной, в ее феноменальном упорстве и настойчивости, которую подкрепляло желание быть первой.

Господь подарил ей феноменальный голос. Она безумно любила джаз, но с кем тогда, можно было петь джаз в славном городе Харькове. Она перебирается в Москву и поет джаз с лучшими музыкантами, становясь номером один в джазовом вокале. Но джаз, в то время, был в России не очень популярен. Тогда Лариса начинает пробовать себя, как поп-певица, но для этого, как я понимаю, приводит свою внешность в соответствие с жанром. И это правильно. В джазе певица – это часть музыки. На эстраде певица – это часть декораций. Она понимала – правила не изменить. Что было дальше, мы знаем.

Теперь она входит в пятерку самых популярных поп-певиц, занимая также главное место в джазовом вокале.

Влюбить в себя народ не просто. Ей это удалось.

Она рассказала мне, как писала новый альбом в Лос-Анджелесе. Всю музыку и лирику писал Джордж Дюк. Он же делал аранжировки. Симпатичный Джордж не зря считается одним из самых больших музыкальных продюсеров мира. За его внешностью ласкового мишки скрывается железная хватка.

Они начали писать вокал, но Дюк остановил запись. Он сказал, что либо Ларисе придется идеально петь по-английски, либо альбом никто не купит. Она должна убрать акцент. Это в России, – сказал он, – можно на каждом углу кричать, что мы победим

Америку. Но тут Америка, а значит, есть свои, которые поют без акцента, и тут нужно победить на самом деле.

Лариса английский очень хорошо знает – она его учила всю жизнь, плюс помог огромный джазовый репертуар, который она пела. Но, понятно, непросто петь, как американцы. Она оказалась в необычной конкурентной среде. И началась мучительная работа. Дюк останавливал на каждой фразе, которая ему не нравилась, объяснял, как нужно произнести данное слово, и как правильно, в жанре, это все спеть. Она все спела, и Джордж Дюк остался доволен.

Второй пример.

Телеведущая Тина Канделаки жила в Тбилиси и работала на местной радиостанции. Для того чтобы стать звездой российского телевидения, ей пришлось, как мы понимаем, сделать несколько вещей: убрать сильный грузинский акцент, поработать над внешностью и найти свой стиль на экране. Когда я вижу, что каждый день, в своем шоу она в новом костюме и с новой феерической прической, я понимаю: она заботится об этом, она понимает, что это необходимо, что это является частью профессии. Она терпеливо обсуждает модели костюмов и изобретает новые прически.

Когда, в своем вечернем шоу, она весело и свободно болтает с Брюсом Уиллисом, я понимаю, что ей нужно было хорошо выучить английский. И она его достойно выучила.

Я знаю ее учителя. Это парень, который долго жил в Америке, говорит, во время урока, только по-английски и, с упорством маньяка, заставляет тебя повторять фразы еще и еще.

Вы можете спросить, а при чем тут журналистика?

Поясню.

Однажды, почти случайно, мы пригласили Тину на «Эхо Москвы» вести линейку политических передач. Она согласилась, ей было интересно попробовать себя на новой территории. Но, как мы понимаем, эта территория минирована опасностями.

Нужно знать кучу новых фамилий. Нужно понимать, кто па политиков что сказал, и какая у них сейчас позиция. Кроме того, понятно, нужно быть в курсе последних новостей и горячих социальных тем.

Обратите внимание, независимо от таланта, ей просто нужно было сделать очень тщательную подготовку, потому что она появлялась там, где было полно своих авторитетов.

Кроме того, она должна была подготовиться так, чтобы те, кто ее не любит, кто считает ее только ведущей светских ток-шоу, не иронизировали над ней.

Не забудем и сотрудников самой радиостанции. Они тоже ревниво относятся к подобным ситуациям. Они понимают, что, с одной стороны, это правильная политика: телезвезды приводят за собой новую аудиторию телезрителей, которые потом остаются с нами. Но, с другой стороны, каждый журналист в конце концов хочет своего личного продвижения. Кто-то, возможно, надеялся, что ему наконец дадут именно этот эфир, но тут пришла эта залетная звезда, и ее сразу посадили вести передачу.

Я уверен, что Тина это понимала. И ее задачей было соответствовать эфиру. И она очень хорошо справилась с этой задачей. Каков вывод из этих примеров? То, что в понятие «лучший», кроме таланта, входит еще и твое умение этот талант реализовать, это не открытие.

Мы знаем десятки людей, которые прорвались наверх, благодаря своей чудовищной работоспособности.

На этих примерах видно, что как только вы ступаете на чужую территорию, то выясняется, что там все занято. И это неудивительно, о вашем существовании на этой территории никто не знает. Ну что ж, придется их всех немного раздвинуть. Это, как мы видим, непросто. Но не невозможно.

Итак, вы считаете себя лучше? Но какие усилия вы приложили к своему продвижению, кроме усиленного выделения зависти?

Я понимаю ваше возможное раздражение при чтении этой главы.

Конечно, скажете вы, легче всего учить людей, как правильно жить.

И будете правы, потому что советы и назидания раздражают.

Но я не виноват, что журналистика так связана не только с жизнью ваших будущих героев, но и с вашей личной жизнью.

Поэтому герои моих примеров должны стать для нас объектами для подражания.

Безусловно, вы можете воскликнуть: «Но как же нам все это осилить, для этого же нужно немыслимое упорство!» Именно так.

И я могу привести доказательства такого упорства.

Например, мотоциклист моей дочери может часами стоять у нас под домом, ожидая, пока объект его увлечения не накрасит губки и наконец выйдет.

Кроме того, есть прекрасный рецепт, как справиться с задачей, даже если вам поначалу кажется, что она вам не по силам.

Ее сказал один из героев моего любимого сериала «С.С.И. – Место преступления – Лас-Вегас».

Однажды сыщики столкнулись с запутанным делом, где было много работы, и не было понятно с чего начать.

– И как мы будем с этим разбираться? – спросил один криминалист другого. На что другой ответил:

– Так же, как едят слона. Откусывая понемногу.

МОЖЕТ ЛИ ЖУРНАЛИСТ НАНЕСТИ ВРЕД ОБЩЕСТВУ? ДА, МОЖЕТ. И ЭТО БУДЕТ НА ЕГО СОВЕСТИ. И ЭТО СОВСЕМ НЕСМЕШНО

Я вспоминаю ужасную историю.

Как вы помните, однажды, в Москве, террористы захватили театр, где шел мюзикл «Норд-ост». Спецслужбы применили газ, всех усыпили и освободили заложников, а террористов убили. Но газ был применен неправильно, антидота рядом не было, и, уже освобожденные, люди умирали от действия газа.

Всего погибло 129 человек.

До сих пор идет дискуссия, правильно ли освобождали людей, тот ли газ применили. Почему не было достаточно антидота? Почему спецслужбы не объяснили, что это за газ, врачам в больницах, и не подготовились к операции. Ведь они знали, что *уснут* не только террористы.

Я считаю, что «Норд-Ост» – одна из самых позорных страниц российской истории. И даже не потому, что *погибли* люди – к сожалению.

идеальных рецептов освобождения заложников еще никто не придумал.

Позорно то, что власти публично так и не признали своих ошибок. А это означает, что никто не застрахован от подобных ошибок в будущем.

Но с этим захватом связаны две поучительные истории.

Когда террористы захватили заложников, перед телеканалами встал вопрос, как это показывать. Россия не Америка и не Европа, культуры и традиции вести прямые репортажи, при подобных происшествиях, в стране не было.

И вопрос решился просто: государственные каналы испугались и только рассказывали о событиях, показывая общие планы. Но один частный канал, НТВ, решил поступить иначе: на соседнем доме была установлена камера, и, во время новостей, происходящее показывалось длинными кусками.

Следует заметить, что у террористов был телевизор, то есть они знали и видели все.

И вот спецслужбы начинают штурм здания. Через некоторое время канал НТВ показывает новости, в которых идет картинка. Узнав об этом, Президент Путин, как говорят, пришел в бешенство. Для него, бывшего офицера спецслужб, факт показа подобной картинки, был чистым предательством, ибо он считал, что террористы видят что происходит.

Последствия для НТВ были печальными. Канал был разгромлен, а его менеджмент был смещен. Возможно, Президент и был бы прав, если бы не одно обстоятельство: телеканал в

новостях показывал не прямую картинку, а запись, которая была отснята раньше. Поэтому террористы никак не могли воспользоваться этой информацией.

Президенту это объясняли, но он не захотел слушать. И все произошло, как произошло.

Чем поучительна эта первая история.

Во-первых, тем, что она является подтверждением того, что я писал ранее: настоящая журналистика – социальный фактор, и вы можете пострадать за свои действия, например, потеряв работу. И вам никто не поможет, даже суд, особенно если вы живете в стране с авторитарной властью.

Кстати, замечу, что коллектив НТВ, естественно, разбрелся по другим каналам, но практически карьера успешно, на мой взгляд, потом ни у кого не сложилась. И это совсем не потому, что эти журналисты потеряли талант. Просто они попали в коллективы с другим стилем и нравами. И там не было такого ощущения полета и свободы, которое было на канале НТВ.

Во-вторых, эта история поучительна тем, что, например, лично я не могу однозначно ответить на вопрос – правильно ли показывать в прямом эфире подобные происшествия.

С одной стороны, журналист обязан информировать граждан о происходящем, это его долг.

С другой стороны, террористы видят вашу трансляцию и обязательно используют ее в своих целях. Но, если, оттого, что вы показывали, а они видели и корректировали огонь, погибнет солдат из команды штурма, готовы ли вы взять на себя хотя бы часть вины за его гибель. Или вы будете прикрываться криками о журналистском долге?

Второй пример. Он для меня еще важнее, потому что я был его участником.

Итак, заложники сидели в зале, и у многих из них были мобильники. Они тайно звонили из зала своим родным, что придавало ситуации еще большую трагичность. Среди заложников оказалась одна из сотрудниц «Эхо Москвы», которая пошла посмотреть это популярное шоу. Она регулярно звонила нам, описывая ситуацию. И вдруг она позвонила и сказала, что один из террористов хочет, чтобы мы вывели его в прямой эфир.

В этот момент в студии находился я, с моим коллегой Сергеем Бунтманом.

Вначале мы подумали имитировать прямой эфир, но поняли, что это не получится – террористы слушали нашу станцию. Но потом мы решили, что этому террористу эфир нужно все-таки дать.

Нужно учесть, что к террористам ходили разные, известные в стране, люди и просили освободить хотя бы детей. Но дело шло с трудом. Поэтому мы обосновали необходимость прямого эфира тем, что, возможно, удастся узнать, что необходимо заложникам. Например, нужна ли им вода или какие-нибудь медикаменты.

Мы начали эфир, но решили одновременно тянуть время, потому что наш главный редактор Алексей Венедиктов стал звонить в Кремль и просить, чтобы нам дали специалиста, который подскажет, как вести подобную беседу. Но в Кремле то ли не поняли важность момента, то ли им было не до нас, но специалиста не дали.

Итак, разговор начался. Мы объяснили террористу, что он в прямом эфире, и что мы просим, чтобы он отпустил детей. Он отказался и стал перечислять свои требования. Ясно, что вывести федеральные войска из Чечни, как он требовал, мы не могли и поэтому продолжали его уговаривать. Мы говорили, что он должен пожалеть детей, а он говорил, что от рук федеральных войск погибло много чеченских детей. Мы говорили, что его сейчас слышат миллионы людей, и он должен проявить гуманность, а он спрашивал, где была гуманность этих миллионов, когда Чечню бомбили?

Естественно, разговор закончился ничем.

Потом был штурм, и террористов убили.

Я несколько дней после этого ходил с самоощущением героя. Говорить с главным террористом – это журналистская удача, что ни говори. Более того, мы пытались освободить заложников, разве это не благородно? Да, у нас не вышло, но мы вписали свои имена в историю. Не каждому в наше время выпадает стать участником столь значимых событий.

Так я думал в тот момент.

И лишь потом я понял, что, возможно, ошибался. Теперь мне кажется, что мы совершили сразу несколько ошибок, главная из которых в том, что журналист – должен был быть журналистом, а не вершителем судеб.

Да, мы разговаривали с главарем террористов.

Но позвольте спросить, а готовы ли мы были к этому разговору?

Мы прекрасно знаем, что для переговоров с подобными людьми существуют другие специальные люди, годами изучающие психологию террористов, имеющие специальную тактику подобного разговора. Они говорят с террористами часами и часто добиваются успеха. Нам не дали такого человека, но это не оправдание – мы подобными знаниями не обладали.

Почему мы решили, что он освободит детей, поговорив с нами? Потому что мы особенно хорошие? Или потому что он в прямом эфире?

Правда, думать об этом времени не было. У нас был вынужденный азарт.

Но представим себе, что в это время человек из спецслужб до нас говорил с этим террористом, и почти договорился, чтобы он отпустил десять детей, в обмен на выступление в эфире. Но тут влезает мы, даем главарю эфир, без всяких условий, и дети остаются в здании.

Может быть, все было не так, а вдруг так?!

И еще одно, общее замечание.

Для чего террористы устраивают подобные акции. В первую очередь для того, чтобы о них говорили. Захватив несчастных детей, они спешат заявить всему миру о своих безумных планах. Журналисты не могут не сообщать о факте захвата, но означает ли это, что террористам нужно давать эфир, чтобы узнать об их переживаниях, перед тем, как они совершат массовое убийство? Заметьте, все, что говорил нам главарь террористов, было абсолютной правдой. Были и бомбардировки, и гибель детей. В Чечне была настоящая война, но власти стыдливо называли это «контртеррористической операцией». Действительно, Чечня – часть России, а раз так, то разве может быть война против собственного народа?

Но у властей свои резоны, а у журналистов должны быть свои. Между нами и террористами была одна существенная разница – они захватили зрителей и уже расстреляли несколько человек. А в этом случае с ними должны беседовать не журналисты, а совсем другие люди – хорошо вооруженные и стреляющие точно в цель.

Сейчас, если бы такое произошло, я бы отказался от беседы с террористом в прямом эфире.

Но и государство решило определиться, как быть в такой ситуации. Сейчас в России существует четкое законодательство, что террористам и людям, обвиненным в террористической деятельности, запрещается давать эфир. Их запрещается показывать по телевизору, давать их голоса по радио и приводить их прямые цитаты.

И я, с подобным решением, абсолютно согласен.

Более того, скажу, что иногда мне совершенно непонятно, почему в некоторых странах считается большой журналистской удачей взять интервью у какого-нибудь негодяя. Я понимаю, что крайне важно, чтобы в эфире были представлены разные точки зрения, но мне кажется, что человек, заявляющий, что он совершил один теракт и скоро совершит следующий, не может получить эфир, потому что причины, о которых он рассказывает журналисту, должен выслушивать только тюремный психиатр.

Но, к сожалению, я понимаю, что если Бен Ладан или какой-то отморозок, вроде него, даст интервью, то, почти любая западная телекомпания, конечно с оговорками, что он очень нехороший человек и что должны быть представлены все точки зрения, покажет это видео.

Но я глубоко убежден, что это неправильно или даже преступно.

Я понимаю, что мне могут возразить. Более того, у меня по этому поводу постоянный спор с моим коллегой Алексеем Венедиктовым, который считает, что разговоры об

ответственности журналиста абсурдны, ибо перечеркивают саму информационную идею профессии журналиста.

– Не следует обвинять петуха в том, что он кукарекает во время восхода солнца. – говорит Алексей. – Тут первично солнце, а не петух.

Тут я с ним согласен. Более того, я признаю, что в разных странах разные традиции журналистики и разное понимание роли журналиста. Я ценю это многообразие. Но я настаиваю, что журналист обязан думать о последствиях каждого своего шага.

Вспомните мой пример с фильмом «Крепкий орешек», где герой Брюса Уиллиса, Джон Макклейн, дважды, в разных сериях, съездил по физиономии журналисту Саймону за то, что он, казалось бы, сообщал абсолютную правду. Да, но что это была за правда, и каковы были последствия?

Напомню, что первый раз Саймон сообщил в эфире имя героя и показал фото его семьи. Это позволило террористу, который смотрел телевизор, вычислить жену Макклейна, и она чуть не погибла.

В другой серии Саймон звонит из самолета, который может упасть, просит вывести его в прямой эфир и рассказывает эту жуткую правду. Но в аэропорту везде установлены экраны, и начинается грандиозная паника. Люди выбегают из здания, топчя друг друга.

Дважды Саймон сообщал аудитории правду, но последствия были более чем сомнительны.

Так кто прав?

У меня нет ответа.

Но я абсолютно понимаю справедливость классической журналистской задачки: представим себе, что вы видите пожар. Вы крикнете «пожар», чтобы спаслись люди?

Конечно!

А если это происходит в набитом людьми кинозале?.. То-то!

Еще одну потрясающую историю, подводящую к моей главной мысли, мне рассказал известный журналист Владимир Познер, который долгое время в США вел совместное ток-шоу с Филом Донахью.

Был такой известный американский теледееатель Фред Френдли, который потом был профессором в университете. Однажды там проходил «круглый стол», на котором собрались очень известные медийные люди.

Заговорили о последствиях журналистского выбора.

И тогда Фред Френдли предложил присутствующим непростую задачку.

Представьте, сказал он, что вы берете интервью у министра обороны вашей страны. Неожиданно у него звонит телефон, он снимает трубку, потом извиняется и говорит, что выйдет на три минуты. Министр выходит, а вы, чтобы размять ноги, встаете и делаете пару шагов.

И тут на столе вы видите вверх ногами бумагу, на которой написано: «Совершенно секретно». Но вы-то опытный журналист, вы умеете читать бумаги вверх ногами. Вы окидываете бумагу взглядом, и выясняется, что в ней содержится информация о том, что в течение десяти дней ваша страна нападет на другую.

Пораженный, вы садитесь.

Входит министр. Вы продолжаете беседу. Но, сколько вы потом не говорите, он ни слова не сообщает о предстоящей войне.

А теперь вопрос: сообщите ли вы читателям о том, что вы видели такую бумагу?

Тут два варианта, и оба проигрышные.

Не сообщить – предать свою профессию.

Сообщить – предать свою страну.

Гости Фреда Френдли, подумав, пришли к выводу, что все же о бумаге нужно сообщить. Потому что это журналистский долг.

Я понимаю справедливость подобного вывода. Потому что важно не путать два понятия – страна и власть. То, что полезно власти, не всегда полезно стране.

Представим себе, что решение о начале войны, было принято узким кланом, во имя собственных политических или экономических выгод. Простой пример: мы знаем, какая дискуссия идет вокруг необходимости начала иракской войны.

В подобных случаях ваша публикация может привести к широкой общественной дискуссии, и войны, в результате, не будет.

А если все не так? Если режим другой страны перешел все грани, и военные действия – единственный выход?

Но вы сообщаете о бумаге, лежавшей на столе, и о факторе внезапного нападения можно забыть. Диктатор соседней страны нападает первым, и погибнет в сотни раз больше ваших солдат, чем могло погибнуть.

Вы готовы взять на себя вину за их гибель?

Журналисты, в разных странах, пытаются сформулировать какие-то кодексы своего поведения в экстремальных ситуациях. Иногда эти правила формулирует власть в виде жестких законов.

Но в конце концов окончательный выбор за посадку самолета, при плохой погоде, несет его командир. А журналист, наедине со своей совестью, лично решает, что сказать гражданам, а что нет.

Никто не знает, что с нами будет завтра. И даже если вы регулярно пишете в прессе только про собачек, никто не знает, куда приведет вас, случайно взятый поводок.

Моя главная мысль проста: нужно быть готовым ко всему, задавать себе вопросы и думать о последствиях, чтобы потом совесть не мучила вас всю жизнь.

Я это говорю с очень серьезным выражением лица.

ПОДТЯЖКИ ЛАРРИ КИНГА, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ПОДРАЖАНИЯ

Я уже писал, что люблю хорошее кино.

Один мой друг пошутил, что только американцы делают кино, остальные – фильмы.

Я могу долго хвалить американское кино, но отмечу главное его достоинство – я понимаю, что в нем происходит.

Однажды, лет тридцать назад, я прочитал одну статью, в которой справедливо ругали фильмы, в которых не сходились концы с концами. Статья называлась потрясающе: «Уметь рассказать историю».

Гениальное название.

Любую историю нужно уметь рассказать. Американцы умеют это даже в средних фильмах. С маниакальным мастерством, в слабом фильме низшей категории, они умудряются, детально рассказать, как этот бывший полицейский, несмотря на то, что ушла его жена, а дочь его не понимает, настигает якудзу, в руках которой оказывается именно эта дочь.

И, когда у него заканчиваются патроны, и главный якудза, смакуя ситуацию и наставив пистолет, говорит герою: «Встретимся в аду!», именно дочь произносит: «Нет, ты пойдешь туда первым», и стреляет якудзе точно в голову.

Я смотрю эту полную ахию с наслаждением. Мне все понятно, потому что мне все объяснили.

Дочь нашла пистолет, потому что его выронил один из японцев.

Стрелять она умеет, потому что ходила к отцу на работу в полицию, и он дал ей один раз выстрелить в мишень, хотя она не попала.

Полиция не могла приехать вовремя, потому что один из полицейских работал на якудзу и отправил всех в другую сторону.

В финале фильма неожиданно в ангар вбегает жена героя. И это логично, потому что она услышала в новостях, что ее муж отстреливается.

Вы спросите, как смогли оправдать стояние в кадре двух верблюдов? И почему они не погибли при шквальном огне?

Все просто: это был ангар для животных. Всех животных увезли, а верблюдов не успели. А не убили потому, что, как мы знаем, в американских фильмах не принято убивать детей и животных. Поэтому верблюды, как бы случайно, уворачивались от пуль, а один из них, по-моему, даже отстреливался.

Особо всегда радуется финал. Он неумолимо логичен.

Семья объединяется, а полицейский-предатель, которого тут же разоблачают, вынимая из карманов наркотики, оружие, фальшивые паспорта, адреса агентов «Аль-Каиды» и порнографические журналы, получает, вдобавок, плевков от верблюда.

Что тоже логично.

Но иногда американцам надоедает выпускать подобную продукцию, и тогда появляется Тарантино, который снимает «Убить Билла» («Kill Bill»). Но, несмотря на высокую художественность, там тоже все понятно.

Героиня Умы Турман, с диким тарантиновским именем, Беатрикс Киддо, она же Черная Мамба, умеет так здорово владеть мечом, потому что ее научил старый японец, правда, с подозрительно молодым лицом.

Мы детально видим сцены обучения. Черная Мамба старательно копирует движения старого учителя, преодолевая боль и отличаясь от учителя только повышенной эротичностью. Зато она потом всех мастерски топит в крови. Значит, копирование пошло на пользу. Запомним эту историю.

Теперь о другом. Однажды телевидение предложило «Эху Москвы» снимать линейку ежедневных ток-шоу. Студия была одна, а ведущие каждый день разные. Тогда мы решили, что отличаться будем одеждой и попытались раскидать – кто, в чем будет вести.

Я решил, что буду в подтяжках, как Лари Кинг. Мне всегда нравился этот стиль, особенно, когда подтяжки хорошей фирмы.

Но потом появились сомнения.

А почему подтяжки?

А если меня начнут сравнивать с Ларри?

Я ведь ему проигрываю, особенно в гонораре.

Короче говоря, я от подтяжек отказался, сославшись на то, что буду их носить, если мне будут платить, как и звезде CNN, четыре миллиона долларов в год.

Я до сих пор жду ответа, но руководство молчит.

Пока оно молчит, поговорим еще об одном человеке, который хорошо известен в России. Его зовут Леонид Парфенов, и его имя любой российский телевизионщик произносит с придыханием. Я бы сравнил его с Тарантино, в том смысле, что он оказался законодателем и новатором целого слоя телевизионных стилистических решений. Он делал документальные телевизионные программы, но для него, в отличие от других, оказалось важным, где стоит камера, как он перемещается в кадре, и какая картинка перекрывает его закадровый текст. Он ввел массу телевизионных приемов, которые нет смысла перечислять, если их не видишь. Причем я бы отметил, что даже затрудняюсь определить, что было истоком для его приемов. По-моему, ничего. Я бы, в этом смысле, сравнил бы его с Пако Рабаном, который, как вы помните, придумывал новые ароматы духов на ровном месте.

У меня есть еще одно сравнение, которое будет понятно, даже если вы не видели его работ. Я бы сравнил его программы с телефоном iPhone. Согласитесь, что это вроде бы телефон, но какой-то совсем другой. Иметь его хочет почти каждый, более того, выпускать традиционные телефоны теперь как-то бессмысленно. И вот, все фирмы начинают выпускать что-то похожее.

Леонид Парфенов работал на канале НТВ, о котором я упоминал, а после разгрома канала он ушел в печатную журналистику, а потом ушел и из нее, сейчас значительно реже появляясь на экране.

Итак, его нет на экране, но такое ощущение, что я в страшном кошмаре, а Элвис все-таки жив.

Каждый день на экране я вижу очередной десяток Парфеновых, под другими

фамилиями. Парни и девушки двигаются, как Парфенов, говорят с интонацией Парфенова, кроют свои сюжеты, как мог бы их скроить Парфенов. Подобный массовый психоз подражания я видел только в молодости, когда появились «Биттлз», с их квадратными прическами.

Теперь важный вопрос: нужно ли осуждать этих журналистов за подражание?

Только перед тем как ответить на этот вопрос, ответим еще на один, а нужно ли осуждать Черную Мамбу за то, что она подражала своему учителю, либо меня, из-за желания одеть подтяжки, как у Ларри?

Я думаю, что осуждать подражание могут только те люди, которые давно потеряли свою школьную студенческую фотографию, где, непомерно длинные волосы, плавно, минуя пирсинг, переходили в тату во всех местах.

Эти люди укоротили волосы вместе с памятью.

Они забыли, что подражание, на первых шагах, это не просто мода, а необходимость.

Польский писатель Ян Юзеф Щепаньский в потрясающей книжке путешествий «В рай и обратно» описывает примечательную сценку.

В одной восточной стране он сидел в кафе. Напротив него сидел молодой местный парень, с прической и одеждой Элвиса Пресли.

Это было время Пресли – волшебное время дешевой нефти, больших машин и уверенности, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Парень, в упор глядя на писателя, вдруг стал потихоньку выстукивать ногой ритм и напевать какой-то рок-н-ролл.

Глаза у него сияли.

Щепаньский пишет, что это был момент духовного родства, сакрализации идеи.

Парень обожал Элвиса, но где, в его восточной стране Корана и запретов, найти родственную душу.

И вдруг он ее нашел, даже изобрел. Он смотрел на писателя, и ему было все равно, он из Америки или Европы. Просто перед ним был тот, кто ближе к Элвису.

Итак, зададимся вопросом: если тебе нравится чей-то стиль, если ты считаешь его лучшим, если он ложится на тебя, то почему ты должен гордо сказать: «Нет, я именно так делать не буду, это уже делает другой».

Хорошо, а как ты будешь делать? Иначе, по хуже?

Зачем?

В своей работе я подражал всем, кому мог. Все, что я считал хорошим, я примерял на себя, вспомним, хотя бы шестиногого инопланетянина.

Я учился писать у одних, смешно писать у других, а стилю у третьих.

В журналистской работе я вел себя так же. Удачные фразы, хорошее начало эфира, удачные концовки – все чужое шло в дело.

Однажды я услышал, как ведущий, заканчивая программу, сказал: «Оставайтесь с нами». Теперь и я часто говорю эту фразу, хотя это штамп. Точно так же говорят и сотни других ведущих. И это правильно, потому что это хорошая фраза.

Когда, много лет назад, в России стали показывать CNN, меня потрясли некоторые ведущие эфира. У них были дорогие костюмы, как у адвокатов, благородная седина и особый, серьезный, взгляд в камеру, вызывающий доверие аудитории. Особенно потрясли низкие бархатные голоса, которые нравятся девушкам.

Я понял, чего мне всю жизнь не хватало. Я купил похожий костюм местного производства, аляповатый галстук и, ведя эфиры, стал, как они, авторитетно глядеть в экран, чуть повернув голову в сторону, пытаюсь переделать свой голос в баритон. Конечно, это не вызывало ничего, кроме хохота, потому что авторитетность рождается не поворотом головы, а самим авторитетом, который ты завоевываешь у аудитории годами.

Но я призываю вас к подражанию, потому что понимаю – это необходимость.

Молодой журналист пытается спрятаться за чужую манеру, пока нет своей, и кто его может осудить за это?

Более того, подражание на самом деле это практическое обучение разным манерам и стилям. И у вас нет другого выбора, потому что главный инструмент журналистики, как я уже писал, это лично вы.

Надевайте подтяжки Ларри Кинга, говорите низкими авторитетными голосами, делайте фантастические прически, пишите в манере любимых писателей. Короче, делайте все, что позволит вам, дрожащим от неуверенности, перенести на себя атрибуты респектабельности и мастерства от других. Прячьтесь за этой скорлупой, потому что она распадется сама, когда настанет время.

Постепенно, что-то оставляя, что-то отменяя, на вас останется только собственное, которое благодарные потомки назовут уже лично вашим стилем, забыв о крупномасштабном воровстве, которое вы совершили в бурной молодости.

Воровать признаки чужого таланта – это единственная форма преступления, за которое нет наказания. Воровать чужой талант получается только тогда, когда ты в потенциале обладаешь своим.

Недавно, кстати, я смотрел запись моего последнего телевизионного шоу. Я выглядел потрясающе.

У меня был костюм, как у Энди Руни, галстук, как у Питера Дженнингса, а стрелка на брюках и блестящие туфли, как у Дэна Разера.

Особенно мне, в последнее время, удается поворот головы. Конечно, меня осуждали за подражание, но сейчас этот поворот головы мне уже прощают. Я вошел в тот возраст, когда аудитория считает, что у меня остеохондроз, и голова просто не может стоять ровно.

ВЫ И ВЛАСТЬ – НУЖНО ЛИ ПРОДАВАТЬСЯ ЗА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ

Некоторые из моих хороших друзей, узнав о том, что я буду в учебнике писать целую главу с таким заголовком, были неприятно поражены. Со мной даже проводили профилактические беседы, чтобы я этого не писал. Смысл бесед был в том, что случаи, о которых я пишу, будут читать совсем молодые люди. И, получается, что они будут читать то, к чему их нетвердое сознание совсем не готово. Более того, когда читаешь эту главу, то человек, который до этого не знал, что его могут купить, об этом узнает. И может выбрать именно этот путь. То есть, в педагогическом смысле, эта глава антипедагогична.

На эти страшные обвинения, я отвечал одной историей, которая меня многому научила.

Это было в глубокой юности, когда я только получил права на вождение автомобиля. Водить было страшновато, это понимают все. На второй или третий день, я ехал по одной широкой дороге, в крайней левой полосе, хотя правые полосы были свободны. А в то время, действовало правило, что, если правые полосы дороги свободны, то ты должен занимать именно их. Естественно, что меня остановил полицейский. Я стал оправдываться, что я молодой водитель, и еду, в крайнем левом ряду, по важной причине. Я все время боюсь, сказал я, что из переулков, справа, неожиданно могут выехать автомобили и меня ударить. Инспектор покрутил мои права в руках, отдал их мне и сказал следующее: «Если боишься – не садись за руль».

Я запомнил этот случай и часто привожу эту фразу студентам. Я напоминаю им, что журналистика сродни автомобилю. Когда молодой водитель приходит в автошколу, то первое, что ему объясняют, это то, что автомобиль является средством передвижения повышенной опасности. То есть молодой человек еще не начал учить правила вождения, но уже предупрежден о возможных последствиях.

Я не думаю, что кого-то допустят работать с взрывчаткой, не объяснив последствий, то же самое касается и врачей, которые берут в руки скальпель или прописывают простую микстуру. И это правильно, потому что эти действия связаны с человеческими судьбами и жизнями других людей.

Смею утверждать, что журналист тоже играет жизнями людей. Мы знаем достаточно примеров, когда из-за публикаций в газетах падали правительства, уходили президенты, а

чиновники стрелялись прямо в служебных кабинетах, залив кровью свежую газету со своим портретом.

И журналисты, написавшие подобные материалы, знали, что такое может случиться. Они понимали, что их цель не просто статья, а другие люди, которые, по их мнению, вредят обществу. Кто после этого станет утверждать, что журналистика не социально опасна?

Теперь о «топких юных душах». Тут все просто.

Если ты стал журналистом, когда уже можешь родить ребенка, то хватит морочить друг другу голову. Если у тебя уже есть паспорт, и ты имеешь право принимать участие в выборах, если ты уже называешься полноценным гражданином, то ты должен знать все.

Поэтому, те люди, которые учат журналистике, как простому набору ремесленных приемов, не объясняя всех опасностей этой профессии, совершают должностное преступление.

Вот почему, я посвящаю целую главу тем искушениям, которые обязательно стоят перед каждым журналистом и которые могут, самым страшным образом, изменить его жизнь.

Итак, начнем.

Я всегда поражаюсь, что различные международные организации меряют уровень демократии в какой-либо стране с помощью каких-то опросов и вычислений.

Все проще. Нужно посчитать процент прямых эфиров в общем объеме вещания главного государственного канала. Этот процент все и покажет.

Диктатуры боятся неожиданностей. Можно вспомнить потрясающую историю. Когда в 1991 году последний Президент СССР Михаил Горбачев оказался в пленении в Фаросе, а в Москве начался переворот, то его зачинщики устроили пресс-конференцию, чтобы солгать, что Горбачев болен и не может руководить страной.

Они рассказывали это, нервно потя, но все шло хорошо до той минуты, пока не начались вопросы из зала.

Тогда журналистка Татьяна Малкина встала и задала наиболее логичный, в этой ситуации, вопрос: «Понимаете ли вы, что совершаете государственный переворот?»

Можно уверенно сказать, что на этом вопросе переворот и закончился. Все, что было дальше, уже не имело значения. Малкина сказала вслух то, что думали все. Но все молчали, а она сказала. Журналистка имела смелость, наивность или хитрость, оказаться в роли знаменитого мальчика, который воскликнул: «А король-то голый!»

Я уже писал о страшном, уничтожающем эффекте телеправды.

После ее вопроса камеры показали зачинщиков переворота. Их руки дрожали. Было видно, что они неуверенны и трусливы.

Эта картинка и определила их судьбу.

Так что простой вопрос обычной журналистки, я могу утверждать смело, во многом определил путь России.

Современные авторитарные лидеры на экране часами могут рассказывать о том, как прекрасно живет страна, но смертельно боятся прямого вопроса из зала. Они тоже читали популярные сказки, поэтому придумывают хитрые схемы, чтобы избежать неприятных вопросов. Для этого в их странах создаются, во-первых, президентские журналистские пулы, в которых только те, кто приятен президенту. Пресс-служба президента не допустит, чтобы был задан вопрос, подвергающий сомнению правильность курса президента, или чтобы журналист сказал самую страшную и крамольную фразу: «Простите, но вы так и не ответили на мой вопрос. Я хотел бы все же получить на него ответ!..»

Журналисты, входящие в пул, это хорошо понимают, поэтому ведут себя правильно. Они даже могут иронично потом написать о лидере в своем издании. Например, дерзко поддеть, что на лидере смешно сидела шляпа. Но, прекрасно понимая, что юмор – это не сатира, никогда не позволят себе то, что не нравится большому начальнику, а именно, подвергать сомнению то, что он говорит.

А для самоуспокоения подобные журналисты намекают, что они просто репортеры.

Они просто рассказывают то, что происходило. Как про озеро, на которое прилетели лебеди.

Все пресс-конференции с населением тщательно готовятся. Людям, которые попроще, диктуют вопрос, который нужно задать. Они радостно соглашаются, потому что их покажут по телевизору. Более авторитетным журналистам звонит человек, и, начиная с вопроса: «А что бы вы хотели спросить у президента?», договаривается, что будет за вопрос, и как именно он будет звучать. Авторитетный журналист соглашается, потому что за это его пустят на какую-то эксклюзивную встречу с президентом в дальнейшем. Кроме того, это почетно, не каждый задает вопрос президенту. Поэтому можно будет прямо, честно и нелицеприятно спросить у президента, будет ли ваша страна великой и могучей под его руководством. И если президент ответит «Да» слишком тихо, можно громко и грозно потребовать повторить эту фразу еще раз, показав свою бескомпромиссность.

Конечно, подобные хитрости, направленные на собственное выживание, могут казаться нелепостью в наше время. Но пока существуют авторитарные режимы, будут существовать и журналисты, которые испытывают почти эротическое наслаждение, пока власть страны их насилует.

Власть, вообще, чрезвычайно изобретательна, в игре с журналистами. Давно забыты избиения и пытки. Теперь новые времена. Используя систему подачек, прямых и тайных, власть делает из лояльных журналистов наркоманов, сажая их на иглу поощрений.

Телерадиоведущих и репортеров покупают пачками, оптом.

Делается это просто. Организуется новая радиостанция, телеканал, а может быть газета. Потом пускается слух, что там фантастические зарплаты, но мало мест. Все начинают нервничать, боясь опоздать, но решают разузнать подробности.

Подробности шокируют. Действительно, зарплата в три раза больше, но переходить нужно сейчас. После неприятного спешного прощания со старым главным редактором, журналист переходит на новое место.

Но там вскоре его ждет разочарование. Новые владельцы через полгода объявляют, что зарплата снижается, потому что нет денег.

Лишь потом жертва понимает, что ее развели. Задача была в том, чтобы журналист ушел со старого места, и вряд ли он туда вернется, потому что старый начальник не прощает предательства. Поэтому он уйдет в никуда или будет стыдливо произносить в эфире государственную правду за те же деньги, что и на старой работе.

Современный метод ликвидации неугодного СМИ не в том, чтобы его закрыть, а в том, чтобы развалить, создав множество привлекательных временных альтернатив.

Но есть персоны, входящие в журналистскую элиту, которых не купишь оптом. Для нейтрализации подобных людей разрабатываются операции, по виртуозности напоминающие планы захвата соседней банановой республики. Под это выделяют специальный бюджет и лучших специалистов.

Вот реальный случай.

Известному оппозиционному журналисту, рупору гласности и либерализма, предлагается стать главным редактором нового журнала. С ним встречаются в хорошем ресторане, объясняют, что этот журнал важен для страны, и именно этот журналист, как думают наверху, должен этот журнал возглавить. Журналисту приятно, что его ценят наверху, но все же предполагая подвох, он спрашивает о цензуре в этом журнале. Ему отвечают, что никакой цензуры не будет, печатать можно что угодно.

– Мы понимаем необходимость обмена мнениями, важность диалога гражданского общества с властями. Ваше издание должно стать истинной дискуссионной площадкой для элиты, – поясняет собеседник, честно глядя журналисту в глаза профессиональным взглядом кадрового работника спецслужб. – Приглашайте кого угодно, печатайте что хотите. Ваш журнал будет продаваться во всех киосках.

Услышав из уст собеседника слова, которые больше свойственны правозащитникам, чем жесткому и циничному лидеру страны, журналист интересуется о финансировании журнала. Собеседник поясняет, что это вопрос решенный. Как, впрочем, и вопрос с

помещением в центре города. Все это будет оплачено крупными промышленными компаниями, которым уже дано указание. За это в журнале нужно будет просто разместить их рекламу на страницах издания. Журналист интересуется, что это за компании. Собеседник мурлычет несколько названий крупных нефтяных и металлургических корпораций.

– Я не знал, что эти компании хотят развивать прессу, – иронично говорит журналист.

– Это называется социальной ответственностью бизнеса, – с готовностью отвечает собеседник.

В конце беседы, под коньяк и сладкое, оглашается зарплата журналиста, если, конечно, он согласится.

Поскольку журналист до этого думал, что такие зарплаты существуют только в легендах и у топ-менеджеров больших компаний, он, обычно, покряхтев, соглашается.

Следует заметить, что журналист понимает, что все это неспроста, но, все равно, он уверен, что перехитрит власть. Он заработает деньги для семьи и детей, но его журнал станет символом свободы слова, и лучшие журналисты, которых он знает, честно будут писать о проблемах страны. А если ему будут не давать работать и цензурировать, то он уйдет, причем со скандалом. А власть боится скандала, полагает журналист.

Итак, когда собеседники переходят к десерту, они договариваются, что начинать нужно немедленно.

Но, с первых же шагов, нашего героя ждет разочарование. У журнала небольшой тираж, а бывшие коллеги, понимая ситуацию, не соглашаются печататься.

Кроме того, его перестают печатать другие издания, потому что откуда-то становится известно про его альянс с властями.

Появляются первые иронические усмешки и комментарии.

Но одновременно вносится первый взнос на покупку дома, о котором так давно мечтала жена.

Журналист расстроен, дело идет со скрипом, но тут на помощь снова приходит посланник власти с прямым взглядом. В уютном ресторане он вновь оплачивает обед и говорит, что с авторами отныне проблем не будет. У него есть другие авторы, с которыми можно договориться.

Кроме того, он радуется журналиста новостью, что его будут приглашать в аналитические передачи на телеканалах, которые контролирует власть, чтобы пиарить журнал. Он может говорить там, что хочет, а приглашают его потому, что его мнение ценно и конструктивно.

Единственная просьба – сесть в зале на скамейку сторонников власти. Но исключительно для того, чтобы помочь разъяснить гражданам ее позицию.

Собеседник, кстати, замечает, что негоже ездить на такой машине, а у него есть хороший банк, где можно взять кредит под фантастически низкий процент. За него можно купить «Ауди» темного цвета с кожаными сиденьями. Есть один знакомый дилер, который продаст машину с большой скидкой.

Заметим, что человек с прямым взглядом формально не покупает журналиста, не сует ему деньги, не говорит слово «цензура», не пишет список нужных авторов. Он просто помогает журналисту падать, используя желания и необходимости самого журналиста.

Это самый эффективный ход, потому что нужно поставить журналиста в положение, чтобы он сам включил механизм самоцензуры, который эффективней любых указаний. Отныне его не нужно контролировать, перелистывая журнал, в поисках эзопового языка. Журналист все вычеркнет сам, потому что помнит, кто ему платит не просто деньги, а очень большие деньги.

В теледискуссиях он будет крайне осторожен, а минуты позора компенсируются новым ощущением популярности и узнавания на улице. Однако, интрига неумолимо развивается. В Интернете появляется информация о его зарплате, что приводит к окончательному расколу с журналистским сообществом, потому что бывшие коллеги не могут простить предательства за деньги, а наш герой окончательно обижается, что товарищи его уже не понимают.

Новый трехэтажный дом и лакированная «Ауди» не показатель, говорит наш герой. Внутри он такой же либерал, как в годы молодости, просто теперь он стал более объективен и учитывает не только общечеловеческие ценности, но и конкретные сегодняшние нужды своей великой Родины, которые ему недавно, под большим секретом, рассказали, но просили не разглашать. А если кто-то его не любит, то они просто завидуют. А может быть, даже не хотят блага своей стране.

Эта же коррупционная схема действует применительно к политологам, но их покупают немного по-другому. Им предлагают создать свой институт или фонд развития чего-нибудь. Достаточно взглянуть на регалии любого госполитолога, как становится понятно, что он руководит каким-то институтом содействия или анализа. Пристальное рассмотрение покажет, что в этом институте два сотрудника: сам политолог и секретарша, она же бухгалтер и уборщица двухкомнатного офиса. Иногда она же и любовница политолога. Но это уже бесплатно. В офисе одиноко стоят сейф, телефон, факс и компьютер. В сейфе хранится круглая печать, которой никто не пользуется, потому что зарплату политолог получает совсем в другом месте. Других предметов политологической жизни в офисе нет, но они и не нужны, потому что политолог проводит большую часть времени в бою на пересеченной местности. Местность определяется кураторами.

Политологи, в основном, направляются на гос-каналы, в особые пропагандистские программы, где они объясняют, почему власть гениальна, выдумывая аргументы, которые иногда поражают даже саму власть.

Политологов периодически возят с президентом за границу, чтобы они объясняли местной прессе, почему президент прав. Иногда их даже пускают в президентский самолет, из-за чего совсем теряется чувство реальности и создается ощущение, что они сопричастны к власти и не только толкуют ее действия, но и сами творят историю.

Особым отличием подобной категории журналистов и политологов является их уверенность, что нынешний режим вечен, и в дальнейшем им никто не плюнет в лицо. Но даже если плюнут, то денег уже заработано столько, что хватит и на дом, и на «Ауди» и на большое количество бумажных одноразовых платков, чтобы утереться.

Это мастерский ход власти – приглашая тебя сотрудничать, она вяжет тебя общей ответственностью. И дальше ты не можешь ее критиковать, потому что чувствуешь себя соучастником того, что она делала, хотя ты не соучастник.

Потом власть уходит, оставив себе деньги, а тебе публичный позор, ибо именно ты публично защищал ее сомнительные действия. И за это приходится расплачиваться, причем с неожиданной стороны. Удивительно, но именно широкая аудитория печатает на таком человеке клеймо не

Если разобраться, то тут нет ничего удивительного: все знают, что во время предвыборной кампании в США известные артисты поддерживают или республиканцев, или демократов. Ну что ж, как говорится, имеют право. Но нужно помнить, что слушатели из противоположных партий будут помнить это и после каждой песни перемывать им косточки.

Но вернемся к журналистам. Осознав, что их купили, они ведут себя по-разному. Некоторые понимают, что гибнут, и находят в себе силы слезть с иглы государственного счастья. Но чаще они превращаются в чудовищ, на глазах миллионов людей оправдывая преступные действия власти с небывалым энтузиазмом.

Говорят, что настоящий журналист продается только раз. Потом это называется просто работой.

Еще раз подчеркну, что тут речь не идет о конвертах с деньгами, которые кочуют из руки в карман. Все очень пристойно, легально и добропорядочно. Более того, иногда уплачены все налоги. Это как легальная проституция, где стоишь не в грязном переулке, а в престижном борделе с хрустальными люстрами. Но суть не меняется.

Я рассказал вам эти истории и примеры для того, чтобы еще раз напомнить:

Вы ответственны за каждый свой поступок.

Если вы сблизились с властью, то она обязательно вас использует в своих целях.

Когда вы сблизитесь с властью, аудитория обязательно будет ассоциировать вас с этой властью.

чистоплотности. Причем это клеймо живет всю оставшуюся жизнь.

Общемировой пример, это Фрэнк Синатра. Слушатели наизусть знают его песни, он считается одним из лучших певцов мира, но после каждой песни в голову лезет информация, что он был связан с мафией и с определенными политическими кругами.

В России другой пример – известный артист Иосиф Кобзон. При советской власти он был другом генеральных секретарей компартии. Именно он в правительственных концертах пел песни, прославляющие режим. Уже давно нет СССР, зрители любят ходить на концерты Кобзона и сейчас, но параллельно осуждают его за комсомольские песни. Удивительно, что его осуждают даже больше, чем Брежнева, а ведь Кобзон только пел, а Брежнев довел страну до стагнации и развала. Но многие люди мечтают, чтобы СССР вернулся, одновременно осуждая Кобзона за то, что он воспевал их мечту.

А вот пример из кино – режиссер Никита Михалков. Он снимает великолепные фильмы, он стал лауреатом «Оскара», но многие в России не любят его за излишнюю близость к власти и чрезмерную комплиментарность в ее адрес. В результате каждый новый фильм Михалкова, независимо от его качества, рассматривается, прежде всего, как элемент заискивания перед лидерами. А когда Михалков начинает говорить, что он так делает, потому что так думает, подозрения увеличиваются еще больше, потому что так думать противоестественно, считают критики.

Если в вашей программе не будут представлены разные точки зрения, то аудитория навсегда запишет вас в пропагандисты и потом обвинит в продажности, даже если вы говорили не чужие мысли за деньги, а свои – бескорыстно.

Аудитория простит политикам поворот в их суждениях, но вам никогда, потому что политиков исходно считают продажными, а журналистов – порядочными.

Но главный удар продажный журналист обязательно получит от своих хозяев.

Власть цинична, и ей все равно, что с вами будет потом.

Вас вышвырнут, как только вы нарушите негласный договор: власть вам – бонусы, вы власти – беспрекословное оправдание всех ее действий.

Более того, чем вы талантливей, тем больше власть, прогнав вас, будет следить, чтобы вы не появились вновь в эфире.

Она будет делать это так же маниакально, как бывшая жена, которая следит, чтобы муж по решению суда не приближался к ее дому ближе, чем на сто метров.

Авторитарная власть так же истерична, как разведенные жены.

Прежде чем слиться с властью в экстазе, подумайте о последствиях.

Задача политика – борьба за власть.

Вторая задача – если власть получена, последующее обналичивание этой власти.

Третья задача – безопасное отползание к своим активам, которые размещены в тихих и уютных странах, где уже построены виллы и у причала стоят яхты.

Четвертая задача: написание мемуаров, где нужно доказать свою святость и чистоплотность.

Это для потомков.

У журналиста ситуация другая. Его профессии не свойственно катание на яхте. У журналиста, чаще всего, нет денег, чтобы ее купить.

Политик легко может жить вдали от своей страны. Он может даже создать правительство в изгнании.

Но журналист не может жить вдали от своей аудитории. Поэтому вопрос о сохранении своей совести не праздный.

Однажды к гениальному русскому писателю и поэту Булату Окуджаве пришли домой люди от власти и попросили подписать какое-то письмо, в котором осуждался некий человек, которого власть не любила. Им нужно было, чтобы это позорное письмо подписал кто-то из авторитетной интеллигенции. Все безропотно подписывали это письмо, потому что

помнили про бонусы.

Окуджава же отдал им письмо обратно и сказал: «Знаете, вас я вижу в первый и последний раз, а со своей совестью мне жить всю жизнь».

Когда я пишу эту книгу, радиостанция «Эхо Москвы» работает девятнадцатый год. Посчитайте, сколько президентов мы пережили с 1990 года.

Возможно, это стало возможно потому, что мы чувствуем наличие у нас совести.

Все, что вы прочитали в этой главе, крайне необходимо понимать человеку, который входит в журналистику.

Более того, все, что тут написано, вы должны принять за аксиому.

Если вы колеблетесь, перечитайте эту главу еще раз.

Если же вы не согласны с тем, что тут было написано, то, значит, у вас другое понимание журналистики.

ВЫ И АУДИТОРИЯ: НИКАКОЙ ЛЮБВИ, НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ

Журналист – слуга общества. Но именно слуга больше других мечтает, чтобы его любил хозяин.

Я уже писал о вашем тщеславии. Миф о любви аудитории к журналисту так же стоек, как миф о Граале, но даже Спилберг оказался бы в затруднении снять что-то правдоподобное на эту тему.

Любовь вашей аудитории к вам является частью заговора вашего тщеславия против вас.

Вам мало, чтобы у вас брала автограф ваша подруга. Вам нужно, чтобы их брали широкие слои населения.

И ваше воспаленное сознание рисует дивные картины народной любви.

Вы идете на работу. Как только вы выходите из машины, вас окружают ваши слушатели и зрители. Часть из них берет у вас автографы, а часть передает папки со своими собственными расследованиями, посвященными злоупотреблениям властей. Они просят вас озвучить факты, чтобы жизнь вокруг стала чище.

Рядом стоит представитель президента. Он передает личную благодарность первого лица за вчерашний эфир. Президент вчера встречался с английской королевой. В результате, они слушали вашу передачу оба. Факты разоблачений, которые вы озвучили в своем ток-шоу наконец открыли ему глаза на его администрацию, а королеве – на ее палату лордов, хотя о ее палате вы не говорили.

Меры уже приняты. Часть администрации просто выгнана на улицу, часть – президент лично прибил собственной мухобойкой. Новая администрация будет состоять из коллег Папы Римского и членов экологических организаций.

Что касается палаты лордов, то все лорды отправлены подстригать английские газоны.

Что касается материалов о личных незаконных накоплениях президента, то президент все сорок миллиардов долларов, которые принадлежали ему, но были записаны на знакомых и друзей, уже отдал на покупку компьютеров для сельских школ.

Потрясенная поступком президента, королева в свою очередь подарила бездомным свою любимую лошадку.

К моменту вашего входа в студию, во всех домах открыты окна, чтобы звук эфира царил не только в квартирах, но и свободно изливался на улицу.

Дети давно сделали уроки и вместе со взрослыми сидят с бумагой и ручкой, чтобы записывать приводимые правдивые факты и ваши мысли, которые уже завтра будут признаны афоризмами и изданы отдельной книгой.

Во время эфира вам звонят исключительно образованные, интеллигентные люди. На ходу, цитируя мыслителей древности, аудитория послушно и организованно участвует в интерактивах и голосованиях.

На экран компьютера идет поток SMS-сообщений, в которых неоспоримые

свидетельства благотворного действия вашего эфира. Слепые прозревают, калеки встают с колясок, у многих рассасываются послеоперационные швы, а портреты Кастро, на Кубе, начинают мироточить.

Но эфир окончен, и вы выходите на улицу.

Тихо играет оркестр местной пожарной команды. В вальсе кружатся пары, одетые в белые платья. Миллионеры и полицейские, стоя на стульчиках, разбрасывают деньги, нажитые грабительским путем.

Перед тем как вы сядете в машину, пройдя к ней по дорожке, усыпанной цветами, вам успеют передать несколько Нобелевских премий. Их присудили вам сегодня, прямо во время эфира.

Сделать это было несложно, потому что специальная комиссия по присуждению лично вам, Нобелевских премий работает ежедневно.

В машине плачет ваш водитель. Он говорит, что потрясен вашим финальным монологом о семейных ценностях. Он решил бросить свою новую красотку, с которой сошелся в пиццерии, и вернуться к растолстевшей злобной жене.

Ваша машина медленно рассекает совместную демонстрацию наркоманов и наркодилеров. Прослушав ваше мнение о здоровом образе жизни и немедленно прозрев, они вышли на улицу, разбрасывая шприцы и сдавая друг друга органам наркоконтроля.

Дома вас ждет жена. Она тоже плачет и признается, что, прослушав ваш эфир о морали, она должна сказать правду, вернее, ее показать. Из-под кроватей и шкафов выскакивают молодые красавцы, которые тоже плачут и клянутся, что больше не будут. Многие, выпрыгивая в окно, успевают на ходу передать вам свои бизнесы и недвижимость.

Вы устало ложитесь в кровать, погасив лампу. В воздухе слегка светится силуэт странного парящего мужчины с нимбом над головой. Не беспокоя ваш начинающийся сон, он простирает длань, благословляя вас.

Ведь завтра новый эфир, и все повторится снова...

Сразу хочу сказать, что выше написанный талантливый текст является одновременно сценарной заявкой на голливудскую мелодраму с Мэлом Гибсоном и Мерил Стрип. Хотя я понимаю, что подобную заявку не возьмут – слишком уж она фантастична.

И не удивительно, ведь в любом сценарии должна быть хотя бы частица правды.

Этой правды мы сейчас и коснемся, какой бы неприятной она не была. Возможно, прочитав эту главу, многие из вас откажутся от журналистского пути.

Мой почти двадцатилетний опыт общения с аудиторией позволяет мне уберечь вас от опасных иллюзий, неоправданных ожиданий и применения антидепрессантов.

Известна аксиома, что все люди разбираются в политике и футболе. Это комично, потому что существуют две известные загадки: почему мы все живем плохо. И почему наши футболисты никогда не выигрывают тот самый, главный матч.

Данную аксиому я бы чуть расширил: все люди разбираются в журналистике. И это уже трагично, потому что касается лично вас.

Эта глава посвящена вашей аудитории.

И не важно, собираетесь ли вы работать в газете, на сайте или на телевидении. Везде вы будете работать для людей. И вы будете надеяться, что ваша работа приносит им пользу.

Правда, в этом месте пути журналистов радикально расходятся.

Одни ограничиваются только надеждой, другие же пытаются это проверить.

Суть проверки проста – ты должен услышать, что говорит аудитория по поводу того, что ты делаешь.

Когда-то, во времена СССР, подобный вопрос перед журналистами не стоял. На экране телевизора появлялся диктор, который объяснял, почему все плохое в нашей жизни является хорошим, после чего шла сводка погоды. Погода, удивительным образом, тоже обещала только хорошее, независимо от реального показания приборов.

Я помню, как должен был пойти страшный град. И он пошел, и это была настоящая трагедия, потому что град уничтожил огромное количество посевов и виноградников.

Упитанный диктор на следующий день пояснил, что колхозники, выйдя на поля, могли полюбоваться самым крупным градом. Диктор пояснил, что проклятый Запад и не мечтает о таком граде, потому что погряз в проблемах. Но наши колхозники гордятся тем, что держат в руках градины по полкилограмма, и это правильно, потому что в стране, где самые большие танки и атомные бомбы, должен быть и самый большой град.

Тему подхватывал диктор прогноза погоды, который обещал, что к новому съезду партии, природа подарит еще больший град.

Несчастные зрители смотрели на этот идиотизм, но сделать ничего не могли, потому что при диктатурах журналисты не нужны. Они заменяются пропагандистами. А пропагандист не нуждается в оценке своей работы аудиторией, ему достаточна оценка начальства. Если вы заметили, я не употреблял в описании советской телевизионной пасторали слово «Журналист», потому что для журналистики телевизор должен отражать действительность. А при диктатурах жизнь отражает телевизор. Вернее, так хочется диктаторам.

То, что я буду описывать дальше, может быть непонятно молодым читателям. Они уже не понимают, что такое журналистика без обратной связи, они не верят, что может быть иначе, ведь это так естественно.

Моя дочь, в те редкие минуты, когда я ее вижу, все время сидит в наушниках, слушая какую-нибудь радиостанцию. Параллельно она закачивает в телефон любимую мелодию, участвует в SMS-голосовании и звонком голосует за то, какая именно песня должна сейчас прозвучать. Естественно, все ее электронные утехы оплачиваю я.

Поэтому, когда ее увозит ее жуткий мотоциклист, я иногда даже рад, потому что когда мотоцикл мчится по городу, то SMS-ку не отправишь.

Именно на примере дочери и ее отношении к многочисленным ди-джеям, я вижу, как изменчива народная любовь.

Вчерашний «пупсик», постеры которого увешивали ее комнату и татуировки которого она пыталась нарисовать себе на плече школьным фломастером, внезапно, сегодня, сказал в эфире что-то не то.

И любовь и слезы моей дочери сменяются приступом ненависти.

Все постеры летят в мусор.

Но завтра на стене висят уже другие постеры, и новый «пупсик» что-то бормочет дочери в наушник.

Для меня нет загадки в том, что происходит с дочерью, но наша задача не констатировать результат, а разобрать процесс.

Вот почему, как мне кажется, взгляд на двадцать лет назад, может помочь молодым журналистам понять, что такое аудитория, и как правильно себя с ней вести.

Когда открылось «Эхо Москвы», это было подобно разорвавшейся бомбе. И понятно почему, в стране появилась радиостанция, в эфире которой впервые сидели обычные люди, которые каждую минуту принимали звонки. Это было так же революционно, как, собственно, революционной была эпоха Михаила Горбачева, во времена которого и появилась радиостанция.

Запад заучивал слово «перестройка», а москвичи зубрили номер телефона, по которому можно было позвонить в любое время дня и ночи. Этот номер, действительно, стоило запомнить, потому что ты можешь его набрать, и с тобой не только поговорят, но и, что важнее, ты сможешь высказать свое мнение. Это была сенсация.

Я понимаю, что сейчас подобная сенсация может вызвать только милую недоуменную улыбку, ведь свобода слова и свобода мнений – это так естественно!..

Конечно, естественно, если они есть.

Я напому, что чистая питьевая вода – это еще более естественно, но в некоторых африканских странах ее нет, и мировое сообщество выделяет миллиарды, чтобы с помощью очень сложной техники она полилась из трубы.

Так что чаще всего то, что теперь кажется естественным, стало таковым о результате

тяжелой борьбы, а иногда и многочисленных жертв.

Вот почему я бесконечно и навсегда благодарен Михаилу Горбачеву.

Многие говорят, что он изменил мир. Это правда, потому что во многом, благодаря именно ему, и России появилась свобода – главное условие прогресса любой страны.

Я знаю Горбачева лично. Я горжусь тем, что могу написать эти строки.

Удивительный парадокс в том, что Горбачев, по сути, сам ничего не менял. Он просто не смог или не захотел запретить изменения. Подобное можно оценить как слабость, но можно – как мудрость. Только мудрый политик, чувствующий естественные изменения в обществе, сдерживает собственное желание «поручить» и «улучшить», тем самым способствуя необходимому.

Сейчас модно ругать Горбачева, но те, кто ругает, забывает, что теперь они могут кого-то ругать.

А раньше не могли, но уже об этом забыли.

К хорошему очень быстро привыкаешь.

Конечно, поразительно то, что Горбачева ругают политики, которые прекрасно понимают, что, если бы не было его – не было бы их. Но они это делают по глупости или по расчету.

Я могу их огорчить. Их проклятия забудутся. Время безжалостно, оно спрессовывает события и имена.

Вспомните историю, разве много событий и имен дошло до наших дней? Причем чем дальше в глубину веков, тем меньше. Но те имена, которые сохранила история, она сохранила потому, что они стали частью эпоса. А стать частью эпоса можно, только если ты особо масштабен.

Люди, которых запомнила история, были либо великими созидателями, либо великими разрушителями.

Мне жаль, что навсегда запомнится имя Гитлера. Я бы хотел, чтобы его имя было стерто без следа. Но история заставляет помнить его, и, возможно, она права. Это предостережение потомкам.

Но имя Нефертити живет, потому что это символ самой романтической любви и красоты в истории человечества. И даже если все, что пишут о египетской царице, было совсем не так, если она была вздорной, сильно красилась и била слуг, именно это история забыла, а вынесла потомкам только ее лик в краске и золоте. И это правильно.

Так что если вы захотите навсегда вписать себя в историю, то запомните: для этого вы должны быть либо великим строителем, как Хеопс, либо великим злодеем, как Каин.

Единственное, кого история упорно не хочет помнить, так это запретителей, потому что их действия противоречат ее течению.

Вот почему все те, кто ругает Горбачева, очень скоро забудутся, а его имя будут помнить очень долго. Потому что на половине земного шара, которую занимала опасная и вооруженная страна, он включил демократию. И мир стал безопасней.

А история считает, что сделать половину земного шара безопасней – это ничем не хуже, чем построить великую пирамиду.

Но вернемся к нашей теме изучения закономерностей поведения аудиторией.

Когда открыли «Эхо», оно располагалось в одной крохотной комнатке, с двумя пишущими машинками и четырьмя стульями. Комната находилась в конце очень длинного коридора. Возле двери редакции, в коридоре, стоял огромный мрачный сейф. На нем, когда в комнатке не хватало места, можно было править материал. В самой редакции громко стучали три пишущие машинки и кричали по телефону.

С первого же дня журналисты «Эха» стали чувствовать, что такое народная любовь. Сотни людей выяснили наш адрес, и длинный коридор стал наполняться людьми.

Сначала люди приходили просто так – посмотреть на нас и убедиться, что мы действительно существуем. Зайти в редакцию и сказать нам приятное – это стало ритуалом, некой модой среди московской интеллигенции. Нам это очень нравилось, потому что нас

кормили. Большой мусорный ящик был заполнен пустыми коробками от тортов. Их приносили, вручали нам и говорили, что принесли торт, потому что мы для них большой праздник. Мы сходили с ума, потому что есть целый день торты невозможно, а они ничего другого не приносили. А самим просить, чтобы нам приносили, например, бутерброды, нам казалось неудобно. Мы просили оставлять торты в коридоре, дарили их близким и неумолимо толстели.

На двух редакционных столах были разбросаны последние дары: огромный мохнатый игрушечный заяц для наших детей, толстая стопка рукописных листов с описанием того, как улучшить мир, и невероятных размеров модель самолета. Человек, который принес модель, с трудом затащил ее в комнату, пожелал нам лететь далеко и быстро и так же, как пожелал, сам растворился в темноте коридора.

А однажды из этой темноты появился толстый священник с кадилом. Оказалось, что он представляет Катакомбную церковь и хочет нас освятить. Он втиснулся в комнату и динамично махнул кадилом, от чего на пол посыпались пленки и тексты, а помещение наполнилось сладким дымом. Махнув еще пару раз и довершив разрушение редакции, он гордо удалился. Наверное, в свои катакомбы.

После подобных визитов одиночек, когда окончательно выяснилось, что мы не марсиане, наступил второй этап: десятки людей уже ежедневно оставались в коридоре на целый день. Они приносили с собой еду, угощали друг друга и нас, а к вечеру расходились, назначив встречу на завтра. Это было прообразом современных социальных сетей, хотя тогда об Интернете никто и не мечтал. Но все эти люди не просто толклись в коридоре, но иногда приносили нам какие-то новости или слухи, которые оказывались важными для нашего эфира.

Потом в коридоре появились иногородние. Они располагались поодаль, потому что ближе к двери все было занято постоянными коридорными сидельцами.

У москвичей были свои VIP места.

Приезжие ели на корточках, потом доставали смятые, от дальней дороги, листы и бережно передавали их нам. Это были бесконечные жалобы на несправедливость, на беспредел и нарушения. Приезжие объясняли, что правду у них в регионе нельзя найти, что они собрали последние деньги на билет и приехали, потому что существует слух, что мы честные.

Оставив бумаги на столе, приезжие торопились на вечерний поезд, а мы складывали эти жалобы, чтобы потом отдать их какому-нибудь депутату, если он захочет это взять.

Я рад, что мы многим помогли.

Прошло еще совсем немного времени, но в коридоре наметились явные изменения.

Нам так же носили подарки, но, в основном, это было то, что уже не нужно было дома.

Привычные торты были полусъеденные, а детские куклы старые. Кстати, модель самолета тоже оказалось старой и развалилась сама, осыпав всех облупившейся краской.

В то время был большой дефицит всего, в том числе батареек для радиоприемников. Однажды мы обратились в эфире к слушателям, чтобы они помогли другим и принесли ненужные батарейки, которые мы раздарим тем, у кого радио замолчало. Внизу у охранника мы поставили огромный бумажный мешок. Через три дня он был полон.

Но три четверти батареек были старыми.

Это был нехороший симптом.

В коридоре продолжались изменения. К нам в комнату заходили все меньше. Люди встречались в коридоре, обсуждали новости, уходили и приходили, но мы им, собственно, теперь были уже не нужны.

Мы понимали, что новизна нашего появления пропала, и теперь в коридоре собираются больше по привычке. Просто хорошее место для встречи в центре города.

Понятно, что развязка должна была наступить, и она наступила.

Однажды на пороге комнаты появился интеллигентный мужчина, один из лидеров этой компании. Появиться ему было не сложно, он сделал только три шага от толпы в коридоре

до нашей двери. Он попросил выслушать нас и обратился к нам с раздраженной речью.

Он сказал, что «наш клуб», оказывается, они себя так называли, нами очень недоволен. Мы совсем отбились от рук. Мы не так подаем материалы, новости выстроены неправильно, а тематические передачи сделаны не на те темы.

Мы объяснили, что считаем правильным то, что делаем, и попросили нас не мешать.

Мужчина был потрясен. Он спросил, не ослышался ли он?

Он напомнил, что «их клуб» ежедневно слушает наш эфир. Они знают все наши передачи, наши имена и биографии. Они люди с прекрасным образованием, среди них много специалистов, а мы никогда не учитываем их мнение, как нужно правильно делать передачу.

Мы объяснили, что мнений может быть много, но передачу делают не они, а мы, поэтому будем делать так, как считаем нужным, потому что журналисты мы, а не они.

Мужчину затрясло. Он назвал нас предателями своей аудитории и демократии и прямо спросил, понимаем ли мы, что существуем для них, для аудитории.

Мы ответили, что существуем для аудитории, но аудитория потому и аудитория, что слушает нас, а не пытается учить нас, как делать передачи.

Мужчина сказал, что ему все понятно. «Наш клуб», оказывается, давно считал нас непрофессионалами. Простейший анализ наших программ показывает, что их можно сделать гораздо лучше. Более того, любой из членов клуба их бы сделал, но у них на это нет времени, поэтому они хотели нам помочь, как минимум, советами. Но мы оказались обычными трамвайными хамами, поэтому «их клуб» покидает наш коридор. И еще вопрос, как сложится наша судьба.

Коридор опустел, но «наш клуб» еще долго напоминал нам о своем существовании гадкими телефонными звонками.

Я рассказал вам эту историю не для того, чтобы осуждать этих людей.

Анализ этой истории необходим, потому что аудитория – это сложная общность, и нужно знать, как с ней себя вести.

Итак, вы появились в эфире. Как и любое новое лицо, вы привлекаете к себе новую волну внимания. Она просто падает на вас, потому что, как я писал ранее, аудитория все время хочет что-то новое. И это естественно. Если главный редактор не заботится о том, чтобы в эфире были изменения, если все журналисты долгое время сидят на одних и тех же программах, начинается естественная усталость аудитории. Даже если вы семи пядей во лбу, количество пядей будет неуклонно уменьшаться, если вы не будете менять свою программу.

Я часто даю интервью на других радиостанциях, и обязательно попадается звонок, где слушатель начинает говорить, что наконец-то в эфире этой радиостанции появился настоящий журналист. Более того, он начинает жаловаться мне на местных журналистов, говоря, что они скучные и глупые.

Я сразу обрываю подобные звонки и резко заявляю, что не допущу, чтобы аудитория превозносила заезжего журналиста, унижая местных. Но после таких эфиров я стараюсь переговорить с местным руководством, чтобы спросить, как устроена сетка эфира, и не пора ли произвести в ней изменения.

В ответ я часто слышу, что у них все в порядке, сетка устойчива, все на местах. В эфире все стабильно, причем уже года два.

Я пытаюсь объяснить, что стабильность в эфире – это начало стагнации. Если слушатель, день за днем, встречает одного и того же ведущего, в одно и то же время, если ведущий работает долго, и слушатели уже три года знают наизусть все его фразы, то любой новый человек покажется гением. Нельзя три года вести одну и ту же программу, в эпоху Интернета и видеоклипов. И вина за подобное полностью лежит на руководстве, которое не понимает психологию восприятия.

А слушатель не виноват, он просто естественен.

Я привожу в пример «Эхо», где изменения в сетке и проба себя в новых программах давно стали правилами. Я напоминаю, что многие знаменитые компании, такие как Би-би-си, обязательно ротируют своих сотрудников, чтобы они не застаивались, да и не было

привыкания аудитории.

Кстати, если вы заметили, что слишком долго ведете какую-то программу, знайте – конец близок. Постарайтесь мягко убедить руководство поставить вас на другую программу или добейтесь ее кардинального изменения по структуре. Деликатно объясните, что за пять лет, которые вы неизменно ведете эту программу, вы от нее устали. Что в конце концов вы стали просто старше на пять лет и хотели бы говорить с аудиторией другим языком и на другом материале. Если вам пойдут навстречу – вам повезло. Если категорически отказывают, ссылаясь на вашу гениальность именно в этой программе, вежливо поблагодарите и начинайте, негласно, искать другое место работы, потому что когда руководство наконец посмотрит ваши рейтинги и увидит, что они стремятся к нулю, то в этом будете виноваты именно вы. Глупое руководство никогда не признает своей вины. Но, продолжим.

Итак, вы в эфире, ваше руководство адекватно, вы меняете программы, не надоедая самому себе и аудитории, и поэтому надеетесь быть вечным общим любимчиком эфира.

Не надейтесь.

Даже в этом случае все ваши приемы, словечки, шутки и обороты, которыми так восхищались в первый день, в тысяча первый будут работать против вас. Вы не будете успевать сказать слово, как аудитория будет скандировать это слово вместо вас.

Но и это не все.

Помните, вас давно приватизировали без вашего желания.

Кроме того, что аудитория уверена, что вы работаете лично для них, а поэтому должны безропотно выслушивать все их указания, она полагает, что вы работаете на их деньги.

Нам непрерывно звонят и обижаются, почему мы позволяем себе то или это, ведь мы работаем на их налоги. Мы терпеливо объясняем, что мы частная радиостанция и работаем на деньги от рекламы. «Этого не может быть, это безобразие», – выкрикивает аудитория и обижается еще больше, потому что рухнула последняя причина для нашего послушания.

Каждый из слушателей или зрителей в чем-то специалист, а вы дилетант, поэтому всех никак не может устроить то, что вы говорите.

Они считают, что нужно было задать другой вопрос, более точный. Да и тема передачи сформулирована плохо, можно было лучше. Нужно было пригласить другого гостя, этот неинтересен.

Если вы молчите, и говорит, в основном, гость, то вы плохой, потому что не возражаете ему. Если вы возражаете и задаете уточняющие вопросы, то вы плохой, потому что мешаете ему говорить, ведь аудитория хочет слушать его, а не вас.

Вообще аудитория лучше вас провела бы все ваши программы, но дети, жены и пиво по вечерам, не дают осуществить эту логичную замену.

Я сижу в эфире, и на экране компьютера текут сообщения, где меня ругают, критикуют и оскорбляют. Сообщения начинаются в момент начала эфира, а заканчиваются через долгое время после его окончания, и проклятия в мой адрес читает уже следующий ведущий. А когда я только сажусь в эфир, то читаю оскорбления и замечания в адрес предыдущего несчастного коллеги.

Неадекватность аудитории доходит до абсурда.

Однажды, во время эфира на Америку для одной русскоязычной радиостанции, меня оскорбил радиослушатель. Мое правило – не отслушивать звонки и работать без эфирного редактора, поэтому я просто предупредил его, чтобы он больше этого не делал. Но возмущение радиослушателя моим существованием было столь велико, что в следующий раз он позвонил снова и вновь оскорбил меня. Так продолжалось несколько раз. Этот слушатель упивался своей безнаказанностью, потому что он был в Нью-Йорке, а я в Москве, и ему казалось, что я ничего не могу с ним сделать. Конечно, сразу после его звонка звонили другие слушатели и извинялись за него. Но это отнимало кучу времени, которое я мог потратить на обсуждение более полезных вещей. Эфир тратился впустую.

Но я придумал, как ему отомстить.

На экране моего компьютера был определитель номера. Когда в следующий раз он позвонил и вновь оскорбил меня, я сказал, что не буду заниматься его воспитанием, а сделаю так, чтобы его воспитали другие. После чего я объявил его телефон и попросил, чтобы другие радиослушатели позвонили не мне, а ему, и объяснили, что так вести себя нехорошо.

Слушатели, я так думаю, действительно ему позвонили, потому что его звонки немедленно прекратились.

Но я рано праздновал победу.

Вечером того же дня мне позвонил директор радиостанции и сообщил, что у него неприятности. Этот слушатель позвонил ему и сообщил, что будет подавать на радиостанцию в суд.

Я был потрясен. Человек, оскорблявший меня много раз в прямом эфире, собирается подавать в суд? Притом, что существуют записи программ с его голосом, а установить, что гадости говорил именно он, не представляет труда?

Именно так, подтвердил директор, но он собирается подать в суд совсем по другому поводу. Дело в том, что я разгласил в эфире его телефон, а это считается нарушением закона. Это его личная информация, добытая и оглашенная без его согласия. Он пенсионер, ему нечего делать, поэтому он легко потратит время, чтобы содрать с радиостанции пару тысяч долларов.

Я спросил, а как же быть с оскорблениями? Директор ответил, что, согласно закону, эфир – это общественная площадка, на которой каждый может говорить, что хочет. Запрещать говорить человеку, что он хочет, это нарушение демократии и свободы. Более того, ведь именно я предложил людям звонить в прямой эфир. А от предварительного отслушивания звонков, я сам отказался.

Я спросил, так что мы можем сделать. Директор пояснил, что уже позвонил пенсионеру и предупредил, что мы выйдем со встречным иском, потому что этот человек нарушил другой закон – он произносил нелитературные слова в эфире, что оскорбило некоторых других радиослушателей, которым это нанесло моральный ущерб. И они готовы обратиться со встречным иском к пенсионеру.

Пенсионер испугался и затих, но мы стали размышлять, как уберечься от подобных случаев. И мы придумали.

Была разработана легкая компьютерная программа, которая позволяла пометить сомнительных радиослушателей. При первом звонке подобного пенсионера определяется его номер, вы нажимаете кнопку, и в следующий раз его номер телефона светится красным цветом. И дальше вы уже сами решаете, брать его звонок или нет. Эта система все поставила на свои места, потому что я стал легко ориентироваться в потоке звонков. Если человек помечен красным, значит, он, где-то с другим ведущим, совсем в другой передаче, повел себя неэтично, о чем меня предупреждают – Если пенсионер осознал, что был неправ, то красный цвет можно снять, нажатием другой кнопки.

Более того, в дальнейшем мы усовершенствовали эту программу. Дело в том, что у нас появилась новая проблема – оскорбления ведущих через SMS. На экране компьютера, параллельно с ответами на викторины, общие комментарии и вопросы к гостям, шел непрерывный поток оскорблений. Это неудивительно, потому что в Москве живет 12 миллионов человек, а «Эхо Москвы» одновременно слушают до миллиона. Даже если доля, желающих оскорбить ведущего, составляет доли процента, то этого числа достаточно, чтобы испортить ему рабочий день. Нужно было придумать систему, чтобы ведущий работал спокойно.

Помог технический прогресс. Новая опция компьютерной программы позволяет ведущему, увидев оскорбление, один раз нажать на кнопку и больше не видеть этого человека никогда: программа вносит его в черный список, и, при следующем SMS, его сообщение вообще не высвечивается на экране, попадая в специальный раздел, помеченный мерцающим кладбищенским крестом.

Перед написанием этой главы я заглядывал на это кладбище. Там покоится около

пятисот негодяев. Они пишут свои гадости, тратят деньги, но не знают, что их никто не читает.

И это прекрасно. Пусть покоятся с миром.

Правда, некоторые из них не желают покоиться. Они покупают дополнительный телефон, в котором отключают определитель номера и таким образом появляются на экране. Но в каждом деле есть свои маньяки, и тут ничего поделать нельзя.

Некоторые из читателей могут удивиться, почему я посвящаю столько пространства описанию этих случаев.

Ответ прост: потому что это правда, потому что мои коллеги бились в истерике, после некоторых эфиров. Потому что тебя могут оскорбить по национальному или религиозному признаку. Потому что, как в хорошем триллере, ты начинаешь эфир, но думаешь не о госте, а о том, где твой истязатель, и когда именно он начнет очередную серию издевательств над тобой.

Да, ты сидишь в красивом офисе, внизу три охранника, которые никого не пускают в здание, справа от тебя чашка ароматного кофе, а напротив гость, которого ты месяц умолял прийти на эфир. Но перед тобой телефон и экран компьютера, которые, минуя все охраны, пускают, абсолютно всех лично к тебе. И это было твое решение.

По поводу этого решения у нас идет много споров. Иногда мы спрашиваем себя: а не пора ли посадить редактора, который будет отслушивать звонки. И наша жизнь станет спокойной и приятной.

Не станет. Холодный анализ показывает, что минусов в таком решении больше, чем плюсов.

Редактор на телефоне – это своеобразный цензор твоего эфира. Через неделю, после начала своей работы, он будет отбирать слушателей по своим принципам, которые, безусловно, не будут совпадать, с вашими. Иногда вы вообще не захотите принимать звонки, но тогда логичен вопрос – а за что он в это время получает зарплату.

Не следует забывать и изобретательность эфирных маньяков. Некоторые из них благородными голосами объясняют редактору, что они хотят задать вопрос по теме. Редактор не верит и просит сказать вопрос. Эфирный маньяк говорит, что хочет спросить, как именно высаживать хризантемы. Или сколько именно стоит эта поездка на Ниагарский водопад, если лететь первым классом. Его пускают в эфир, и он блеет козликом, чего, собственно, и добивался.

Желание обессмертить свою глупость в эфире стойко, а изобретательность бесконечна.

Вы снимаете трубку, а в эфире тишина либо треск, либо кто-то квакает.

Иногда вам пускают с плеера ваш голос недельной давности.

Кто-то декламирует стихи.

Звонят члены религиозных сект, которые вас благословляют.

Почти два года нас терроризировал кретин, который звонил в эфир и нормальным голосом отвечал на вопросы или давал умный комментарий. Но в конце комментария он переходил на хохот и назывался привычным кодовым именем для того, чтобы мы поняли, что это именно он. Потом, на год, он исчез, но сейчас вынырнул снова.

Бороться с маньяками невозможно ни в жизни, ни в эфире. Если их искоренить, то в кино погибнет жанр триллера, а у ведущих передач пропадет повод просить повышение зарплаты, в связи тяжелым моральным состоянием.

С другой стороны, их наличие позволяет надеяться, что появится фильм «Молчание ведущих», где Джуди Фостер сыграет молодую радиожурналистку, а сэр Энтони Хопкинс – маньяк, который терроризирует ведущих эфира и лакомится мозгами главных редакторов радиостанций.

Кстати, о главных редакторах. Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», которого я часто упоминаю в этой книге, однажды предложил психологическое решение этого вопроса. Он сказал, что нужно для себя считать, что ты получаешь часть зарплаты за эфир, а часть за эфирных маньяков. Это может показаться шуткой, но это не так. Любая

профессия имеет свою степень опасности, и это реализуется в зарплате. Я уже не говорю о космонавтах, подводниках или летчиках. Вспомните, я писал о том, что опасно садиться за руль собственной машины. Почему же нужно считать, что профессия журналиста должна быть полностью лишена неудобств.

Думаю, что когда оговаривается зарплата летчика, то ему не говорят: «Вот вам десять тысяч за то, что водите самолет, а вот еще три за опасность этой профессии». И это правильно, разве опасность профессии можно измерить конкретной суммой? Вам просто объявляют зарплату, в которую входят все ее издержки.

Я уверен, что журналист должен относиться к своей зарплате точно так же. Он должен понимать, что все неудобства его профессии являются ее естественной частью. Они неустранимы и поставляются в одном пакете. Летчик не может летать только при хорошей погоде. Она такая, как есть. Журналист имеет дело с аудиторией. Она тоже такая, как есть. Пытаться оградиться от нее, переделать ее, стать на путь маниякального преследования недовольных вашим эфиром, это тратить жизнь попусту.

Однако такая ваша позиция не должна встретить равнодушное отношение. Ваше руководство обязано максимально защитить вас всеми возможными техническими средствами, а если вам лично и прямо угрожают, то дать вам охрану. Если прессинг на вас стал чрезмерным и опасным, то начальство обязано связаться с властями.

Нельзя относиться к этому, как к пустяку. Если вы сообщили начальству, что ваша работа практически парализована, а вы чувствуете опасность, но в ответ услышали ироническое: «Да ладно, брось, старик, что за ерунда. Кому ты нужен?», знайте: вот теперь вы в реальной опасности. Кое-кому вы нужны, и, возможно, пора искать новое место работы. Это значит, что ваш начальник не понимает, что маньяки не всегда ограничиваются телефонными угрозами, и надеется на ваших похоронах отделаться сочувственными вздохами и небольшим букетом недорогих цветов.

Теперь попробуем сформулировать некоторые выводы. Мы разобьем их на две части. Первая часть – критическая.

Аудитория слишком велика и разнообразна, чтобы иметь одно мнение.

Если часть аудитории убедила вас что-то изменить в ваших эфирах, то у другой части может быть противоположное мнение.

Исходя из этого, важно помнить, что только вы являетесь автором вашего эфира.

Во время передачи аудитория должна понимать свою роль в вашем эфире. Эта роль должна быть четко очерчена вами в начале эфира, чтобы аудитория ясно понимала условия игры.

Вы должны четко следить за выполнением этой роли, отсекая от эфира тех, кто пытается использовать его в своих целях.

Не пытайтесь заискивать перед аудиторией. Она остро чувствует вашу неуверенность и постарается это использовать.

Не пытайтесь искать любви аудитории. Исходите из ее недружелюбия, потому что часть аудитории не любит лично вас, а часть то, что вы получаете, по ее мнению, много денег, хотя неизвестно, сколько именно. Вашу работу они не считают работой. И обе эти части считают, что, безусловно, сделали бы вашу работу гораздо лучше вас.

Не выискивайте из аудитории любимчиков. Помните, они будут говорить вам приятные слова, пока вы им не возразите в первый раз. Прерывайте ваши восхваления в эфире. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не комментируйте оскорбления в свой адрес в эфире, даже если у вас есть остроумный ответ. Помните, эфирный маньяк хочет любой вашей реакции, и только ваше полное равнодушие и отсутствие какого-либо комментария защитит вас от его дальнейших звонков. Молча, повесьте трубку и примите следующий звонок. И маньяк отстанет от вас, но совсем не потому, что что-то осознал. Он просто пойдет искать другую, более нервную жертву.

Не обозначайте публично своих предпочтений. Безусловно, среди вашей аудитории будут люди, которые понимают вас лучше других, которые уважают вас и помогают своим

участием в ваших программах. Не подчеркивайте, в эфире, позитивное отношение к ним, потому что это вызовет ревнивую реакцию остальной аудитории. И хотя ей плевать на вашу передачу, она, все равно, обидится.

Относитесь очень осторожно ко всем творческим советам. Их цель в конечном счете – изменить вас. Помните, что ваши истинные ценители любят вас за вашу индивидуальность и непохожесть на других. Более того, за вашу индивидуальность вас взяли на работу. Вы не сможете ехать по чужим рельсам. Замечания и предложения вам может давать только ваш главный редактор, только в дружелюбном тоне, и только за закрытыми дверями. Если двери закрыты, то цель разговора – улучшить вашу передачу, если он на вас кричит при всех, то он просто хочет вас унижить. Если это повторяется дважды, начинайте искать другое место работы, ибо ваш начальник тоже маньяк.

Кстати, моя жена любит смотреть фильмы с участием Роберта Редфорда. Он ей нравится не меньше, чем ее нынешний любимчик Джордж Клуни. Но если Клуни, для жены, это гламурное совершенство, то Редфорд – совершенство актерское. Я не понимаю, как один и тот же фильм, можно смотреть раз в неделю. Но жена спокойно ставит наш любимый фильм Сидней Поллака «Три дня кондора» («Three Days Of The Condor») и внимательно смотрит на экран.

При этом глаза ее наполняются слезами. Однажды я попытался разобраться в природе этих слез. Поскольку жена любит пересматривать все фильмы с Редфордом, то поле для моих исследований было широким. Я заметил, что в некоторых местах гениального фильма Джорджа Роя Хилла «Афера» («The Sting»), моя жена, пристально глядя на Редфорда, что-то шепчет. Я стал домысливать слова. В голову лезли логичные фразы: «Красавец, почему я, в свое время, не встретила тебя?!» Или: «Как я могла поверить своему истукану, выйти за него замуж и загубить, свою жизнь. Почему я не была во время твоих съемок в Голливуде?!»

Самое интересное, что рядом с ней сидела моя теща, которая тоже что-то шептала. Если это тоже были слова любви, то я не понимал, на что она рассчитывала. Ведь если жена могла, как минимум, покатать Редфорда на своем спортивном «Мерседесе», то теща могла его побаловать исключительно своими воспоминаниями, как она ехала на лошадиной повозке во время Войны Севера и Юга.

Итак, мне невероятно захотелось узнать секрет этого шепота.

Я подобрался к ним в темноте комнаты, прячась за углами мебели. Мне смертельно хотелось узнать, какие слова любви и обожания к Редфорду шепчут эти две женщины, которые, по ошибке, временно находятся в моем доме.

И вот что я услышал.

– Ты представляешь, что он сказал?! – удивленно спросила теща, указывая на экран.

– Безобразие, – прошептала жена, – По-моему, ему грозит опасность.

Я отполз от их кресла успокоенный. Они смотрели этот фильм в сотый раз, как в первый. Мне ничего не грозило.

Я еще раз удостоверился, что женская память сравнима с памятью золотой рыбки из аквариума, которая плавает кругами, потому что не помнит, что уже тут только что проплывала.

Единственное, что эти две женщины помнят хорошо – это то, что я обещал им перед моей свадьбой.

Вам, конечно, интересно, почему я вспомнил гениальный фильм «Афера».

Потому что мы должны вспомнить, что существует еще одна опасная порода эфирных маньяков, которые предлагают ведущему сыграть именно в эту игру, в аферу.

Их забава – дезинформация, и она тщательно спланирована. И требуется недюжинное мастерство и двадцатикратная проверка, чтобы не выставить свое СМИ на посмешище.

Вот показательный пример.

В апреле 2008 года множество российских СМИ в течение двух дней получили из разных источников официальные письма о росте цен на металлопродукцию. Поскольку цены росли на все, то в эти письма можно было поверить.

Письма были отправлены в разные инстанции и были написаны так, что в их подлинности можно было не сомневаться. Например, одно письмо от имени Ассоциации автопроизводителей России было адресовано вице-премьеру правительства. В нем содержался призыв ввести экспортные пошлины на сталь для сдерживания внутренних цен.

В тот же день пришло еще одно фальшивое письмо от имени Ассоциации энергоменеджеров России, в котором, совершенно справедливо, кстати, утверждалось, что рост цен на металл – это угроза энергетической безопасности, так как высокие цены могут сорвать планы строительства новых генерирующих мощностей.

Еще одно фальшивое письмо было отправлено от имени Российского союза строителей.

Дальше – больше. Появилось письмо «Премьер-министру от Международного союза металлургов». В нем также логичные требования повысить экспортные пошлины.

Началось расследование. Выяснилось, что письма рассылались со специально зарегистрированных доменов, которые были похожи на домены настоящих организаций.

Когда заглянули в регистрационные документы этих доменов, то выяснилось, что там указан телефон, который никогда не отвечает.

Конечно, можно задуматься о причинах этой странной истории.

Можно предположить, что есть человек, который искренне считает, что рост цен на металлы – это серьезный удар по экономике. И, вполне логично, считает этот человек, что повышение экспортных пошлин – реальный путь к спасению.

Конечно, можно задуматься и о том, почему он избрал такой странный путь привлечения внимания к этой проблеме.

Возможно, он специалист – металлург или экономист, который хочет таким путем спровоцировать дискуссию.

Возможно, он сумасшедший.

Но в конце концов это уже не ваша проблема, а проблема полиции или психиатров.

Важно другое. Когда появились эти письма, вы не торопились и позвонили в эти организации, спросив, отсылали ли они такие имейлы.

Вы решили перепроверить, потому что понимаете – по Интернету можно послать любую подделку. Ведь вы сразу заметили, что письмо не на официальном бланке. И хотя официальный бланк за три минуты легко рисуется в «фотошопе», то, что столь важные обращения присланы простым мейлом, насторожило вашу чуткую душу, готовую к различным пиар-провокациям.

Если вы этого не сделали, то, как и все остальные, вы дали это главной новостью. Вы попросили прокомментировать эти обращения видных экономистов, которые поверили уже вам. Вы сделали «крупные планы», а вечером, по вашей просьбе, будет специальная программа, посвященная неминуемому кризису в металлургической промышленности.

Но вас ожидает удар – к середине дня приходят опровержения от всех министерств. Они заявляют, что все письма ложь, и спрашивают, почему ваше СМИ устроило панику, не перепроверив информацию.

И вот вы уже стоите в кабинете главного редактора и выслушиваете последнее предупреждение о вашем служебном несоответствии.

Помните, это может случиться с каждым в любой день и в любую минуту.

Причем чем сенсационней и горячеей новость, чем больше вы горите желанием дать ее в эфир первой, тем вероятней, что это «вирус». Тем внимательней вы должны проверить эту новость, минимум, из двух источников.

Всего пару минут – и ваша карьера спасена.

Ведь сделать это несложно: достаточно позвонить двум трем специалистам по теме этой новости или в пресс-службу министерства и попросить у них комментарий. И тут выяснится, что в пресс-службе об этом ничего не знают, а специалисты вообще считают, что кризиса и близко нет. И еще.

Никогда без проверки не принимайте на веру то, что вам сообщают в прямом эфире.

Я несколько раз попадался.

Мне сообщали о пожарах и кровавых авариях, которых не было.

Во время президентских выборов мне звонили и называли лживые цифры экзитполов.

Во время футбольных матчей, чтобы не отвлекаться от гостя, но не терять футбольную аудиторию, я просил сообщать мне изменения в счете. Половина сообщений были лживыми, а счет ровно противоположный.

Помните, дезинформация несчастного ведущего, замотанного прямым эфиром, это увлекательная народная забава. И вам придется играть по этим правилам, перепроверя любую новость и говоря фразу: «Спасибо за звонок, я передам вашу информацию в службу новостей». А для перепроверки футбольного счета ставить в студии телевизионный монитор.

Один мой друг, ведущий популярной программы, стал жертвой флешмоба – спланированного розыгрыша пользователей Интернета. У него во время ночного эфира на экране пошла лавина сообщений, что только что в аварии погиб известный поп-певец. Увидев десятки сообщений от разных людей, ссылающихся на разные источники, мой друг поверил в это и посвятил весь свой эфир несчастной жертве аварии. Он стал ставить песни этого певца, сказал прочувствованную речь в его память и стал принимать мемориальные звонки. Он не знал, что звонки тоже организованы.

Звонили лжесвидетели, которые сообщали, что стоят на месте аварии, а голова певца лежит на дороге, отдельно от тела. И у нее странное выражение лица.

Другие утверждали, что рядом с певцом лежит красивая блондинка, но не его жена.

Третьи сказали, что рядом с телом нашли угрожающее письмо от его продюсера, и следователи уже поехали его арестовывать.

Четвертые информировали, что из машины пропал кейс певца, в котором лежали двести тысяч долларов и мастер нового альбома, который он только что записал в Лос-Анджелесе.

Ужас был в том, что аудитория, которая не была частью этого заговора, тоже поддалась на этот розыгрыш, потому что не могла поверить, что такое большое число слушателей может говорить неправду. А служба новостей на этой музыкальной станции ночью не работала.

Кончилось все закономерно: в три часа ночи на станцию ворвался живой певец, который чуть не подрался с моим другом, причем рядом с ним стояла блондинка, но не его жена.

А наутро над несчастным ведущим смеялся весь город.

Важно понять, что избавиться от этих неприятностей так же невозможно, как избавиться от вирусов.

Но вирусы тренируют организм. Поэтому возблагодарим аудиторию за то, что она есть, посмотрим на нее с другой стороны и попытаемся сформулировать правильное к ней отношение:

Помните, что аудитория – это естественная часть вашего эфира.

Если вы боитесь прямого эфира, то не ведите его.

Помните, что аудитория будет вас ценить только в случае, если есть за что. Ваши эфиры должны быть содержательны. То, что вы сидите у микрофона, не дает вам никаких преимуществ.

Аудитория любит хозяина. Она должна чувствовать в вас уверенного человека, который осмысленно и понятно излагает аудитории условия игры в вашей передаче.

Как бы вы не вели эфир, у вас обязательно будут те, кто слушает вас постоянно. Дайте им понять, что для вас ценно их участие в эфире.

Мы уже говорили, что среди аудитории много специалистов в самых разных областях. Многие из них лучше, чем вы, могут раскрыть тему программы, ведь мы с вами выяснили, что вы имеете право быть дилетантом. Попросите звонить экспертов, чтобы они добавили важные детали. Это неукоснительно срабатывает. Вы даже не можете представить, насколько содержательней становится эфир, если он делается коллективно.

Помните, что аудитория не хочет быть пассивной. Она привыкла к блогам и форумам. Ей нравятся ваши эфиры, но если вы будете ее совсем игнорировать, то она уйдет. Обязательно читайте, хотя бы пару сообщений от аудитории, подчеркивайте ее важность в раскрытии темы вашей программы. Аудитория требует самовыражения, и обеспечить его – ваша обязанность.

Не спешите делать вывод относительно звонящего. Возможно, вы просто не совсем понимаете, что происходит.

Последний пункт требует пояснения.

Однажды, в начале карьеры, я вел эфир. Было много звонков, и, естественно, как всегда, были звонки не по теме. Были и звонки, о которых я упоминал: в трубке молчали, шипели, играла музыка и прерывисто лаяла собака.

Однако очередной звонок вывел меня окончательно: когда я включил линию, роботообразный голос прожужжал, что хочет высказать свое мнение.

Я взбесился и жестко посоветовал любителю Айзека Азимова убраться вон, на свою далекую звезду. Но робот дозвонился мне снова. Как мне показалось, у него перегрелись микросхемы, потому что он, еще сильнее жужжа, стал вновь требовать слова.

Я вновь выключил его и сказал, что требую прекратить эти идиотские шутки и перегрузить операционную систему. Такое, сказал я, часто помогает.

Робот перестал звонить, и я довел эфир спокойно до конца.

После эфира ко мне подошел один мой коллега, отвел меня в сторону и спросил, знаю ли я, что бывает, если у человека, в силу диагноза, вырезают голосовые связки?

Я ответил, что с подобным не встречался.

Он пояснил, что в таких случаях человек прикладывает к горлу электрический вибратор. Он, вибрируя, колеблет стенки горла, человек говорит, и его можно слышать, только голос будет не как у человека, а как у робота.

Я понял, что опозорился.

В следующей программе я извинился перед этим человеком. Я сказал, что никогда не встречался с подобными случаями, что чувствую себя очень виноватым. И если он позвонит в следующий раз, то я обязательно дам ему слово.

Конечно, меня прощает то, что я не знал, что происходило на самом деле. Но прощает ли? Думаю, что человек, сидящий в эфире, обязан быть готовым ко всему и не допускать подобных ужасных промахов.

Однако следует твердо помнить, что ведущий никогда не должен ложиться под аудиторию, как бы аудитория этого не требовала.

Подобным примером, я считаю, историю, которую мне рассказал мой коллега Сакен Аймурзаев. Это случилось, когда он был новичком и не знал всю аудиторию по именам и фамилиям, чего аудитории очень хочется.

Однажды он вел эфир, в котором говорили о литературе. Пришло время звонков.

Внезапно позвонил человек, который сказал, что он не успел дозвониться в прошлую передачу, но дозвонился в эту. Но ему все равно. Потому что его волнует политика, и он хочет высказать свое мнение о президенте и рассказать свой собственный рецепт, как улучшить жизнь народа.

Для Сакена подобный звонок не был первым, ведь в каждую следующую передачу звонят те, кто не успел дозвониться в предыдущую. Им наплевать, что прошлый гость уже ушел, а новый ничего не может ответить о высаживании фиолетовых роз в средней полосе, потому что пришел рассказать о падении армии Роммеля во Второй мировой войне.

Поэтому единственный выход – немедленно, без комментария, сбрасывать такие звонки, и идти дальше. Мой коллега так и поступил. Но этот человек дозвонился еще раз, и Сакен опять повесил трубку.

Обычно, подобное поведение ведущего горячо поддерживается аудиторией. Она счастлива, что сбросили кого-то другого. Это значит, что больше места в эфире для остальных.

Но в этом случае привычный эгоизм аудитории исчез как туман. На экран посыпались десятки сообщений, обвиняющие Сакена в черствости и бездушности.

Автоматически, не понимая в чем дели. Сакен принял звонок. Женщина на телефоне сказала Сакену, что он должен извиниться.

– За что? – ошарашено спросил несчастный ведущий.

– За то, что вы не дали сказать звонящему, – строго сказала женщина.

– А почему он должен говорить не по теме?! – изумился Сакен.

– Потому что он слепой! – объявила женщина. – Вы должны идти ему навстречу.

И тут женщина объяснила, что этого слушателя все знают. Оказывается, он большой друг радиостанции и слушает ее круглосуточно, потому что не видит. Он знает всех ведущих и звонит во все программы. Таких, заключила женщина, надо ценить и беречь.

– Хорошо, – предложил Сакен. – давайте я ему сейчас позвоню. Я выведу его в эфир и пусть говорит, о чем хочет пять минут.

– Зачем, – в свою очередь изумилась женщина, – у вас же совсем другая тема. И кто ему ответит?

– Никто, – ответил мой коллега. – Но вы же говорите, что таких надо беречь. Может, он сейчас сидит с сердечным приступом.

– Нету него никакого приступа, – вдруг злобно сказала женщина. – Он здоров, как бык. Это все знают. Нечего ему звонить!

– Так что же мне делать? – добивал звонящую даму Сакен.

– Не быть хамом! – выкрикнула женщина и бросила трубку.

Это обычный конец подобной дискуссии. Замечено, что когда звонящий нарушает все правила, говорит глупость, отвечает невпопад, он в конце разговора, обычно, называет ведущего хамом и бросает трубку.

Подобное похоже на то, когда вам звонят в три часа ночи и спрашивают, когда будет последний сеанс фильма. Вы сонно отвечаете, что это не кинотеатр. Тогда звонящий, вместо извинений, материт вас и отключается.

Я очень понимаю таких людей. Человеку, особенно нетрезвому, необходимо, чтобы последнее слово было за ним. Ну что поделать, если он хочет в кино, а тут вы спите.

Раньше подобные звонящие оставались безнаказанными. Но Господь даровал пастве определители номера. Раз уж меня разбудили, то я иду на кухню и готовлю себе большой стакан свежесжатого сока. Я готовлю его неторопливо, потому что в святом деле мести спешки быть не может. Выждав приблизительно минут тридцать, пока разбудивший меня человек, по моим расчетам, оказывается в зале и уже смотрит кино, я звоню на этот номер и выманиваю его из зала обещанием срочного сообщения. И когда он, наступая на ноги и протискиваясь сквозь ряд, выползает из зала, я желаю ему счастливого просмотра. Он начинает выяснять, кто звонит. Я вежливо поясняю, что это тот, кого он разбудил. И раз он уже меня разбудил, то я прошу кратко рассказать мне содержание фильма. Он оглашает фойе кинотеатра громкими проклятиями и бежит в зал, где им пропущен большой кусок фильма. Спотыкаясь о ноги сидящих, он ищет свое потерянное место и потом полфильма пытается выяснить у своей девушки, кто кого убил.

А я медленно допиваю полезный апельсиновый сок и сладко засыпаю с чувством свершившейся мести.

Конечно, те, кто читает эту главу, может спросить: неужели вся аудитория состоит из недоумков?

Конечно, нет! Но нужно учесть, что большинство аудитории, которое ценит то, что вы делаете, вам вообще не звонит. Они не считают это необходимым.

Звонят, в основном, свободные от работы и те, кто стоят в пробках на дороге. Звонят люди в возрасте, от которых уже сбежали дети, и им некого воспитывать. Звонят фанаты и эфирные маньяки.

Каждый эфир вам обязательно позвонит масса малосимпатичных людей.

Но, и это очень важно, никогда не переносите на всю аудиторию свое раздражение от

звонков неприятных одиночек. Это вам подарит приятные неожиданности.

Хочу привести пример правильного, на мой взгляд, отношения к аудитории.

Однажды я вел эфир с заместителем мэра. Эфир обещал быть скучным, как и тема: замена старых и некрасивых мусорных контейнеров на новые.

Я не в первый раз вел эфир с заместителем мэра и поэтому знал каждое слово, которое услышу. Он скажет, что это большая победа мэрии, что контейнеры изготавливали в Японии, и что отныне Москва будет самым чистым городом мира.

– Расскажите нам про новые контейнеры, – сказал я, скрывая зевок.

– В первую очередь, я должен сказать, что это большая победа мэрии, – бодро начал гость – Мы долго ждали, пока в Голландии изготовят эти контейнеры. Но теперь их прислали паромом и уже развозят по районам города.

– И что будет теперь с мусором? – спросил я, мечтая о пенсии.

– А его не будет, – радостно сказал заместитель мэра. – Обещаю вам, что через год наш город станет самым чистым городом мира.

– Хорошо, – злорадно сказал я, – теперь послушаем звонки радиослушателей.

Я знал, что сейчас будет. Я отдавал его на растерзание аудитории.

Сейчас они его порвут, и это будет моя сладкая месть за бесцельно потраченные полчаса моей жизни.

– Алло, вы меня слышите? – раздался голос из телефона.

– Слышим, – сказал я. – Представьтесь и задавайте ваш вопрос.

– Одну минуту, – сказал голос, – я уже в прямом эфире?

– Да, – раздраженно сказал я. – Задавайте вопрос!

– У меня нет вопроса, – сказал голос.

– А почему у вас его нет?

– Потому что я не знаю, кто у вас в эфире. И вообще, я звоню по другому поводу.

– Я заместитель мэра, – сказал заместитель мэра. – Мы говорим о новых мусорных контейнерах. Они скоро будут и в вашем дворе.

– Какая неинтересная тема, – разочарованно сказал голос.

– Почему неинтересная? – обиделся заместитель мэра. – Очень интересная. Знаете ли вы, что мы их заказали в Голландии? У них автоматическая крышка.

– Сейчас мне это все равно, – сказал голос. – Я вам звоню сегодня целый день. Я, наконец, дозвонился. И вы хотите, чтобы я говорил о мусоре?

– А о чем вы хотите говорить? – спросил заместитель мэра. – Если о ямах на дорогах, то это не ко мне.

– Есть тема интереснее, – радостно сказал голос. – Сегодня мне исполнилось восемьдесят лет!

– Поздравляем, – осторожно сказал гость из мэрии. – Если вы по поводу муниципального жилья, то это тоже не ко мне.

– Я не хочу муниципальное жилье, – еще более радостно сказал голос. – Я хочу в эфире спеть песню.

– Послушайте! – начал я, – у нас другая тема. Подождите другой программы.

В трубке хмыкнули.

– Вы считаете, что в моем возрасте я буду чего-то ждать?!

Я побагровел, но заместитель мэра остановил меня жестом.

– А что вы хотите спеть? – спросил он.

– Русский романс, – сказал юбиляр. – Можно?

Заместитель мэра вопросительно посмотрел на меня.

– Пойте, – сказал я со вздохом. Мне уже было все равно.

В телефоне загрохотало.

– Аккомпанирует жена, мы с ней вместе уже пятьдесят лет! – крикнул издали голос. Было понятно, что телефон не дотягивался до инструмента.

Прозвучал аккорд, и голос запел «Очи черные». Потом к голосу присоединился второй

голос – голос жены.

Я смотрел на заместителя мэра. Он улыбался.

Голоса в телефоне пропели все куплеты и припевы с убыстрением, крикнув в конце «Э-эх!»

– Ну что, было слышно? – спросил голос. – Мы почти кричали.

– Все в порядке, – сказал гость из мэрии. – Но мы больше не можем говорить, – сказал голос в трубке, – мы идем в ресторан.

– Идите, – начальственно сказал заместитель.

Снова что-то загрохотало, и связь прервалась.

– Ну что ж, – сказал я каменным голосом. – Вернемся к нашему мусору. Так где сделаны ваши контейнеры? Кажется, в Голландии?

– Может, сменим тему? – сказал гость. – Мусор как-то сюда не ложится. Давайте поговорим о муниципальном жилье, хотя это не моя тема...

После эфира я стоял в коридоре. Заместитель мэра с толпой помощников, уже одетый, приостановился возле меня.

– Я, кажется, изменил ваш план эфира, – сказал он.

– Не страшно, – ответил я. – Важно, чтобы вам понравилось. Вы так и не рассказали все про свои контейнеры.

– Да пошли они к черту! – заместитель мэра махнул рукой. – Они у меня в печенках сидят. Стоили кучу денег, а крышки хрупкие. Вы знаете, какие крышки нужно делать для нашего народа, чтоб не сломали?

Я кивнул.

– А это хорошо, когда люди поют в прямом эфире, – добавил он. – Мы их совсем не знаем, а они талантливые. Лучше слушать романс, чем говорить о мусоре, согласитесь.

Итак, подведем еще один итог этой главы.

Конечно, не бывает ведущего, которого не раздражает аудитория.

Старайтесь отбирать звонки с помощью технических средств: смотрите на код звонящего. Старайтесь принимать звонки из других городов.

Внедряйте современные телефонные системы. Например, наша телефонная компьютерная система устроена так, что на экране мы видим номер абонента, цифру, указывающую на то, сколько раз этот человек звонил на наш номер, и еще одну цифру, говорящую о том, сколько раз мы приняли его звонок. С помощью нажатия красной кнопки можно пометить любой телефон красным цветом, это даст возможность быть предупрежденным о том, что данный звонящий в предыдущем эфире был не совсем адекватен. Нажатием другой кнопки можно снять красную метку.

Если вы выбираете, чей звонок принять, то старайтесь давать дорогу людям с малой цифрой звонков. Это значит, что человека заинтересовал именно ваш эфир, и вы можете получить в передачу приятного и умного собеседника. Напротив, большое число дозвонившихся рядом с номером, говорит, что вам звонит маньяк-профессионал, которому, чаще всего, наплевать, в какую передачу звонить. И вы ему нужны исключительно для его собственного самовыражения.

Никогда не принимайте звонки без темы, по принципу «просто поболтать». Программа немедленно пойдет вразнос, ибо трудно найти общую для всех тему. Подобная неопределенность поднимет со дна всю муть, всех, кому нечего делать, и кто проводит время в борьбе и в игре с ведущими. Помните, далее в пятиминутном, свободном отрезке, тема разговора должна быть четко обозначена.

Нужно помнить, что процент негодяев и бездельников, звонящих вам в эфир, всегда одинаков. Эти люди никогда не устают, потому что мотать вам нервы, это их развлечение. Когда часть из них, с довольной улыбкой, ложится спать, на смену им заступают те, кто только что проснулся. Победить этих людей невозможно, их можно только растворить, как кофе.

Это не гастрономический образ.

Не забудьте объявить тему эфира, и произойдет удивительное – огромная часть интересной аудитории начнет звонить и растворит в себе бездельников. Они просто не дозвонятся...

И это хорошо. Нужно помнить, что аудитория большая, а вы один. И только вы несете ответственность за то, что происходит в эфире.

Но за это, вы все в эфире и определяете.

Еще раз предостерегаю читателей несерьезно воспринимать то, что описано выше.

Не следует думать, что проблемы с аудиторией вас минуют.

Не следует думать, что то, что я описываю, малозначимо, и на это можно не обращать внимание.

Журналистика всегда кисло-сладкая, и я не собираюсь придумывать ей новый вкус.

Вспомните, как вы приходите в магазин и видите измотанного покупателями продавца. Вы еще ему ничего не сказали, но он уже смотрит на нас, как на врага, потому что ему уже сотни раз испортили настроение сотни предыдущих покупателей.

Этот продавец шел на работу в семь утра, слушал пение птиц, и жизнь ему казалась прекрасной. Он вспоминал своих малюток-детей и мечтал купить мальчику машинку, а девочке куклу.

Но эта пастораль была разрушена злобными тетками и дядьками, которые стерли с его лица улыбку. Кому-то не нравился товар, кому-то погода, а кому-то то, что наш продавец слишком улыбчив.

И вот дело сделано: нашему герою разбили настроение бессмысленными претензиями и упреками. И уже он рычит на покупателей. А вечером, очень возможно, беспричинно отшлепает своих несчастных малюток и доведет до слез жену, которая весь вечер ждала его, трепетно глядя в окно.

Пусть то, что я написал, не кажется вам пошлым киносценарием.

Я уверяю вас, и это очень важно, что работа журналиста ничем не отличается от работы магазина, прачечной или автомастерской.

Потому что все это – сфера обслуживания.

Когда Паваротти утопал в цветах после исполнения арии, то перед этим его менеджеры не забывали выторговывать ему умопомрачительный гонорар, который отображался в стоимости ваших билетов. Он продавал свой вокал.

И я рискую лишить вас девственного самомнения, но если вы журналист, то вы всего лишь продаете другой товар, который называется информацией. И хотя вы не видите своих покупателей, они у вас существуют.

Это ваша аудитория.

Даже если вы не принимаете звонки, не отвечаете на письма и презираете аудиторию, вы существуете только потому, что она есть.

Как вы помните, я считаю журналистику профессией только в том случае, если вы получаете за это деньги. Но откуда вы их получаете? Понято, что если это частное СМИ, то от рекламы. Откуда реклама? От аудитории. Если ваше СМИ государственное, то деньги от налогов той же аудитории. Только их вам выдает государство, потому что считает вашу работу общественно важной.

Вашу продукцию покупают, вам за это платят деньги, поэтому извольте, как минимум, не презирать тех, кто платит.

Помните, вы никогда не измените свою аудиторию. Ваша мечта иметь, по ту сторону эфира, только Эйнштейнов и Сэлинджеров, так же утопична, как аудитории мечтать сделать из вас помесь Сократа с покойным Ганди.

Поэтому, возвращаясь к главной теме этой главы, я смею настаивать: умение работать с аудиторией, понимать принципы общения с ней, чутко понимать ее, и одновременно держать ее в ежовых рукавицах – это важнейшая сторона вашей профессии.

И последнее.

Иногда вам может стать совсем невмоготу. Если такое случится, то, все же, никогда не

принимайте антидепрессанты. Делайте, как я.

Я иду в кабинет шефа, когда его нет. Там, на полке шкафа, обязательно стоит коньяк. Я наливаю себе сразу полстакана.

Саму бутылку красть не надо, он может заметить.

Я выпиваю коньяк и закусываю конфетой или черным шоколадом, тоже из его запасов. При такой конфигурации выпивки и закуски, среди аудитории резко увеличится количество приятных людей. Во всяком случае, мне так кажется.

На нашей станции у Алексея Венедиктова в шкафу море подаренной выпивки, и я все время вижу моих коллег, которые вышмыгивают из его кабинета, жуя конфету. Так что я в этом деле не одинок.

Иногда Алексей зовет меня в кабинет, плотно закрывает дверь и тихо говорит, что у него исчезает коньяк, но он не знает, кого подозревать. Я, обычно, отвечаю ему, что, как известно, мир несовершенен и полон мелких воришек. Безусловно, к несчастью, они есть и на нашей радиостанции, даже среди самых известных журналистов. Но мы сообщаем их найдем, и им придется туго.

Ведь есть один человек, в котором он может не сомневаться.

Это я!

Алексей открывает шкаф и наливает мне за помощь большую порцию «HENNESSY».

И не удивительно. Господь всегда вознаграждает кристально честных людей!..

КАК ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ, И КАК ПРАВИЛЬНО ХОДИТЬ НА ЭФИР К ДРУГИМ, НО ПРИ ЭТОМ НЕ СТАТЬ ИНВАЛИДОМ

Я уже писал, что аудитория воспринимает ведущего, как досадную помеху. Ей кажется, что исчезновение ведущего из эфира даст наконец услышать слова этого удивительного человека, который сейчас пришел.

И неважно, что гость врывается на станцию за минуту до эфира. Он торопливо сбрасывает с себя верхнюю одежду и немедленно требует кофе. Потом требует рассказать, о чем будем говорить, требует бутерброд с обезжиренной ветчиной и тридцать пять капель успокаивающего.

Взяв чашку кофе, гость обязательно заходит к главному редактору, который не успел сбежать, и дарит ему, в пятый раз, новое издание своей сенсационной книжки «Кольчатые черви – разумны ли они?», где, на пяти сотнях страниц, доказывается, что они разумны.

Потом, сидя в эфире, гость отвечает невпопад, обжигается кофе и всех сравнивает со своими любимцами – червями.

На вопрос, почему он стал парламентарием, а не остался биологом, гость заявляет, что лучше копать в политическом дерьме, чем в реальном.

И громко хохочет, оставляя, ведущего в сильной задумчивости.

После эфира, не ответив толком ни на один вопрос, гость проверяет, где висит его фотография. Обнаружив ее, он снова бежит к главному редактору, снова дарит ему книгу про червей, жалуется, что его фото висит около женского туалета, и просит повесить у входа, где висят фото Горбачева, Клинтона и Шредера. За это обещает подарить еще одну книгу. Кроме этого, он просит сфотографировать его заново, потому что он похудел на шесть килограммов.

Его фото перевешивают при нем. Он дарит еще одну книгу и, надев не то пальто, убегает.

Его фото немедленно снимают и, в виде мести за червей, вешают на дверь туалета.

Это типичный гость, но аудитория ничего не знает и слушает его откровения, принимая их за божественные.

Как говорил одному закоренелому преступнику специальный агент Джеффро Гиббс из моего любимого сериала «Морская полиция» («MSFI»): «Ты еще жив, только потому, что до нашей встречи я не знал о твоём существовании».

Мне близки такие мысли старика Джеффро.

Некоторых гостей я пристрелил бы еще на подходе к студии.

Причина такого желания кроется в моем глубоком враждебном убеждении, что гость тоже считает ведущего помехой. Он хотел бы говорить с аудиторией сам, один на один, посылая ей те две мысли, которые ему подарил его мощный интеллект, подорванный неумеренным потреблением алкоголя и заботой о благе народа.

Гости отвратительны. Я могу привести только несколько их ужасных черт, которые мне приходится терпеть уже много лет.

Гости не готовятся к передачам. Они сидят и ждут, что их спросят.

Начав говорить, гость не смотрит на часы и не понимает, что такое говорить форматно.

Несмотря на предупреждение, что осталось двадцать секунд до новостей, гость вдруг вспоминает, что не сказал главного. Он обвиняет в этом ведущего и требует, чтобы его пригласили еще раз.

Гостю никогда не нравится вопрос для голосования.

Гостю не нравится, как проголосовали слушатели. Как бы ни проголосовали, всегда не в его пользу.

Особенно гостю не нравится то, как сформулирована ведущим тема его отрезка эфира.

Любимая фраза гостя: «Мы уже пятнадцать минут не о том говорим!..», хотя, кроме самого гостя, все пятнадцать минут никто не произносил ни слова.

Уже анекдотом стала реальная история, когда в эфир пришел начальник железной дороги. Он говорил про рельсы, шпалы и расписание электричек. Гости предупредили, что ему дадут знак, когда нужно будет заканчивать. Но когда ведущий посмотрел на часы и незаметно описал рукой в воздухе кольцо, что означало – пора закругляться, гость кивнул головой и бодро сказал: «А теперь я расскажу вам о кольцевой железной дороге».

Ведущий упал в обморок.

Я мог бы круглосуточно описывать вам, как мне было бы хорошо, если бы не было гостей. Но это будет лукавством.

Именно наличие гостей, их уровень и определяют сейчас престиж и рейтинг СМИ.

Поэтому нам необходимо посмотреть на гостей с другой стороны, обсудив реальные проблемы, которые вокруг них возникают, а так же как выйти из некоторых непростых ситуаций.

Конечно, все журналисты – гении. Но я уже писал, что аудитория давно выучила наизусть все, что эти гении могут сказать. Поэтому существование гостей благоприятно, хотя бы с той точки зрения, что аудитория отвлекается на гостя и идет линчевать надоевшего ведущего не сегодня, а через пару дней.

На фоне неготовности гостя к эфиру ведущий кажется паинькой.

Поэтому забудем о собственной гениальности, и потанцуем вокруг гостя.

Танцы начинаются с его прихода.

У нас на станции есть правило: когда приходит гость, его встречает ведущий и лично разговаривает с ним минут десять – пятнадцать.

Подчеркиваю, лично!

Мне очень не нравится это правило. Сейчас, когда я пишу эти строки, я уже далеко не мальчик. Когда выйдет эта книга, мне будут все сто. Должен ли я, в таком почтенном возрасте, увенчанный лаврами, званиями, почетными медалями и поцелуями, встречать с улыбкой какого-нибудь пацана и угодливо предлагать ему чаю?

Не лучше ли будет, если его встретят референты, а я царственно войду в студию за минуту до эфира, и милостиво кивну гостю головой. Гость встанет навтыжку, споет гимн и возьмет у меня автограф. И, может быть, после этого я начну эфир.

Не лучше. И я объясню почему. Гость приходит с улицы, где занимался черт знает чем. Он должен поговорить с вами на конкретную тему, в конкретный отрезок времени. Гость может прийти к вам после джакузи с двумя девицами и лепестками роз либо с горячего заседания какого-то парламентского комитета.

Гость может, но не обязан, специально готовиться к эфиру. Раз он приглашен, значит, известно почему. И его обязанность – только прийти вовремя. Остальное должны сделать вы.

Я вхожу в гостевую комнату, сияя широкой улыбкой, трясую ему руку и говорю, что его визит – это праздник не только для меня, но и для моей тещи. Конечно, это ложь, тем более что именно моя теща поручила мне удушить гостя, как только я его увижу, за последнюю модернизацию пенсионного закона.

Гость вздрагивает. Он слышал о моей манере вести эфир. Он пытался у главного редактора выбить другого ведущего. Но у нас правило – гости ведущего не выбирают. Увидев меня, гость раздумывал, не выпрыгнуть ли ему в окно, однако его сбила моя улыбка и предложение кофе.

Я усаживаю его в кресло и перехожу к следующей ступени охмурения.

Я говорю, что радиослушатели прислали много вопросов к этому эфиру (ложь), очень много вопросов и у меня (у меня один вопрос: когда он уйдет?), но, прежде всего, я хочу узнать: какие вопросы хотел бы поднять сам гость?

И это чистая правда.

Вы не знаете, где был гость. Вы не знаете, какие аспекты сегодняшней темы его интересуют. Конечно, вы выстроили свою схему передачи, нахватав тезисов из Интернета. Но, согласитесь, насколько богаче станет программа, если вы согласуете ее течение, взяв за основу желание гостя.

Гость никогда не предложит обсуждать то, в чем он плохо разбирается.

Когда гость скажет, что ему все равно, что обсуждать, пропустите эту фразу мимо ушей. Она ничего не значит. Продолжайте выяснять, что интересно гостю, не торопясь придумывать свою схему.

Это плохо, потому что она для гостя будет мертва, и передача проиграет. Если же вы дадите говорить гостю о том, что для него важно – успех обеспечен.

Я еще раз хотел бы акцентировать внимание на этой необходимости говорить то, что знаешь и любишь, и не отступать от этого правила.

И вот пример на эту тему.

Известная журналистка Юлия Латынина ведет авторскую передачу в нашем эфире. Она тонкий знаток Российского Кавказа.

Она знает все тейпы и легко называет труднопроизносимые фамилии полевых командиров. Еще она легко ориентируется в делах кремлевских лидеров и в людях, которые рулят спецслужбами. Про ФСБ она рассказывает в лицах, как будто с пистолетом стояла за шторой, когда принимались очень интересные решения.

Значительная часть эфира посвящается проблемам Кавказа. Когда она рассказывает о Кавказе, то поражаешься, откуда она знает так много подробностей. Так же интересно, с подробностями, она рассказывает об интригах высшей власти.

Однако об этом я уже писал, некоторым слушателям все равно, о чем говорит ведущий. И однажды позвонил настойчивый слушатель, который потребовал объяснить, в чем разница между Обамой и Хилари Клинтон.

Юлия замаялась. Она только что в деталях, рассказывала, как в Ингушетии, люди в масках поймали двух братьев Махачевых, идущих по улице за сигаретами. Поскольку уже был вечер, настоящие бандиты, устроившие взрыв на улице, куда-то убежали, а братья были небриты, то их сразу обвинили в терроризме. Одного брата убили сразу, на улице, возле киоска с сигаретами, а другому отбили почки. И где он сейчас, неизвестно. Мать Махачевых хотела жаловаться, но к ней заехали те же люди в масках и сказали, чтобы она молчала, иначе они сожгут ее дом.

– Так что вы можете сказать про Обаму и Хилари? – требовал настойчивый слушатель.
– В чем между ними разница?

– Я не знаю в чем разница, – сказала Юлия. – Но я знаю, что между ними общего. Они, оба, ничего не знают, что есть братья Махачевы, и что у них большие проблемы.

И продолжила свой рассказ об издевательствах над мирным населением в Ингушетии.

Слушатель обиделся и написал мейл Алексею Венедиктову. В нем он назвал себя «заслуженным слушателем», обвинил Латынину в некомпетентности и в том, что она игнорировала его вопрос. Письмо было разухабистым по стилю, и от него веяло хорошим сытным обедом с зубочисткой в зубах.

Венедиктов, прочитав письмо, немедленно нажал на компьютере «Delete» и вывесил приказ, в котором предложил всем ведущим четко объявлять темы, на которые принимаются звонки в каждом эфире. А тех, кто звонит не на тему, он приказывает гнать вон.

И я с ним абсолютно согласен.

Если Латыниной интересно в ее авторской передаче рассказывать только про Кавказ и интриги Кремля, пусть рассказывает именно про это. Она так хочет и освещает эти темы лучше всех.

Но вернемся к вашей встрече с гостем перед эфиром.

Итак, после чашки кофе, которую по вашему щедрому указанию ему принесет секретарша редакции, вы продолжаете выяснять, какие именно темы в сегодняшней беседе возбуждают его больше всего. Конечно, гостя возбудили ноги секретарши, от ее походки он даже пролил кофе на вашу новую рубашку. Но, к сожалению, есть тема передачи, и вы приводите гостя в чувство вопросом, о чем он сможет рассказать наиболее интересно, без вступительных мычаний и подготовительных ерзаний по стулу.

Однако ваше отношение к гостю не должно быть потребительским.

У гостей есть свои требования к эфиру, и чаще всего, эти требования справедливы.

Вообще-то для того, чтобы понять, как правильно относиться к гостю, важно побывать в его шкуре.

Меня часто приглашают участвовать в различных передачах, поэтому хочу показать несколько примеров, что раздражало меня, когда я был приглашен где-то выступить.

Однажды мне позвонила администратор одного телеканала и пригласила на запись в новую программу. Я стал выяснять подробности программы. Но администратор ответила, что ничего не знает, так как она тут новенькая. Я спросил, почему не звонит сам ведущий. Ведь мы были знакомы, и он бы мне объяснил задачу за минуту. Девушка ответила, что он очень занят.

Я отказался идти, и вот почему.

Мне важно согласовывать формат своего участия. Я хочу точно понимать свою роль, насколько пространны должны быть мои ответы, насколько смешно или серьезно я должен говорить.

Да, именно так.

Можно над этим смеяться, но для меня это важно. Когда меня приглашают на запись новых программ, я обеспечиваю, как гость, качество эфира. Я с большим вниманием отношусь к чужим эфирам, и все это знают. Я стараюсь быть ярким, активно брать слово, быть темпераментным и остроумным. И этот ведущий пригласил меня именно для успеха своей премьеры, но поленился потратить пять минут для разговора с тем, кто будет для него работать, и объяснить детали.

На другом телеканале меня пригласили поддержать основного участника дебатов, но, впоследствии, я обнаружил, что, из-за цензуры, вырезали все мои острые реплики. В передаче я выглядел идиотом. Ведущий, также мой знакомый, не позвонил мне и не объяснился.

Вы спросите, а зачем он должен был это делать? Ведь не он вырезал мои острые реплики, а его начальство.

Да, это так, но для меня именно этот ведущий являлся лицом этой программы. Я не знаю, кто вырезал мои реплики, и знал ли этот ведущий, что это произойдет. Возможно, он отстаивал мой неприятный для начальства монолог, а возможно, махнул рукой и сказал, что ему все равно. Согласитесь, это две большие разницы.

А теперь вдумайтесь, что произошло в результате.

Я пришел на передачу, старался, чтобы она получилась, а, в результате, в эфир ничего

не попало.

Обидно ли это для меня? Конечно, да!

Как и для любого другого.

Это только кажется, что эфир вами и гостем воспринимаются одинаково...

На самом деле все не так.

Это вы с утра, в рабочем режиме, поговорили с десятью гостями и еще пятерых записали на завтра.

Для гостя же визит к вам – это целый ритуал.

О том, что его пригласили в эфир, еще со вчера знают все его родственники. Он не забыл позвонить в другие страны своим друзьям, чтобы они услышали его программу по Интернету. Он тщательно готовится, делает пометки на бумаге, укладывает план беседы в голове. Он старается, потому что приглашение в эфир – это сродни награде. Тебя выделили среди других! Ты будешь говорить на многомиллионную аудиторию.

Поверьте мне, даже если гость холодно и безразлично, за минуту до эфира, смотрит в окно, то, все равно, ему не все равно.

Я знаю людей, которые ходят по выходным в аэроклуб, садятся в самолет и прыгают с парашютом. В виде развлечения, они в полете раскрывают шампанское и пьют его из хрустальных бокалов. А один подобный чудак даже рисовал в полете картину, правда, черным грифелем.

Но если бы кто-то попытался запихнуть в самолет с парашютом меня, то у него были бы большие проблемы, потому что невозможно грузить в самолет человека, который приковал себя цепями к осветительной мачте.

Я бы не полетел, даже если бы от моей дочери отказался ее мотоциклист!

То, что для одних привычно, для других экстраординарно.

Ваш рутинный эфир – настоящее потрясение для тех, кто приходит в студию раз в год. Для вас это поход в булочную, для них – поездка, в Большой Каньон.

Вот почему крайне необходимо учитывать главное: гость эмоционально тратится на эфир, всегда больше вас. Вот почему именно вы, как человек, к которому он идет на эфир, полностью ответственны за то, как гость пришел, что было у вас в эфире, и что потом услышал зритель или слушатель.

Вот почему я считаю, что ведущий той программы, где вырезали все, что я говорил, поступил неправильно. Вот почему я к нему больше не хожу.

Примеров неправильного отношения к гостям нет числа.

Однажды я пару часов просидел в холодной гримерке. Дело в том, что в студии писали несколько программ подряд, а гости предыдущих программ все время опаздывали. Постепенно отставание в записи стало почти полтора часа. Запись задерживалась, но никто не извинялся, не предлагал мне чаю и не спрашивал, могу ли я торчать в пустой холодной комнате еще час, пока не подойдет моя очередь. Я взбесился, потребовал вызвать гостевого редактора и спросил, почему, зная о проблемах, мне не позвонили и не сказали приехать позже. В ответ я услышал то, что слишком много гостей и за всем не уследишь, но они все извиняются. На мой вопрос, почему не могут набрать еще пару редакторов, я узнал, что это дело начальства, и что, наверное, они экономят деньги.

Самое интересное, что писать мы должны были юмористическую программу, и можно уже представить, с какой физиономией я там сидел и какие шутки говорил.

А вот еще одна история. Я был гостем шоу, там было еще человек пять, кроме меня. Среди гостей был один, особенно статусный, в ранге министра. По сути, он и был главным гостем, я понимал это, и мои скверные ожидания оправдались. Он говорил, а мы были только гарниром.

Я понимал организаторов передачи. Они не были уверены, что главный гость придет, поэтому страховались и пригласили остальных, чтобы обеспечить уровень программы. Мы очень хорошо говорили, но в монтаже нас показали пару раз, а говорил только он.

Еще один раз позвонившая девушка трижды перепутала мое имя, неправильно назвала

фамилию и также не могла объяснить, что я буду делать на записи. Она объясняла, что это ночная программа, и все содержится в ее названии. Название программы было «Голубые волны». Я задумался, а потом спросил, нужно ли мне будет стоять по колено в воде, петь песни старых моряков и махать морским флагом. И обязательно ли мне быть геем, чтобы там сниматься. Теперь уже задумалась девушка. Помолчав, она сказала, что стоять в воде, как она думает, мне не нужно, потому что бассейн они не заказывали. А про геев она уточнит. Больше она не звонила.

РАСКОШЕЛИТЬСЯ ЛИ НА ДЛИННЫЕ НОСКИ И ЧТО ДЕЛАТЬ С ЛЮБИМОЙ БОРОДАВКОЙ

Когда мотоциклист моей дочери слишком долго поджидает в кустах, пока она накрастит губки и выскочит, не попрощавшись, его мотоцикл испускает зловонное облако, которое проникает в нашу комнату и оседает на моей белоснежной рубашке, которую только что погладила моя жена, готовя меня к эфиру. Но, когда я, обнаружив это, пытаюсь выскочить на улицу, чтобы поймать мотоциклиста и накормить деталями его собственного мотоцикла, то жена останавливает меня и призывает относиться к этому факту спокойно – рубашку она погладит, а дочь пусть, хотя бы немного, отдохнет.

На мой вопрос, от чего нужно отдыхать моей дочери, жена рассказывает драматическую историю о том, как дочь готовила себе утром яичницу, и каких титанических усилий ей это стоило.

– Кроме того, она читала книгу!.. – эту фразу жена произносит с особым придыханием.

После чего жена читает мне небольшую лекцию о том, что мотоциклист неплохой парень, и она даже, один раз, видела его в красивом модном костюме с галстуком. Он специально надел костюм, чтобы встретиться со мной, но увидев мое лицо из кустов, испугался и убежал.

– Я просто вышел на балкон и смотрел на закат, – удивился я. – Что такого он в моем лице разглядел?

– В том-то и дело, – обидчиво пояснила дочь. – Он сказал, что выражение твоего лица было таким же кровавым, как и закат. И я ему долго объясняла, что за твоей жуткой улыбкой кроется что-то человеческое. Ты просто это человеческое тщательно скрываешь.

На это предательство родной дочери, я замечаю, что есть люди, которые пытаются скрыть свои ужасные пороки под хорошим костюмом. Но их естество видно, как под хорошим рентгеном.

Тут в разговор вмешивается теща, которая заявляет, что когда я ухаживал за моей женой, то у меня были одни рваные джинсы. Но она, теща, заглянула в мою душу и увидела чистую совесть и перспективу постройки трехэтажного дома, поэтому она сильно нашему союзу не возражала. Поэтому теща полагает, что костюм особого значения не имеет. Главное то, что внутри человека.

Моя теща, как всегда права, но за одним исключением.

Внешность и костюм не определяют любовь на лавочках в городском парке, но они определяющие для журналиста, при его появлении на экране.

Так что вернемся к вопросам ваших взаимоотношений с гостями, посмотрим на них несколько с другой стороны и выберем, что можно позаимствовать, а от чего нужно отказаться.

Мы уже договаривались, что я буду приводить примеры, которые могут наблюдать все.

Включите любую дискуссионную программу на CNN или на FOX. Везде вы увидите одну и ту же картину.

Гости тщательно одеты, обувь у них чистая, а у мужчин высокие носки.

Об этом, конечно, смешно говорить, но еще смешнее, когда между туфлями и короткими носками торчит кусок волосатой голый ноги. И дело тут не в эстетике, дело в том, что это отвлекает внимание.

Политический эфир – это не конкурс длины шерсти на собачьей выставке.

Все гости одеты в костюмы и галстуки.

Костюм нужен не для того, чтобы обязательно сделать какое-нибудь важное заявление. Просто вид ведущего говорит о том, что все в порядке, и что это серьезная передача для взрослых. Согласитесь, видеть ведущего в костюме в детской передаче так же нелепо, как любоваться ведущим, в тенниске и кольцом в ухе, в аналитической программе, посвященной очередной бессмысленной войне.

Хороший костюм и галстук – общепринятый код, который ведущий посылает зрителям: я серьезный ведущий, и сейчас, в серьезной и важной программе, мы поговорит на серьезные и важные темы.

Но обратим внимание, как гости ведут себя в эфире.

Они смотрят точно в объектив камеры, не отворачивая взгляда. Даже на секунду они не отводят глаз, а это, поверьте, очень трудно.

Сделайте эксперимент: выберите в комнате какую-то одну точку, например ручку двери или маленькую фотографию на стене. Главное, чтобы это был небольшой предмет, соразмерный с объективом телекамеры, и он находился на высоте вашего лица.

А теперь, глядя на этот предмет, попробуйте рассказать, как вы провели день. Главное условие – не отводите взгляд.

Неожиданно вы убедитесь, что смотреть в одну точку – это совсем не просто. То, что в жизни вы делаете играючи, становится трудновыполнимым по чьему-то заданию.

У вас неожиданно начнут рыскать глаза, потом внезапно зачесется нос и сильно затечет шея. Естественно, все это – виртуальные ощущения, рожденные неестественной ситуацией и издевательствам над вашим организмом. Но когда вы, как кадровый разведчик, даете себе команду, во что бы то ни стало, держать взгляд, вдруг выяснится, что у вас путаются мысли, и вы потеряли нить рассказа.

Я часто провожу подобный эксперимент над студентами. Они что-то пять минут рассказывают в видеокамеру. Потом они смотрят свою видеозапись и хохочут, видя, как организм побеждает, и у них взгляд внезапно и немотивированно прыгает в сторону. Потом студенты плачут и заявляют, что сверлить глазами одну точку невозможно.

Но я им напоминаю, что когда они сидят два часа и смотрят по телевизору триллер, то они как-то умудряются не отводить взгляд от экрана и не заявляют, что это очень трудно. А когда они смотрят фильм в кинотеатре, они даже одновременно жуют попкорн.

Это очень важный пример.

Помните, в этой книге я уже упоминал, что профессионализм – это набор прикладных умений, которые не следует смешивать с талантом.

Талант – от природы.

Но профессионализм – от опыта, от обучения.

Нетрудно догадаться, что гости CNN, о которых я упоминал, это отобранная гостевая элита, которая может одновременно смотреть в камеру, слушать в ухе голос редактора, прекрасно выглядеть на крупном плане, держать в памяти все обстоятельства темы передачи. И отвечать не просто так, а в хорошей, привлекающей внимание форме с грамотным языком и допустимым, для заявленной темы, остроумием.

Теперь о внешности.

Давайте еще раз благословим Господа за то, что на радио отсутствует картинка.

Вы невидимы, и слушатель конструирует вашу внешность исключительно по вашему голосу. Даже если вы страшнее Квзимодо, достаточно что-то бархатисто пробормотать в микрофон, и пара девушек, вечером у студии, ваша. Потом, правда, увидев, что ваш прекрасный голос соседствует с внешностью Шрека, они быстро убегут, но первые три минуты, все равно, ваши. А если на улице темно, то все пять.

Но вот вас, как журналиста, неожиданно пригласили на телевидение. А у вас проблемы.

Вы спрашиваете: «А что мне делать с бородавкой на носу?», «А как быть с моими не очень хорошими зубами?»

Отвечаю просто и понятно: идите к косметологу и дантисту. Вам придется за свой счет привести себя в порядок. Зрители не обязаны видеть на крупном плане вашу мясистую бородавку и дырку, вместо зуба.

Гости тоже находятся в конкурентном поле. Вы уже знаете, что любому гостю почти всегда можно найти замену. И если вы дорожите своим отсутствием зуба, например, это помогает вам высвистывать вальсы Штрауса по утрам, вам придется идти в программу «Давайте над ними посмеемся!..» Там вас выпустят на сцену между человеком, который умеет языком завязывать морские узлы, и девицей, которая может засунуть гвоздь в одно ухо и вытащить его из другого.

Правда, она блондинка. А по опыту моего любимого сериала «Женаты с детьми» («Married with children»), мы знаем, что такие блондинки, как Келли Банди, умеют многое.

Мне часто звонят очень хорошие люди, которые просят в эфир моих телевизионных программ. Они достойны эфира по уму, но, к сожалению, не по внешнему виду. Я не могу им это сказать, они бы мне это не простили, сославшись на то, что я люблю не их богатую личность, а журнальный гламур. И я не могу попросить их пойти к дантисту или купить себе достойный костюм. Возможно, у них нет денег, не знаю. Но в эфир ходят другие, и это печальная правда.

Условия игры необходимо понимать и учитывать.

Каждую неделю я получаю кучу пригласительных билетов. На многих из них стоит надпись золотом: «Просьба быть в смокинге». Я не хожу на эти вечера, просто потому, что у меня нет смокинга.

Возможно, я не прав. Возможно, я бы там познакомился с каким-то нефтяным шейхом, и он подарил бы мне яхту. Возможно.

Но я не хожу, у меня нет яхты, и я ни на кого не обижаюсь.

Да, у этих эстетов нет вкуса, они ценят магазинный смокинг больше, чем мой ум и шокирующее обаяние.

Но я принимаю их условия игры, потому что это условия.

Заставить зрителей не замечать огрехи внешности – это удел только самых великих, которые магнетизируют аудиторию.

И я знаю такой пример.

Однажды я был на спектакле, где у одного действительно великого актера прямо во время спектакля в первом акте упали штаны. Он спокойно поправил костюм и продолжил монолог.

В антракте все обсуждали, какое получилось необычное и свежее решение этой сцены режиссером, и как упавшие штаны, входя в контрапункт с напыщенным монологом героя, высвечивают всю никчемность и пошлость его жизни и нравов затхлого общества, которое его окружает.

Критики потом написали, что упавшие штаны – это символ падения нравов современного мира. Этот спектакль, по-моему, даже чем-то наградили.

Штаны, естественно, упали случайно. Просто оторвалась пуговица.

ВЫХОДИМ НА ТРОПУ ВОЙНЫ. ИЛИ КАК НЕ ДАТЬ ГОСТЮ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭФИР В СВОИХ НЕХОРОШИХ ЦЕЛЯХ

Когда я вечером с маленьким сыном смотрю мой любимый фильм «Пираты Карибского моря» («Pirates of the Caribbean»), а наутро наблюдаю за некоторыми гостями, то убеждаюсь, что они составили бы достойную конкуренцию Джеку Воробью.

Джек хотел только свой подержанный корабль, пару сундуков золота и любовь красотики.

Но времена изменились. Теперь, вместо сундука с сокровищами, ценится любовь народа. А вместо пиратской шхуны, эти гости предпочитают воровать эфирное время и приватизировать ведущего.

Российского писателя и политика Эдуарда Лимонова можно пожалеть. Его «Национально-большевистская партия» обвинена властями в экстремизме и разгромлена, его не показывают по федеральным телеканалам, так как он в черных списках людей, которым запрещено давать эфир. Но он может писать и ходить в СМИ, где не действует цензура.

Он часто бывает в моих эфирах. Некоторые эфиры посвящены тому, как его очередных соратников сажают в тюрьму. В этих эфирах он, естественно, касается только одной, этой темы. И это логично.

Но однажды мы позвали его в передачу «Особое мнение», где гости оценивают и комментируют самые разные темы, которые сегодня принесла информационная лента. Тут-то и пошли проблемы.

Я спросил Лимонова про его мнение о последних заявлениях российского Президента.

Он ответил, что тут нечего анализировать, нужно вначале выпустить из тюрьмы всех, несправедливо заключенных, членов его партии, а потом что-то анализировать.

Я спросил его, что он думает о том, что демократы в Америке выступают за окончание войны в Ираке.

Он ответил, что скорее американцы прекратят войну в Ираке, чем российские власти прекратят преследовать его боевых товарищей.

Я поинтересовался, что он думает о строительстве в Москве самого высокого небоскреба в Европе.

Лимонов ответил, что гордиться нечем. Те, кто будут смотреть на Москву со смотровой площадки этого небоскреба, должны видеть ту тюрьму, где сидят молодые люди, которые несправедливо пострадали за то, что были его однопартийцами.

После программы я стоял в коридоре в бешенстве.

Лимонов подошел ко мне и сказал, что он все понимает, но сделать ничего не может. Он сказал: «Понимаете, мне так редко дают эфир, что я вынужден использовать каждую его минуту, чтобы привлечь внимание аудитории к проблеме несправедливо осужденных».

Я промолчал. Я понимал его проблемы.

Но он игнорировал мои.

Он использовал эту программу, как часть своей пропаганды, но знал, что пришел в передачу информационную, где от него ждали совсем другого.

Конечно, можно сказать: раз ему интересно говорить о своих товарищах, пусть говорит. Ведь несколькими главами раньше, именно я убеждал, что интересная тема для гостя – это залог успеха в эфире.

Но есть нюанс: это была не его личная, авторская программа.

Если бы он вел авторскую программу, то ее аудитория состояла бы из его фанатов. Лимонов же пришел в передачу общего формата, где разные журналисты комментируют события дня, а слушатели собираются не только на гостя, но и на события.

Лимонов знал об этом, но использовал эфир в своих целях, хотя цели его были весьма благородными.

Теперь я с ним крайне осторожен, так как понимаю, что, пока власти не выпустят всех его политических сторонников, он может говорить только на эту тему. Мы это учитываем. А поскольку власти и не думают их выпускать, то, я думаю, Лимонов на другие темы говорить еще долго не сможет.

Ведущий, обычно, знает своих возможных гостей. Даже если они еще не были в эфире именно у него, он уже видел или слышал их в других программах. И как укротитель тигров, он понимает – покидавшись на металлическую сетку и порычав, они все же прыгнут через кольцо, чтобы потом поесть мяса. С ними в конце концов можно справиться.

Но как быть, если к вам в эфир приходит человек, которого вы до этого никогда не видели, а информации о нем нет никакой, кроме гуляющих слухов о его неуравновешенности.

В этом случае будьте бдительны, терпеливы и готовы ко всему.

Вот какой случай рассказал мне мой коллега Сергей Бунтман.

Однажды, когда были выборы мэра Москвы, к нему в эфир пришел один из бесчисленных кандидатов.

Сергей, подавив зевок, как и полагается в этих случаях, начал со служебного вопроса. Он спросил, с какой программой гость идет на выборы, что бы ему хотелось изменить, чтобы столица России стала еще краше.

Гость лучезарно улыбнулся и сказал, что хотел бы начать с того, что он является последователем древнего культа солнцепоклонников.

Сергей вздрогнул и проснулся.

Этот культ, продолжал гость, имеет давнюю историю и языческие корни.

Сергей еще раз посмотрел в расписание, удостоверился, что это предвыборный эфир, и попытался перейти к делу. Он спросил представителя солнечных лучей, как влияет его принадлежность к древнему патриотическому культу на его предвыборную программу. Возможно, предположил Сергей, держась одной рукой за кнопку вызова охраны, вы хотите обвесить все дома солнечными батареями или перевести все автомобили на солнечную энергию?

– Возможно. – ответил гость, улыбаясь еще светлее. – Но перед тем как начать об этом разговор, нужно спеть гимн Солнцу.

Он встал, с грохотом отодвинув стул, вытянул шею и запел тонким голосом какую-то заунывную песню.

Бунтман знает много языков, но на каком языке был гимн, так и не понял. Пока гость пел, Сергей мучительно раздумывал, ограничится ли посланник солнечных лучей песней или неожиданно ударит его стулом по голове, сославшись на то, что это обязательный ритуал после исполнения гимна.

Однако все завершилось так же неожиданно, как и началось. Взвыв финальную ноту гимна, гость неожиданно замолк, обессилено рухнул на стул и деловито произнес: «А теперь поговорим о том, как именно, когда я стану мэром, будет оборудована система канализации».

Как только эфир закончился, Бунтман нервно побежал в книжный магазин искать книгу «Ритуалы солнцепоклонников», а гость, что-то напевая под нос, удалился.

А вот случай, произошедший со мной.

Однажды, еще во времена Президента Ельцина, когда парламентская жизнь России еще только формировалась и привлекала внимание, на политическом небосклоне можно было наблюдать самые необычные партии, которые стремились попасть в парламент. Три-четыре человека, собрав небольшую сумму, регистрировали новую партию и штурмовали мозги несчастных избирателей своими эксцентричными идеями.

Одна из таких партий называлась «Партия любителей пива». Народу предлагалась простая идея: «Те, кто любит пиво – хорошие люди. Мы любим пиво, значит, мы тоже хорошие. Давайте объединимся – вы нас протолкнете в парламент, а мы дадим вам еще больше пива».

Возможно, предвыборные лозунги у этой партии, которая уже давно и прочно забыта, были другие. Но смысл был именно такой.

Согласно закону, партии могут покупать рекламное время для агитации. Пивная партия купила время, и это время попало на мой эфир.

В студию зашли два человека, и я начал задавать им вопросы.

Понятно, что в предвыборных передачах особых изысков быть не может, и ведущий должен задать простые и точные вопросы, помогающие раскрыть идеи и политику данной партии.

Я так и сделал.

– Скажите, – спросил я, – если гражданин решит проголосовать за вашу партию, за какую программу он голосует?

– А чего тут непонятного, – странно засмеялись гости, – в названии партии все сказано. Те, кто любит пиво, должны быть вместе. А тот, кто этого не понимает, у того, наверное,

цирроз печени.

Они замолчали и стали смотреть на меня.

– Хорошо, – сказал я. – если вы войдете в парламент, какие изменения законов вы потребуете. Или свои внесете?

– Если человек пьет пиво, – снова радостно заговорили гости, – то он принимает самые лучшие законы. Тот, кто этого не понимает, тот полный кретин.

Они вновь замолчали, упершись в меня взглядом.

– Ладно, – сказал я еще более осторожно, подозревая, что гости почему-то считают меня предвыборной мишенью или подозревают у меня наличие цирроза. – Вот, например, институт президентства. Как вы считаете, он нам нужен? Или, может быть, Россия должна быть парламентской республикой?

– Нам все равно, лишь бы было пиво, – хором сказали гости. – Будет много пива – будет хорошая жизнь! Жаль, что некоторые недотепы-ведущие этого не понимают.

Я постепенно стал понимать, что происходит.

Гости на все вопросы должны были ответить, что главное в жизни – это пиво. При этом нужно обязательно оскорбить ведущего. Наверное, чтобы быть ближе к народу.

Это кажется полным бредом, но именно в таком духе и прошел весь эфир. Я хотел его прекратить, но это был коммерческий эфир, и я просто был приложением к выкупленному набору минут. Поэтому я не решался указать им на дверь. Такое было в первый раз.

Когда, передача окончилась, пивные братья подошли ко мне и стали извиняться.

– Мы говорили начальству, что так себя вести не стоит, но наши политтехнологи сказали, что именно так и надо. Мы вас не очень обидели?

– Не очень, – сказал я и пошел к главному-редактору.

Решение было принято в ту же секунду. Теперь при малейшей попытке оскорбить ведущего, гостю указывается на дверь.

И деньги не возвращаются.

Что же касается «партии пива», то она, закономерно, сгинула.

Хотя ее политтехнологи, по-моему, остались. И с тем же талантом дают свои советы власти. А иначе, как объяснить, что современная власть так недолюбливает журналистов и считает их не своими помощниками, а заклятыми врагами.

Хотя журналисту, если он не превратился в пропагандиста и не кормится в партийной бухгалтерии, не стоит тратить время на исследования истоков этой глухой вражды.

К счастью, новые выборы, чаще всего, сметают власть. Ее люди вдруг оказываются никому не нужными. И если они не сядут в тюрьму за взятки и злоупотребления, то им снова нужен эфир. Все высокомерие у них немедленно исчезает, и они стоят у дверей и просят в студию, лъстиво заглядывая в глаза. Не торопитесь давать им эфир. Помучайте их немного.

Но не слишком долго.

Да любой, самый грязный автомобиль чище любого политика. Но ожидая честного политика в эфире, можно и состариться. Кроме того, не стоит приукрашивать жизнь.

Аудитория должна видеть гостей в их натуральном виде.

Мой любимый английский актер, сэр Майкл Кейн, в великолепном фильме «Безупречный» («Flawless») говорит Дэми Мур, с которой собирается ограбить банк: «Война и грабеж – два самых надежных источников дохода».

Герой Кейна хорошо знает жизнь. То, что политика дело грязное, кричат все, и, прежде всего, сами политики, которые эту грязь умножают.

Поэтому, если к вам в эфир пришел очередной «людоед», на котором негде ставить пробу, и вам не удалось увернуться от эфира, не прикрывайте его своим присутствием и авторитетом. Не пытайтесь в чем-то переубедить в эфире. Просто сухими и точными вопросами дайте ему самому продемонстрировать свою черную душу аудитории. Она умная, и все поймет.

Итак, подведем итог этой важной главы. Ее главная цель – разбить очередную иллюзию в вашей голове.

Если кто-то представлял себе, что гость в эфире – это приятная болтовня под кофе, то забудем об этом.

Принимать гостей в профессиональной журналистике – это непростое дело.

Ходить на интервью к другим – не проще.

Когда я рассказал жене, как я буду писать эту главу, она возмутилась. Она сказала, что я безжалостен к начинающим журналистам. Эти малютки, сказала она, только делают первые шаги, и не нужно спешить делать из них прожженных циников, коим я являюсь. Расставаться с иллюзиями нужно постепенно.

Наверно жена права, но любая честная книга – это не школа циников, а школа реалистов. Воспитать циника невозможно, он становится им сам, располагая неприятные стороны жизни по центру взгляда.

Но я снисходителен к репликам жены. Она, как и дочь, не говоря уже о теще, нуждаются в идеалах и не желают с ними расставаться. И если эти идеалы не находятся в собственном доме в моем лице, то они их ищут на стороне.

Особенно дочь.

Когда она в своей комнате развешивает постеры из молодежных журналов, на которых красавцы сияют белоснежными улыбками, то я не спешу ее ругать. Она должна верить, что это совершенство с постера возьмет ее хрупкое тело своими мускулистыми руками и унесет в страну любви и понимания.

Это совершенство унесет ее от моих претензий, советов и замечаний по мелочам.

Кто-то должен унести мою дочь, как она считает, из душной атмосферы семьи, где царят мелочные разговоры о невыплаченных счетах за электричество, и где заставляют ходить в супермаркет.

Дочь должна верить, что где-то существует светлый и нежный мир, наполненный ничегонеделаньем и конфетами.

И вы, как отец, всячески должны поощрять эту мечту.

Вы спросите, почему?

Объясняю.

Это нужно для того, чтобы, преисполненная отвращения к надоевшим родителям, ваша дочурка, хотя бы на один вечер, сходила в квартиру, где живет ее мечта, и познакомилась с его разбросанными грязными носками и невымытой посудой.

Однажды я, спрятавшись в кустах, слышал занимательное объяснение дочери с ее мотоциклистом. Дочь требовала от него, хотя бы раз в месяц, мыть свой мотоцикл.

Я не знаю, что он ей ответил, но она быстро вернулась в дом, громко назвала меня лучшим отцом и неделю бегала за пиццей на другой конец города по нашему первому щелчку пальцев.

ПРОВОКАТОРЫ В ЭФИРЕ, ИЛИ УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

Я вам желаю, чтобы в вашей работе этого не произошло.

Но такое обязательно будет.

Иногда окружающие ведут себя странно.

Часто это происходит в эфире.

Почему и как возникают такие ситуации, и как выйти из них.

Как говорят психологи в голливудских комедиях: «Давайте поговорим об этом».

Особенно в учебнике.

Начну с примера, только этот пример из моего детства.

Когда я был школьником, на соседней улице жил парень Володя, который очень любил выпить водки. Пил этот Володя дома, а потом выходил на улицу прогуляться. Выглядело это так: вначале из калитки появлялся его живот, потом все тело, а уж потом – голова и башмаки.

Я понимаю, что вы испытаете трудность, если решите визуализировать это появление.

Вам будет непонятно, почему его тело выгнуто подобным странным образом.

Поясняю.

Володя был пьющий интеллигент, во всяком случае он про себя так думал. Интеллигенты тоже пьют, но заботятся о том, чтобы при этом выглядеть.

Однажды, во время дождя, он сидел под уличным фонарем и крепко спал, не забывая трепетно сжимать в руке книгу Джеральда Даррелла «Моя семья и другие звери» («My Family And Other Animals»). Вся улица потом его жалела: «Он такой начитанный, жаль что пьет!» Не жалел его только я – это была моя книга, и он нес мне ее отдать. От дождя ее обложка скрутилась, и лицо Даррелла, на обложке, как будто было залито слезами. Хотя если бы я рассказал Дарреллу, что, между двумя стаканами водки, им зачитывается русский алкоголик, я не думаю, что он бы сам заплакал. В конце концов на книжке было большими буквами написано: «Для широкого круга читателей». И пусть кто-то мне скажет, что русские алкоголики не входят в этот широкий круг.

Так вот, у этого Володи было свое понимание общественного приличия во время запоя. Он мог горланить песню, мог бегать в трусах, но было для него одно понятие, которое он не мог нарушить.

Это равновесие.

Да, именно простое физическое равновесие. Пройти в трусах, распевая при этом песню – это было можно.

Но при этом упасть – никогда!

Это правило для Володи, было так же священо, как для городских интеллигентов пить воду из стакана, оттопырив мизинец.

Володя пил столько, что вестибулярный аппарат отказывался держать его строго вертикально и, чтобы не уронить его тело, требовал более тонкой настройки организма.

Эта настройка оказалась возможна, благодаря одному природному дару – невероятной гибкости тела.

Он выпивал первые полстакана, и его организм слегка прогибался назад. Вторые полстакана изгибали его еще больше.

Когда бутылка водки окончательно пустела, то все выглядело следующим образом: по улице шел человек, который, как казалось, играет в детскую игру, в которой нужно, изогнувшись назад, пройти под низким канатом. Только каната рядом, не было. В таком невероятно изогнутом виде, животом вперед, он и шествовал. Иногда его голова была всего в метре от земли. Как при этом не ломался пополам его позвоночник, было непонятно. Возможно, у русской водки есть особое свойство размягчать не только мозги, но и спину.

Так вот, когда тело Володи превращалось в ходячий бублик, на близлежащих улицах понимали: пора запереть двери.

Возможно, в эти моменты кровь усиленно прилиwała к голове алкоголика, а может, отлиwała, но он совершал странные поступки.

Он переносил вещи с места на место.

Например, уносил дрова. Не воровал, а именно уносил, например, в соседний двор – это была его любимая шутка.

Он, вообще, был не злобным человеком – пьющий интеллигент все-таки, но шутил неприятно. Представьте, на улице 30 градусов мороза, это было еще до глобального потепления, вы возвращаетесь домой, а дров нет, они у соседа.

Летом он тайно выкапывал у кого-то в саду картошку, клал ее в мешок и нес в другой двор. Соседи это ценили, потому что, согласитесь, копать картошку, это не всегда развлечение. А так, ты пришел домой, а картошка уже собрана, нужно только забрать за забором.

Иногда, правда, возникала паника. Мешок находили не в соседнем дворе, а через две улицы.

А однажды произошла совсем ужасная вещь. Когда мешок нашли, хозяин другого двора сказал, что эта картошка его. И доказать ничего не удалось. Настоящий хозяин

картошки указывал, что это именно его пластиковый мешок, на котором была надпись «Made in Russia». Но вредный сосед зашел домой и вынес двадцать таких мешков: дело в том, что все воровали эти мешки с одного завода, который что-то экспортировал за границу.

Тогда-то Володю первый раз сильно побили.

Следующий раз его побили, когда он тащил от одного соседа к другому старый холодильник, который стоял в саду. Люди оказались черствыми: холодильник – это не картошка, и пользы от его перемещения не было.

И вот когда его били за холодильник, он сказал историческую фразу, ради которой, я его вспомнил в этой книге.

Убегая по улице изогнувшись бубликом, он кричал: «Не трогайте меня, я просто шепутной».

Да, Володя был истинным пьющим интеллигентом. Только интеллигент может столь точно описать свои действия, которые заключаются в том, чтобы нагадить без злобы и без последствий.

Бедный Володя, он замерз зимой, переноса из одного двора в другой огромную свинью. Когда их нашли, они лежали в снегу в обнимку. Свинья слабо хрюкала. Она была толстая, и ее удалось откачать.

А Володя умер. Он был в одной рубашке и в домашних тапках.

Он выбежал на минутку, просто перенести свинью.

С того времени я не люблю слово «шепутной».

Это очень точное, старинное слово с гадкой сутью.

Шепутной, это когда ты делаешь гадость с веселым видом, причем тебя не бьют, потому что эта гадость всех устраивает. Более того, она и есть цель.

Актер и писатель Евгений Гришковец, приводит показательный пример подобной демонстративной безнаказанности.

В одном из городов он играл моноспектакль. Для провинциального города приезд звезды всегда событие, поэтому неудивительно, что в зале появился фотограф.

Удивительным было его поведение.

Вооружившись большой фотокамерой, он уселся в первый ряд и стал во время спектакля щелкать кадры. Естественно, он ловил динамические моменты, когда Гришковец махнет рукой, повернется или сделает шаг влево или вправо. Но камера была профессиональной, и каждый снимок сопровождался мощной вспышкой и потрескиванием камеры. Более того, иногда фотограф включал режим серии снимков. Тогда все это сияло и жужжало не разово, а серийно.

Следует учесть, что Гришковец, обычно, выступает не на стадионе, а в соразмерных залах, где актер на сцене не теряется, а зритель в состоянии рассмотреть его персону без мощного телескопа.

Далее Гришковец описывает следующее: он прервал спектакль, подошел к фотографу и попросил его прекратить съемку, потому что в зале семьсот человек, которым он мешает.

Фотограф сидел, положив ногу на ногу, и в ответ буркнул что-то, типа: «Иди делай свое дело».

Итак, этот фотограф не ушел. Вначале он снимал, а потом уснул.

Евгений вновь прервал спектакль и предложил этому человеку уйти и даже вернуть деньги за билет. Но тот отказался.

Так он и просидел весь спектакль.

Конечно, Гришковец мог сам вышвырнуть его из зала. Или мог позвать администрацию, чтобы это сделали они.

Но разве фотограф не ждал именно этого? Разве человек, который так вызывающе себя ведет, не делает это специально?

Какая сладкая перспектива: артист уже уехал, а местные газеты полны заголовков, типа: «Наглая звезда расправилась с беззащитным фотографом, только что забравшим двух малюток из роддома!»

И «беззащитный» в многочисленных телеинтервью описывает ледящую душу череду оскорблений и надругательств звезды над его фотографической персоной. Малютки, которые, странным образом, оказались двумя взрослыми девицами – медсестрами из роддома, нервно поправляя разрез, поясняют, что фотограф их друг, и как только он их забрал из роддома на спектакль, тут-то все и началось!

Два нервных адвоката с кожаными портфелями поясняют, что уже готовится иск в Европейский суд по правам человека.

Потом все это продается желтой столичной прессе, которая описывает позорное поведение «столичных», которые «отрываются» в провинции.

Безусловно, читатели знают десятки подобных примеров и понимают, что тут «ничего личного – только бизнес». И не нужно на мотоциклах гоняться за принцессой Дианой в Париже. Можно все обтяпать и в своем маленьком городке. Таких людей устраивает любой исход: если их вышвырнут, если подадут в суд, даже если сильно побьют в кулисах.

Тут синяки значимей любой медали.

Этого фотографа не устроило бы только одно: если бы зрители встали и сами выволокли бы его из зала. То есть, волоча его по полу и разбивая ногами его фотокамеру, зрители как бы намекали: парень, а туда ли ты пришел? А случайно зацепив его голову об угол, они как бы интересовались: а стоило ли нам портить культурный вечер, после тяжелого трудового дня?

И, аккуратно укладывая его тело в придорожную канаву, аудитория как бы заключала: не смей касаться своими грязными руками тонкой души артиста.

Вы такое можете себе представить?

Я нет.

И правильно, потому что те же тончайшие интеллигенты, которые сидят на спектаклях у Гришковца и бросают на него восхищенные взгляды, готовы были бы, с не меньшим интересом, наблюдать драку Гришковца с фотографом в зале. А наутро побежать и купить местную газету, чтобы почитать подробности и сравнить со своими интеллигентными ощущениями.

Что важно отметить в этой истории?

Это то, что, как пришедшему фотографу, так и зрителям в зале, сам Гришковец в этой ситуации был малоинтересен. Каждый из участников имел свою задачу: фотограф отснять артиста и, возможно, нарваться на скандал, а зрители развлечься. Причем можно не самим спектаклем.

И только Евгений Гришковец хотел сыграть свой спектакль.

Важно понять, что и вы очень часто можете оказаться в ситуации, когда внешне все вокруг вас, очень похоже на обычный эфир. Но, по сути, эфиром не является. И его участники, новые «шебутные», пришли при вашей помощи, решить совсем другие задачи – на потеху публике. При этом им на вас наплевать.

Сегодня совсем не обязательно, как Володе из моего детства, выкапывать картошку в соседнем огороде, чтобы прослыть шепутным.

Можно быть шепутным громко, на всю страну.

Когда-то, в девяностых, это уже стало классикой жанра, русский политик Владимир Жириновский, известный своими радикальными заявлениями и эксцентричными выходками, во время ток-шоу, плеснул апельсиновым соком в лицо другому политику, Борису Немцову. Жириновскому было плевать на ведущего программы, он просто использовал его эфир для своего пиара.

После этого не последовало никаких выводов.

Тогда Жириновский понял, что набрел на золотую жилу, и устроил несколько экспериментальных драк в парламенте, таская за волосы женщин-депутатов, зная, что это снимает телевидение. Потом он еще несколько раз дрался с оппонентами в прямых эфирах во время предвыборных баталий.

И снова не последовало никакой реакции закона.

Более того, партия Жириновского все года занимает третью строчку популярности и уверенно проходит в парламент.

Я не собираюсь анализировать странный выбор российского избирателя. Понятно, что Жириновский – «шебутной». Для него картошка – избиратели. Избиратели знают, каким овощем их считает Жириновский, но вновь и вновь его избирают, потому что он безобиден, но веселит.

Тем более что любовь к подобным эксцентрикам не только специфика России.

Чего стоило, например, присутствие, в свое время, в итальянском парламенте, в качестве депутата, порнозвезды Чичолины. Любой читатель из любой страны обязательно найдет подобное чудо на своем политическом ландшафте.

Апельсиновый поступок Жириновского, и то, что он за это не был наказан, как мне кажется, открыл двери самым худшим проявлениям в эфире. Политики поняли – общество воспринимает их хулиганство, как милую необходимость политического процесса. Да и где еще увидишь, как оппоненту плещут соком в лицо.

Ясно одно, публике это необходимо, а подобным персонажам снова и снова необходимо утверждать свой эксцентричный облик.

Еще более снисходительное отношение к выходкам различных поп-звезд. Считается, что эти «дети цветов» действительно дети, несмотря на то, что к студии они подъезжают не на игрушечном «Porsche», а на настоящем. И окружают их не Барби и Братц, а настоящие бройлеры-охранники, пухлые артдиректора и суетливые стилисты с бесконечными чемоданчиками.

Нужно понимать, что все эти персонажи, пока они кому-то интересны, считают, что оказывают великую честь, придя к вам на эфир. Их вообще не интересует, кто ведущий. У них две цели: рассказать то, что им хочется, и выкинуть какую-то штуку в прямом эфире, чтобы подтвердить свой незабываемый имидж.

И, к великому сожалению, иногда они могут самоутвердиться именно у вас.

Конечно, вы можете что-то предотвратить, узнав информацию о госте, но все может произойти неожиданно. Кроме того, вряд ли вы найдете работу, где легко сможете выбирать гостей, как галстуки. Вести эфир нужно со всеми, кроме фашистов.

Даже понятие «отъявленный негодяй» не является критерием. Для вас он негодяй, а для вашего начальника – образец непорочности.

Как вести себя в этих случаях, чтобы выйти из них с минимальными потерями. Как сделать так, чтобы видеокамера или пауза в радиоэфире не демонстрировали вашу растерянность и глупый вид.

Ясно одно, вы должны раз и навсегда, прямо сейчас, определить свои человеческие принципы, как основу своего поведения в эфире.

Вы должны решить: если я встречу с подобным, как я буду на это реагировать?

Что я сделаю: мило улыбнусь, что-то негромко скажу, буду апеллировать к аудитории или ударю гостя микрофоном по голове?

Моделей поведения может быть много, но вы должны выбрать присущую именно вам, потому что использование любой из них, будет иметь свои последствия, ибо все подобные случаи связаны с нервами и административными разборками.

Давайте несколько примеров разберем подробно.

Однажды шла запись телешоу, в котором тема разговора была «Как преодолеть депрессию, узнав печальный медицинский диагноз».

Среди гостей были врачи, психологи, а также один поп-певец, который, по его утверждению, излечился от рака.

Не знаю, понимало ли это дитя поп-культуры, что он находится на записи, или на него воздействовали специфические, далеко не антираковые препараты, но он беспричинно смеялся и непрерывно произносил нецензурные слова.

Обращаю ваше внимание, что он делал это сознательно. Ему, как и полагается, было наплевать, что по этому поводу думают не только ведущие этой программы, но и зрители.

Наверное, он считал, что это эфир MTV.

Я был приглашен, как гость, а те, кто вели программу, выглядели растерянно: им было неприятно, что главный герой ведет себя подобным образом, но они запись не прекращали. Если бы они ее прекратили, то, как я понимаю, только для одного – выкинуть смутьяна из студии. Но они вяло и стыдливо задавали какие-то вопросы, а редактор в их наушнике требовал продолжать запись.

Логика редактора тоже была понятна: он надеялся записать побольше, а потом оставить главного героя «чуть-чуть», ведь передачу потом отправляли на монтаж.

Я оглянулся. Гости и зрители сидели с постными лицами, но молчали. Кто-то улыбался, бегая глазами.

После очередного «Fuck», я поднял руку. Ведущие обрадовались и сказали, что готовы слушать мой вопрос.

Я сказал, что вопрос у меня только один – когда этого идиота выкинут из студии.

Зал зашумел. В передаче появилась интрига. Кто-то заулыбался. Всем было интересно, как прореагирует сам виновник торжества и как именно его будут вышвыривать. Если его будут тащить за ноги, то будет ли он хвататься за мебель. Будет ли выкрикивать проклятия, когда застрянет в двери.

Как видим, скучная программа о преодолении депрессии стала динамичной и увлекательной. Во всяком случае, во время записи.

Реакция героя программы была незамедлительной: он в три раза чаще стал произносить свое любимое слово.

Я снова повторил свою просьбу его вывести.

Меня никто не поддержал. Гости мрачно молчали. Зрители смотрели с любопытством.

Тогда ведущие наконец объявили паузу и попросили меня подойти к телеоператору. Тот передал мне наушники, в которых я услышал голос руководителя съемки. Он сказал мне, что очень извиняется, все понимает, но просит и меня отнестись с пониманием к ситуации. Передачу нужно дописать, все потом хорошо смонтируют, и «от него останется чуть-чуть».

Я сказал, что все понимаю, но не понимаю одного: почему руководители съемки ему не делают замечания.

– Но вы же видите, в каком он состоянии, он же уйдет! – сказал редактор.

– Пусть остается, но без меня, – сказал я. – Давайте я уйду.

– Но мы же не смонтируемся, – завопил редактор в наушниках. – У нас будет пустой стул.

– Это не моя проблема. – сказал я. – Все, что вам нужно сделать – это хотя бы отвести его в сторонку и объяснить ему, что в зале сидят уважаемые люди, которые не переносят мат. Кроме того, в зале школьники. Выбирайте.

– Но он может обидеться и уйти. – уговаривал меня редактор.

– Да, тогда будет на одну передачу меньше, – я был непреклонен.

Редактор подумал и сказал, что они продолжат запись. В голосе его звучала обида. Ведь я из его цеха, но не помог ему.

Я ушел из студии, и считаю, что поступил правильно.

Я бы точно так же поступил, если бы был на месте ведущих.

Я считаю, что нет таких обстоятельств, которые могут заставить человека добровольно присутствовать в оскорбительной ситуации, кроме его собственного желания заработать деньги.

Справедливости ради, замечу, что другие гости, да и зрители программы, отнеслись к моему уходу равнодушно. Но я и не ожидал демонстраций с транспарантами в свою поддержку. В данном случае у каждого был свой резон для своего поступка. Зрители тащились на запись передачи с другого конца города и уйти, не поглазев на запись, было бы катастрофой. Да и интересно было дальше посмотреть на матерящегося героя. Будет что рассказать соседям.

Что касается гостей, которые сидели рядом со мной на диванах, то они все понимали,

но смотрели в другую сторону. У них была своя задача – они хотели посветиться на экране.

Я же не гнался за эфиром и ушел.

Естественно, что меня на эту передачу больше не приглашали. Они правы, а вдруг еще кто-то начнет ругаться, и я опять уйду.

На что же нужно обратить внимание в этой истории?

Совсем не на меня.

Важно понять, что неадекватный гость обязательно появится и в вашей программе. И именно вам придется решать – продолжать программу или остановить, попросив гостя уйти.

Тут есть две противоположные аргументации:

1. Мы очень принципиальные люди, и не потерпим, чтобы гость вел себя так в нашем эфире. Мы понимаем, что это оскорбительно не только для ведущего, но и для аудитории. Присутствие шепутного героя в эфире – удар по авторитету всего вашего коллектива.

Но есть и прямо противоположная.

2. Мы понимаем, что человеческую породу не исправишь. Если гость не нарушает местные законы о СМИ, то пусть сидит и говорит так, как считает нужным. Кроме того, это придаст передаче хорошую остроту и скандальность. Что касается поведения гостя, то все понимают, что мы к этому человеку не имеем отношения, и что он скоро уйдет. Более того, все увидели, какой он нехороший. Да здравствуем мы, которые показали его в натуральном виде. Это и есть свобода слова!

Самое интересное, что и одна, и другая точки зрения имеют право на существование. Вы можете поступить и так и этак. Выбор зависит от вашей позиции, вкуса, уровня культуры и понимания потребностей вашего СМИ.

Серьезное издание или эфирный канал больше не будут приглашать подобную звезду. Каналы с желтым отблеском радостно покажут всю ситуацию, запикая мат и выдав это за недельную сенсацию.

Возможно, из этого будет сделана специальная программа. В ней покажут моих соседей и школьных друзей, которые будут размышлять о моем мужественном уходе с программы. Дальние родственники матерящегося будут рассказывать о его тяжелом детстве. О том, как в первом классе у него отобрали вкусную шоколадку, делая вывод, что порок всегда имеет свои социальные корни.

А виднейшие психологи будут размышлять о том, куда мы все катимся.

И все это будет показано в прайм-тайм, с огромным рейтингом.

Если же каналу намекнуть, что лучшая нравственная позиция – это не разносить дерьмо, и все это не показывать, то менеджеры просто по крутят пальцем у виска. Они объяснят, что сейчас не эпоха Возрождения, что время моралистов ушло. Теперь Микеланджело – это, всего лишь, один из Черепашек Ниндзя. Что главная задача журналистов – информировать, а аудитории – делать свои выводы. И что об этом они читали в моих умных книжках.

Так что они могут угостить меня кофе, после чего я должен уйти, иначе они вызовут полицию.

Но есть еще один пункт, который, наряду с вашей позицией, является определяющим.

Это – умение противостоять начальству, которое обязательно вмешается в подобную ситуацию.

На одном телеканале я более трех лет вел очень сложное политическое и социальное ток-шоу.

В нем было шесть гостей, по три «за», и три «против». Кроме того, там были журналисты разных изданий, которые задавали вопросы и высказывали свои суждения. И еще был спутниковый телемост, который соединял студию с какой-либо другой страной, где сидел еще один гость.

Программа была громоздкой: желательно было всем дать возможность изложить свою позицию, потом завязать спор. Важно было дать возможность всем высказаться. Надо было обращать внимание на телемост, потому что там всегда сидел кто-то из правительства той

республики. Ему необходимо было дать выговориться от души, чтобы он не обиделся. Но время моста, как вы понимаете, всегда ограничено.

В моем радиоухе, которое надевает каждый ведущий для связи с редактором, царила вечная паника. Мне бесконечно напоминали, что кто-то заскучал, что нужно кому-то дать слово, что телемост уйдет через пять минут. А министр так, по сути, ничего и не сказал.

Я отношусь спокойно к замечаниям редактора. Я понимаю, что редактор хочет, чтобы все было как можно лучше, но пропускаю его панику мимо ушей.

В ту запись одним из гостей была дама из парламента. С самого начала записи она заняла агрессивную позицию. Она всех перебивала, старалась говорить монологом. Других говорящих она обрывала на полуслове.

Понятно, что через десять минут у нас с ней начал нарастать конфликт.

Я просил ее дать сказать другим.

Она отвечала, что она еще не закончила свой монолог и просит не перебивать.

– Тогда не прерывайте других говорящих, – просил я.

В ответ она отвечала, что не хочет тратить драгоценное время передачи и прерывает тех, кто говорит ерунду.

Она перевела разговор на совсем иную тему, оправдывая это тем, что ее рассмотрение нужно начать с истоков. А истоки в другой теме.

Короче, как вы понимаете, передо мной был типичный пример, когда гость использует эфир в своих целях, нагло презирая всех окружающих.

Естественно, в какой-то момент один из гостей не выдержал. Он потребовал от меня, чтобы эта дама не превращала передачу в свой монолог, и пригрозил, что уйдет.

Дама из парламента окончательно вспыхнула и сказала, что всякие дилетанты не будут ею командовать.

Я понимал, что дело идет к концу. Поэтому, я тщательно подбирал слова.

Я осознавал, что каждое мое слово должно быть выверено, сказано спокойным тоном, причем со слегка просительными интонациями.

Я сказал даме, что очень ее уважаю, но попросил уважать других. Я напомнил, что я ведущий, и именно я определяю очередность говорящих. Кроме того, я напомнил, что у нас может уйти телемост, и еще в передаче будет вторая часть, где можно будет спокойно высказаться.

Дама вскочила, сказала, что «всякие» ее воспитывать не будут. И что она уходит, причем навсегда. И больше мы не встретимся.

По студии простучали ее черные парламентские туфли, после чего хлопнула дверь.

Я знал, что мы встретимся. Я знал, куда она уходит, и что она будет делать.

Через пару дней мне позвонили от руководства канала и попросили прийти.

Разговор был суровым, потому что вести это шоу меня пригласил один начальник, но потом он ушел. И теперь другой начальник, у которого были свои кандидатуры на ведение этой программы, понял наконец как меня убрать.

Он показал мне письмо из парламента. Дама-депутат не поленилась собрать профильный комитет для разбора моего персонального случая. В бумаге писалось, что я сорвал передачу и хамил депутату. Комитет напоминал, что этот канал государственный и руководству нужно принять меры.

– Если бы она пришла ко мне. – железным голосом сказал новый начальник. – ваш вопрос был бы решен в секунду.

– Предлагаю посмотреть запись программы, – спокойно сказал я.

Новый начальник сказал мне, что ничего смотреть не будет.

Но на этом стали настаивать редактора программы, потому что их взяли на работу тоже при старом начальнике. Они понимали, что вылетят с канала вместе со мной.

Включили запись и в молчании посмотрели острый момент.

На экране бесновалась женщина, которую вежливо успокаивал идеальный ведущий.

– Да, она нарушала запись передачи, – холодно сказал начальник. – Идите.

Мы вышли.

Новый начальник провожал меня тяжелым взглядом. Он понимал, что я прав, но ему теперь придется доказывать мою правоту перед более высокими начальниками. Он готов был это делать для своих, но не для меня. Поэтому отныне я был ему антипатичен вдвойне.

Как видите, те, кто предполагал, что я лихо победил, ошибались.

Нужно помнить, что в споре журналиста с руководством, всегда побеждает руководство. Даже если вы тысячу раз правы, ваш начальник не простит вам вашей правоты. Вы, все равно, будете уволены.

Начальники умеют увольнять журналистов. И мой новый начальник выбрал простой способ отстранения меня от эфира: передача была реформирована, и ее новая редакция уже не требовала моего присутствия.

Но я и не рассчитывал победить. Вспомните фильм Клуни «Спокойной ночи, и удачи». Даже тогда, когда журналист просто выполнял свой долг, предавая гласности правдивые факты, он проиграл. Причина общая: начальство не любит конфликты вокруг собственного СМИ. Конечно, кроме тех случаев, когда СМИ политически ангажировано, и конфликт необходим для решения политических целей. Или это СМИ откровенно желтое. Тогда им важен любой скандал.

Вот почему в моем учебнике так часто встречается фраза «подыскивайте новое место работы».

Помните, без конфликтов вам работать не удастся. Будьте бдительны. И если вас провоцируют, соберите нервы в кулак и будьте вдвойне вежливы и корректны.

Как говорил мой любимый герой, из сериала «Морская полиция» («NCIS») специальный агент Гиббс, арестовывая очередного преступника, «каждое ваше слово может быть использовано против вас». И хотя не он придумал эту фразу, такое ощущение, что Гиббс понимал специфику работы журналистов.

Вы должны постоянно быть готовы защитить свою журналистскую честь. Правда, в том случае, если она у вас есть.

Но продолжим рассмотрение странных гостей и неожиданных ситуаций в эфире.

Мой коллега Сергей Бунтман рассказал мне про еще одного парламентария, который пришел к нему в эфир и начал этот эфир с обвинения журналистов «Эха Москвы», явно рассчитывая спровоцировать ведущего.

Это тоже типичная ситуация, когда гость презирует СМИ, в которое его зовут, но использует его. Или, сраженный мазохизмом, объят идеей разрушить это СМИ изнутри.

Делается это просто.

Например, если передача о сталинских репрессиях и ведущий напоминает, что в те страшные годы безвинно погибло около полутора миллионов человек, гость заявляет, что это вранье. Что все цифры подтасовал Хрущев, а ведущий работает на ЦРУ и олигархов.

Гость лжет сознательно, и у него уши горят от восторга.

Это его минута славы.

Так вот, после двух-трех таких заходов, когда гость сказал, что в СССР никогда не было политических заключенных, что люди были счастливы, что магазины ломились от товаров, и товары стоили копейки, а за границу все ехали куда и когда хотели, Сергей Бунтман не выдержал и сказал, что гость лжет.

Гость ответил, что если так, то он уйдет.

Сергей сказал: «Пожалуйста!»

Гость встал, военным шагом пошел к двери и вошел в нее.

Раздался грохот.

Оказалось, что гость ошибся дверью и вошел во встроенный книжный шкаф.

Выбравшись из книжек и рухнувших полок, гость, наконец, вышел из студии.

Сергей утверждает, что поступил совершенно правильно, потому что гость, фактически, сознательно срывал передачу.

Но это не все.

Когда гость вышел, у Сергея случился нервный срыв, и он сам прекратил передачу.

То есть он просто остановил передачу, оставив в растерянности звукорежиссера, который не знал чем добивать оставшиеся двенадцать минут.

Вот этот, второй свой шаг Сергей считает категорически неправильным. В этой программе был еще другой собеседник. Сергей полагает, что если бы он сохранил хладнокровие, то мог бы поступить по-другому. Например, мило улыбнуться и передать слово другому участнику.

И больше провокатору не давать слово вообще.

Провокатор от бешенства бы лопнул.

Даже если бы провокатор ушел, и Сергей остался в студии один, он мог бы продолжить эфир. Например, включить телефон и обсудить с аудиторией тему передачи либо прочитать последнюю информацию с ленты новостей и обсудить последние события дня.

Какой вывод необходимо сделать из подобных историй.

Нужно понять, что вы в них попадете.

Обязательно заранее подумайте, как лично вы будете поступать в подобных случаях.

А теперь главное: если вы молодой журналист, обязательно пойдите к вашему руководителю и спросите, как рекомендует поступать в этих случаях он. Этот поступок крайне важен. Он никогда не унижит ваше достоинство. Он покажет, что вы мыслите стратегически, что не хотите доставить неприятности своему СМИ. Этот поступок, что очень возможно, приведет вашего начальника к пониманию, что нужно письменно сформулировать правила поведения для всех ведущих на случай подобных гостей.

Вы должны понять, что подобные нехорошие истории в любом случае придется разгребать вашей администрации.

Вас обязательно вызовут и, возможно, будут топтать ногами. Вы должны доказать, что действовали в рамках инструкции. Вы должны требовать просмотра видеозаписи или прослушивания аудиозаписи эфира, чтобы доказать, что вы действовали, как было договорено.

Если все так и окажется, то гнев начальства быстро погаснет, он вас отпустит и пойдет в ресторан с провокатором, который сорвал вам эфир, пообедать. И его трудно осуждать. Он начальник и обязан сглаживать конфликты, чтобы не множить врагов. Потому что именно этот провокатор имеет вес при распределении эфирных частот в других городах.

Итак, подведем итог.

Каждый день к вам будут приходиться люди.

И все эти люди не ангелы.

Большинство гостей приходит с благой целью, порадовать аудиторию своим рассказом или мнением, но часть гостей приходит откровенно вас использовать.

Этих «шебутных» нужно вовремя распознать.

Нужно быть готовым к любому повороту событий в студии.

Надо, заранее смоделировать для себя и согласовать с начальством все детали своего поведения на случай гостя-негодяя.

Категорически не следует думать, что таких ситуаций не возникнет.

Они возникают на ровном месте, но опытный ведущий всегда найдет выход.

И вот положительные примеры, приятно поражающие изобретательностью.

Во время ночного музыкального эфира два рокера-гостя подрались, чтобы привлечь внимание к новому альбому. Но они не знали, что ведущий, молча, давно включил их диск, и все их крики никто не услышал. Они чуть не лопнули от злости.

Один из частых гостей, состоящий в одной из политических партий, взял за привычку приходиться в эфир нетрезвым. Он оправдывал это тем, что к вечеру устает и выпивает, чтобы расслабиться. Ведущий изготовил в фотопроцессоре поддельное письмо-кляузу, которое якобы написал один из функционеров этой партии, на имя ее руководителя. В ней он требовал лишить гостя партийного билета, потому что он всех позорит, так как приходит в эфир нетрезвым. Гость, увидев бумагу, прекратил приходиться нетрезвым, однако потом жаловался,

что именно этот функционер часто зовет его вместе выпить, и он теперь понимает, что это делается с целью провокации.

В другой раз, одна из поп-звезд, стала в эфире поносить своих коллег-исполнителей, рассказывая о них всякие небылицы. Ведущий сказал, что это очень интересно, и что станция обязательно сделает специальную дискуссионную программу по этому поводу. Но для этого всем, кого упомянула гостя, будет разослана расшифровка этой беседы. А потом все придут к ней в студию. Поп-дива испугалась и перешла на разговор о музыке. Больше о коллегах она не говорила.

Однако классической я считаю вот какую историю. Она очень короткая.

Однажды гость, недовольный всем на свете, пригрозил ведущему, что он уйдет. Ведущий ответил: «Пожалуйста».

И гость остался.

Конец истории.

Гость умный. Он понимает, что если уйдет, то навсегда. И ему придется с помощью паяльника, гвоздя и сковородки изготовить свою радиостанцию или телеканал. И вещать для жены, детей и собаки.

А это совсем не тот рейтинг.

ИНОГДА СПАСАТЬ ПРИХОДИТСЯ НЕ ТОЛЬКО РЯДОВОГО РАЯНА, НО И СВОЙ ЭФИР

Перед тем как я начну эту главу, хотелось бы сделать одно предупреждение.

Сейчас я буду приводить некоторые примеры работы с гостями и разбирать эти примеры.

И что важно, решение этих проблем я считаю удачным.

Но я уже предполагаю, что так подумают не все.

Что же делать?

Нужно воспользоваться советом моей мудрой и практичной жены, которая, прочитав несколько начальных глав моей книги, долго смеялась. И потом сказала, что если кто-то, не разобравшись, купит эту книгу, то это очень хорошо. Потому что появятся деньги, на которые можно будет вызвать чистильщика бассейна. И он наконец его уберет, вытащит водоросли и прогонит лягушек, которые этим бассейном и пользуются.

Скептический взгляд на эту книгу закономерен.

Я понимаю, что многие из читателей этой книги не только родились гениями вообще, но и гениальными журналистами, в частности. И мы не видим этих людей на экране и в эфире только потому, что им лень этим заниматься. Или, они считают, что это ниже их достоинства.

Если бы их позвала страна, то они бы пошли в журналисты. Но страна их почему-то не зовет, поэтому они сидят дома. От такого невнимания, со стороны страны, иногда портится настроение.

Настроение портится еще больше, когда идешь в магазин и тратишь пару долларов на учебник журналистики, который написал какой-то популярный хмырь. От того, что он написал учебник, станет богатым, и на твои кровные деньги купит огромный дом в Ницце, становится совсем тошно. Поэтому, даже не читая этот учебник, можно сказать, что все, что там написано, это глупо и неправильно.

Да, это именно так. Я подтверждаю это, как автор этой книги. Но, все равно, прочитать эту главу нужно, хотя бы для того, чтобы убедиться, что автор и его друзья действовали неправильно.

Как ни странно, но я считаю, такой подход к моей книге верным. С ней можно соглашаться или нет. Журналистика, как мы с вами видим, дело очень эгоистичное, индивидуальное и дискуссионное.

Когда мы с вами смотрим бокс или реслинг, то видим, как два монстра, потрясая

чемпионскими поясами и выкрикивая взаимные проклятия, утверждают, что каждый из них самый лучший. Потом кто-то из них побеждает. Но выигрывают все зрители, потому что они купили билеты и получили что хотели.

Поэтому все описанное в этой книге должно быть не догмой, а поводом к собственным опытам, экспериментам и рассуждениям.

Итак, иногда программа заходит в тупик, и только от вашей изобретательности зависит – дойдет ли эфир до конца.

Однажды я вел кулинарную программу. Мой соведущий, известный российский ресторатор Игорь Бухаров, пригласил в эфир знаменитого иностранца – повара итальянца, который теперь работал у него шефом в известном московском ресторане «Nostalgie». Идея была прекрасна: повар должен был рассказать об итальянской кухне, о своей работе в Германии, где он живет последние двадцать лет.

С поваром в студию пришла и его молодая жена. Он познакомился с ней в Германии, из-за нее он и приехал работать в Москву.

Преисполненные благих намерений, мы начали эфир, но тут нас поджидала неожиданность.

Дело в том, что гость хорошо, очень хорошо, говорил по-итальянски и несколько хуже по-немецки. По-русски он хорошо знал три слова: «жена», «макароны» и «водка». Его жена немного знала немецкий и совсем никак итальянский. Когда она начала, на своем уровне, переводить, я впал в беспокойство.

Дело в том, что я знаю только несколько переводчиков-синхронистов, которые делают свою работу как надо. Глядя в пространство остекленевшим взглядом и придвинув к губам микрофон, они, с видом зомби, мастерски переводят ответы гостя. Когда гостю задают вопрос, они придвигаются к его уху, чтобы не раздражать слушателей своим переводом.

Жена шеф-повара к таким специалистам явно не относилась. Попав в первый раз в эфир, она краснела, сжимала носовой платок и беспомощно смотрела на Бухарова.

Я еще раз проклял себя, что пригласил человека, которому нужен перевод.

Дело в том, что мы давно решили для себя, не приглашать таких людей или приглашать их, но подготовившись. Если переводчик не синхронист, то опасность грозит по нескольким направлениям.

Вы говорите переводчику фразу, он повторяет ее для гостя. Гость говорит ответ переводчику, а тот, потом произносит его в микрофон. Я не случайно перечислил эту последовательность действий. Посчитайте, времени на сам разговор у вас останется вдвое, а то и втрое меньше, чем обычно.

Вы решили пошутить. Вы шутите, после чего у переводчика нахмуривается лоб – это он мучительно переводит шутку. Потом лоб хмурится на госте: в сделанном переводе он не увидел ничего смешного. Он полминуты раздумывает, над чем же смеялся ведущий, не над ним ли? Потом, так и не поняв юмор, он отвечает. Далее лоб хмурится у вас, потому что вы не понимаете, почему на вашу легкую шутку гость отвечает невпопад и не в тему.

Параллельно с разговором на SMS приходят сотни сообщений. В них люди, знающие язык гостя, пишут о том, что переводчика нужно немедленно выгнать, сообщают, что данное слово переведено неправильно. Далее, они рассказывают правильный вариант перевода, указывают источник, какой-нибудь важный словарь, пишут сорок восемь вариантов перевода этого слова, в зависимости от контекста, и требуют зачитать свое сообщение.

Конечно, сообщение вы не читаете, потому что заняты беседой. Тогда через короткое время на вас обрушивается лавина других сообщений. В них вас информируют, что вас нужно уволить, ибо вы не читаете правильный перевод, а поощряете неправильный.

Конечно, можно полностью игнорировать эти сообщения, но обращаю внимание, что они появились не просто так. Аудитория чувствует себя некомфортно. Ей что-то мешает, и она об этом пишет. И дело даже не в неправильном переводе. Аудитория ощущает искусственность ситуации. Это как в любви: если разлюбил, то чашка внезапно уже стоит не там, и это невероятно раздражает.

Когда же допустима подобная ситуация с переводом? Она подходит для ночных эфиров, когда времени столько, что каждое предложение можно переводить по часу. Еще мы ее допускаем, только в случае, когда приходит статусный гость, и нужно взять стандартное интервью: почему приехал, с кем встречается, что собирается подписать, когда уедет. Но подобный перевод не годится, когда своим эфиром вы хотите создать настроение или у вас ограничено время.

Я несколько раз слушал мировых звезд хип-хопа в эфире русских музыкальных радиостанций. Это было нечто!

Бедный американский репер старался говорить на давно забытом, школьном языке, в котором, как он помнил, были какие-то другие слова, кроме его любимого «fuck», но, все равно, произносил только это слово с разными интонациями. А несчастный переводчик лепетал что-то, типа: «Ну, тут он говорит, что ему очень нравится Москва и московские девушки».

Справедливости ради, должен признать, что есть ведущие, которые очень хорошо знают языки. Я много раз слушал гостевые эфиры у музыкального критика Артема Троицкого, писателя Дмитрия Быкова или оперного критика Алексея Парина. У них отличный английский. Свой вопрос и ответ гостя они переводят как бы на лету, и я совершенно не замечаю, что гость иноязычный.

Но вернемся к нашей истории с поваром из Италии.

Я понял, что попал, передача гибла.

Эфир увяз в переводе, и я должен был предпринять что-то решительное.

Тогда я обратился к аудитории. Я честно признался, что у нас трудная ситуация, и попросил мне помочь. Поскольку это была ночная передача, и времени у нас было предостаточно, я предложил звонить людям, хорошо знающим итальянский и немецкий. Мое предложение было в следующем: слушатель должен был позвонить, сформулировать вопрос по-русски, перевести его на итальянский или немецкий, в зависимости от знания языка. После чего выслушать ответ и перевести ответ на русский для остальной аудитории.

И тут же пошла лавина телефонных звонков. Оказалось, что нас, совершенно случайно, слушает масса людей, знающих эти языки. Они, играючись, все переводили и даже давали некоторые пояснения. Например, многие из них знали рестораны, о которых говорил гость. Более того, позвонило несколько человек, которые бывали в ресторанах, в которых когда-то работал наш итальянец.

Получилась отличная передача. Особенно были довольны слушатели – они оказались полезными, мы дали им проявить себя. И в каком-то смысле немного повести эфир. Эту передачу мы повторяли в эфире много раз.

Более того, это стало практикой. Когда в следующий раз у меня в эфире были французские повара, то я просил звонить знающих французский. В процессе передачи выяснилось, что один из французов родился в Португалии. Оказалось, что ночью может позвонить куча народа, знающего и португальский. Еще один раз приехал парень из Японии, и все повторилось. Думаю, что это хороший прием, и его уже можно использовать в ходе передачи, что я и буду делать.

Потрясающую историю об одном из своих эфиров мне рассказала моя коллега Ольга Бычкова.

Ольга – замечательная ведущая, обладающая завидным терпением в эфире. Когда я слышу, как она с легкой иронией беседует с националистами всех мастей, а такое ей часто выпадает, я поражаюсь: как можно их выпускать из студии живыми?

Они не понимают, что им повезло. В моем эфире все было бы похоже на все четыре серии триллера «Пила», где я с радостью выступил бы, не только в роли кровавого маньяка и убийцы, но и в роли самой пилы.

Но, как известно, гостей не выбирают, и эфир приходится вести с самыми разными субъектами.

Поэтому появление в гостевой комнате молодого, хорошо одетого человека, который

должен был рассказать в эфире об интернет-торговле акциями, и его помощника, поначалу не вызвало у Ольги особых эмоций.

Это должен был быть обычный экономический эфир.

Гость приятно улыбался, теребя в руках бумажки.

Ольга, как и принято, поговорила с ним, угостила кофе.

Гость непринужденно болтал и строил глазки Ольге. Он сказал, что интернет-трейдинг – это интереснейшая тема. Он спросил, не согласится ли Ольга, после их эфира, выпить с ним еще кофе, но уже в кафе напротив. Ольга сказала, что подумает, но сначала нужно провести передачу. Гость очаровательно улыбнулся и сказал, что передача – пустяки. Он пообещал, что, сразу после передачи, он продолжит тему про кофе. И он добьется своего, потому что он занимается спортом, и у него волевой характер.

При этом он выразительно поиграл мускулами под модным пиджаком.

Обменявшись улыбками, Ольга и гость, и его пресс-секретарь отправились в студию.

На улице была прекрасная погода, пели птицы. Ольге недавно выдали зарплату.

Ничто не указывало на приближение умопомрачительных приключений.

Но они, как известно, всегда приходят случайно.

В фильме Билли Уайлдера «В джазе только девушки» («Some Like It Hot») два оболтус-музыканта, чисто случайно заходят в гараж, где сводят счета бандиты. И весь оставшийся фильм убегают от них.

В комедии Стэнли Крамера «Этот безумный мир» («It's a Mad, Mad World») в пропасть сваливается машина. И проезжавшие мимо абсолютно случайно узнают о спрятанных сокровищах. И весь фильм они убегают от полиции и догоняют друг друга.

Как видим, случайное событие втягивает тебя в целое приключение. И только твое мастерство выявит, кем ты оказался – героем или посмешищем.

Итак. Ольга открывает эфир и задает свой первый вопрос: что же такое интернет-торговля акциями.

Но в ответ ни звука.

Ольга повторяет вопрос.

В ответ молчание.

Она поднимает глаза.

Перед ней следующая картина: гость сидит с открытым ртом и круглыми глазами. Ласковые лучи солнца ярко, как у врача, освещают ухоженные зубы. Хорошо виден дрожащий маленький язычок и неудаленные гланды.

Ольга, пытаясь сообразить, что происходит, машинально повторяет вопрос.

Гость молчит, еще сильнее округляя глаза. Лоб его покрывает испарина.

Тогда Ольга вдруг понимает, что это эфирный испуг, особая форма нервного срыва, когда в госте происходит сложный, но объяснимый процесс паралича от ответственности при виде микрофона. И этот паралич возник ровно в тот момент, когда гость собирался ответить, но в эту же секунду подумал, что сейчас сморозит глупость и лучше ответить по-другому.

Две мысли столкнулись. К ним прибавился ужас того, что он долго выбирает ответ, и страх, что сейчас, по его вине, будет завалена передача. В таких случаях, как показывает печальная практика, мозг окончательно отключается и даже отказывает дать команду закрыть рот.

Ольга, пораженная тем, что мозг молодого интернет-трейдера, оказался столь же глючным, как «Windows Vista», приступила к немедленному спасению утопающей передачи.

– Сейчас мы услышим рассказ об интернет-торговле, – пристально глядя в глаза замороженному, говорит Ольга. – Этот рассказ будет интересен. Мы все узнаем про то, как купить акции.

Гость молчит. Он пытается начать говорить, но только синее.

– Разве не интересно купить в Интернете акции? – магическим голосом спрашивает Ольга. Она ждет, пока пройдет минута. Обычно гостям хватает минуты, чтобы вывалиться из

подобного состояния.

– Скажите, а ведь покупая акции в Интернете, можно и разбогатеть, – продолжает Ольга. – Можно купить хороший костюм и записаться в спортзал.

Гость делает усилие. Но оно приводит к тому, что изо рта вываливается розовый язык, как у собаки, которая освежает себя в жаркую погоду.

– Не правда ли, что купив акции в Интернете, можно пригласить девушку выпить чашку кофе! – многозначительно говорит Ольга, пытаясь привести в действие хотя бы естественные инстинкты гостя-самца.

Самец радостно кивает. Из его организма вырывается сиплый стон. Наверное, он представляет, как именно они будут пить кофе, и что будет потом. Но при этом гость продолжает молчать, лишь его розовый язык радостно раскачивается из стороны в сторону.

Но тут происходит акт корпоративной солидарности. С грохотом отодвинув стул, помощник гостя выбегает из студии. Очевидно, побежал за бумагами. И это логично – возможно они помогут выдать из молодого человека хоть слово.

Но это привело к обратному результату. Скорее почувствовав, чем увидев, что помощник выбежал, гость неистово выпучил глаза. Его почему-то не радовало, что он, наконец, остался с Ольгой наедине. И от его предложения выпить кофе, остался только цвет этого напитка, которым он постепенно покрывался.

Внезапно он вскочил, с тем же грохотом отодвинул свой стул и, не закрывая рта, выскочил из студии.

Ольга осталась одна, понимая, что гость не выдержал испытаний и сейчас, наверное, бежит по лестнице к выходу. Думая, что приключения подошли к концу, она решила сама провести остаток программы, поговорив со слушателями об акциях.

Внезапно открылась дверь, и в студию просунул голову взволнованный референт редакции. Он сказал, что по коридору к студии движутся два странных человека. Один из них, с кучей бумаг, пинками подгоняет другого, в красивом костюме. И этот, которого подгоняют, почему-то идет с открытым ртом. Коллега интересовался, знает ли Ольга, куда они идут, и нужно ли вызвать охрану.

Ольга сказала, что это ее милые гости, и приготовилась к продолжению дивного дня.

Продолжение было незамедлительно.

Оба гостя ввалились в студию и грохнулись в кресла.

Багровый, от злости, помощник вывалил на стол бумаги и буквально ткнул своего начальника носом в главный лист, где содержались вопросы и ответы.

Начальник молчал, вывалив язык. Он не видел бумагу.

Тогда Ольга поняла, что делать.

Она встала, перегнулась через пульт и ласково потрепала по щеке молодого человека. Тот посмотрел на Ольгу благодарным собачьим взглядом.

Ольга протянула свой изящный пальчик и уткнула в лист, лежащий перед носом гостя.

– Итак, – сказала она мелодичным голосом, – сейчас мы поговорим про...

Она постучала пальцем по соответствующему слову.

Гость замычал. Его челюсть громко щелкнула, и он хриплым голосом произнес: «Акции...»

– Действительно, – с материнской лаской произнесла Ольга. – Но это не простые акции, а те, которыми торгуют в...

– ... Интернете, – мучительно, обливаясь слезами радости от того, что речь постепенно возвращается, промычал гость.

Так продолжалось до конца программы.

Когда в студию вошел новостист, то его взору предстала следующая картина: на пульте, элегантно помахивая ножкой, лежала ведущая. Она пальчиком водила по листу бумаги и постукивала по отдельным фразам, а сидящий перед ней молодой человек, не отрывая глаз от бумаги, выдавливал из себя отдельные слова.

Эфир был спасен.

Более того, уже потом я видел Ольгу с этим парнем, они выходили из кофейни. Уверен, он не отделается кофе. За спасение своей деловой репутации этот брокер должен ей подарить все акции мира.

Однако бывают случаи, когда сам ведущий провоцирует необычную ситуацию в эфире. И вот показательный пример.

Представитель Прогрессивной партии Норвегии Ульф Кнутсен пришел в эфир, не зная, что у журналистов хорошая память, и они помнят, что говорил тот или иной политик даже много лет назад. А семь лет назад Ульф Кнутсен, выступая против дорогостоящего строительства нового здания оперы в Осло, заявил, что съест свои ботинки, если стоимость проекта окажется ниже миллиарда евро.

Но здание оперы, открывшееся за неделю перед эфиром, обошлось намного дешевле.

Слово пришлось держать перед тысячами телезрителей.

Ведущий напомнил политику его слова семилетней давности. Но тот не стал отнекиваться, а предложил подать на стол старый ботинок и немедленно приступить к трапезе в прямом эфире. Ведущий, пораженный решительностью и честностью гостя, предложил политику проглотить лишь маленький кусочек, причем подсластив его шоколадной пастой.

Закончился диалог так.

Ведущий: «Ну, как, вы готовы выполнить свое обещание?»

Ульф Кнутсен: «Что же делать, намазывайте».

Меня здесь восхищает все – и замысел ведущего, и поведение политика.

Однако этот случай требует некоторых замечаний. Эта пастораль возможна только при нескольких условиях.

1. Если дело происходит в Норвегии, где политика нетороплива и сопровождается обильным поглощением лучших сортов местной сельди.

2. Если ведущий уверен, что данный политик адекватен, обладает чувством юмора, и не начнет кричать и бегать по начальству, что его дискредитируют.

3. Если ведущий готов к тому, что политик откажется от предложения съесть ботинок. А это, вполне, могло быть. И тогда сам ведущий оказался бы в сложной ситуации.

Представим себе диалог.

ВЕДУЩИЙ (*доставая ботинок*). Так вы готовы его съесть?

ГОСТЬ. Конечно, нет! Уберите от меня эту гадость! И, вообще, я не понимаю, как можно так шутить, ведь мы обсуждаем важнейшую тему борьбы с крысами, которые заполонили весь город. Я подниму в парламенте вопрос, чтобы радиостанциям резко повысили налоги.

Что получилось?

Полный провал!

Наш ведущий остается в несмешной ситуации, под угрозой увольнения с грязным ботинком в руке. А политик чист, как ангел. И, поверьте, аудитория всегда будет на стороне политика, потому что актуальный вопрос борьбы с крысами, на ее взгляд, гораздо важнее каких-то обещаний семилетней давности.

Но представим себе, что вы все же хотите совершить этот акт мести. В этом случае вы должны иметь запасной выход, на случай отказа. И этот выход должен быть изящен и переводить все на юмор. Юмор тут необходим, потому что только он помогает погасить неприятную щекотливую ситуацию.

Конечно, можно, схватив ботинок в одну руку и холку гостя в другую, требовать, чтобы он немедленно открыл рот и откусил кусок подошвы. Ведь он обещал это сделать семь лет назад. Но, поверьте, аудитория будет не на вашей стороне. Она ждет красивого решения этой ситуации. И оно должно быть вами подготовлено и придумано.

Моя жена, которой я рассказал этот случай, заметила, что все должно быть, кроме всего прочего, еще и гламурно.

Например, политик отказывается есть ботинок. Тогда ведущий начинает есть его сам. У

политика, сказала жена, начинают глаза вылезать из орбит от удивления. И оказывается, что ботинок не настоящий, а, например, из шоколада.

– А где тут логика? – спросил я жену.

– Тут не должно быть логики, – снисходительно ответила жена. – Он откусывает и громко объявляет спонсора. А это какая-то шоколадная фабрика. И все счастливы.

– Почему счастливы?

– Потому, что политик не ел грязный ботинок, а ведущий получил кучу денег за рекламу. И купил жене не новый набор кастрюль, как ты, а что-то маленькое, но с большим камешком, как настоящие мужья.

Я хотел возразить. Но подумал, что кое в чем она права.

Конечно, не в идее кольца с камешком. Я думаю, что кольцо с бриллиантом на пальце женщины только мешает ей вкусно готовить, цепляясь за кастрюлю.

Но она права в другом.

Эфир не терпит грязи. Я в данном случае имею в виду грязь не в переносном, а в прямом смысле.

Грязные стыки, неоправданные паузы, в которых вы лихорадочно ищете выход из ситуации, в которую сами себя загнали – все это недопустимо.

Совет жены – идеален, как и все, что делает эта женщина. Я говорю это совсем не потому, что если я скажу иначе, то три дня буду с интересом заглядывать в пустой холодильник, а потому что ее решение на самом деле идеальный выход.

Представим себе, что политик согласен съесть ботинок. Но неужели можно представить, что вы, как Чарли Чаплин в «Новых временах», вытащите настоящий ботинок и, выдавив кетчуп, будете ждать, как он сломает дорогую вставную челюсть о кривой гвоздь?

Думаю, что нет. Великий русский театральный режиссер Станиславский говорил, что существует правда жизни, но есть правда сцены. И их нужно отличать.

Однажды моя дочь сказала, что если я не буду пускать ее на свидание с ее татуированным мотоциклистом, то она пойдет на крайние меры – она навсегда уйдет из дома, куда глаза глядят.

Это могла быть правда жизни.

Но она уже ушла. В переводе с ее языка, это означало уйти к подруге на пару часов и посмотреть видео, накупив пирожных.

Это правда сцены.

Моя дочь – живое доказательство правильности Станиславского.

Итак, любые ваши действия в эфире не должны поставить гостя в неудобное, а тем более безвыходное положение.

Если ваш гость грызет настоящий ботинок в эфире, то это ваша победа, но она пиррова. Это торжество не вашей справедливости, а унижения другого.

Важно понять, что ценно тут не то, что гость грызет подошву, а то, что он согласился ее грызть, признавая свою неправоту. И в этом случае шоколадный ботинок – это элегантная награда за его честность и порядочность.

И совсем не лишне, если он в прямом эфире откусит от шоколадного ботинка маленький кусочек. Например, погрызет шнурок.

Парламентарий, грызущий на экране шоколадный шнурок – что может быть умильней!

Но одно дело, когда неожиданное поведение идет от вашего гостя.

Совсем другое – когда что-то выкидывает ваш товарищ по эфиру.

Заметьте, я употребил слово «товарищ», а не «коллега».

Еще есть слово «напарник».

Да, именно так.

Для полицейского важно, кто будет прикрывать его спину в момент перестрелки.

Для ведущего эфира при парном или коллективном ведении важно как ведет себя

партнер. Подробно о взаимоотношениях разных ведущих в одном эфире я коснусь в дальнейших главах. Но сейчас отмечу одно наиважнейшее качество правильного эфира – предсказуемость и отсутствие мрачных неожиданностей.

Но они случаются, и тут важно повести себя правильно.

Я знаю десятки случаев, когда неожиданности были печальны, но оправданы.

Например, однажды я в прямом эфире просто махнул рукой партнерше, чтобы она продолжала, а сам, ничего не объясняя, с каменным лицом вышел из студии. Партнерша, не моргнув глазом, продолжила говорить с гостем. А меня в это время отпаивали холодной водой – в студии была космическая жара, а кондиционер, как всегда, сломался.

Прямой эфир, как вы уже поняли, это экстремальная штука. Поэтому неудивительно, что частенько гости с милой улыбкой сползают со стула. И их приходится приводить в чувство нашатырем.

Но я говорю не об этих случайностях, а о сознательном поведении твоего напарника, который вдруг начинает играть свою игру.

И вот подобный пример.

Как мы знаем, гламурные дивы часто не в ладу с законом. Когда я читаю новость, что супермодель Наоми Кэмпбелл в очередной раз ударила свою домработницу мобильником по голове или плюнула в нянюку и отправилась за это на принудительные работы – я предполагаю, что для этой особы подобное поведение – главный источник наслаждений.

Моя дочь, с которой я обсудил эти свойства характера Наоми, сказала, что я так и не научился разбираться в женщинах.

– Ты не представляешь, как она ходит по тюремному двору. Представь себе: длинная дорожка, фонари с вышек, как концертные прожектора. С крыши тюрьмы играет громкая музыка. Вокруг дорожки стоят другие заключенные. Девушки – в элегантных робах. Мужчины – в наручниках и кандалах последних моделей.

Появляется Наоми! Ее окружают красавцы-тюремщики, не старше двадцати лет.

Наоми медленно идет по гравию, демонстрируя последние модели тюремной одежды. Показ с вышки, через микрофон, ведет лично начальник тюрьмы.

– Ты выдаешь желаемое за действительное, – ухмыльнулся я. – Она не в тюрьме. Она в течение пяти дней будет мыть полы в гараже для мусоровозов.

– Боже мой, какая разница, где ходить в хорошем платье – в тюрьме или в гараже. Хотя в тюрьме лучше. Больше мужчин в одном месте.

Я спросил дочь, откуда у нее такие познания деталей тюремной жизни. Она пояснила, что многое ей рассказал ее мотоциклист. Он сам еще не сидел, но у него там побывали его приятели. Но многое она чувствует и сама, потому что женщина должна быть элегантна в любых условиях.

– Согласись, папа, ведь лучше, если женская тюремная роба будет от Дольче и Габбана. Не так ли? – спросила дочь.

Я мрачно кивнул, но отметил для себя, что пора наконец вплотную заняться мотоциклистом дочери. Я подозреваю, что он может оказаться гораздо более разнообразной личностью, чем мне о нем рассказывали.

Однако вернемся к теме.

Еще одна гламурная дива не дает успокоиться общественности. Это Пэрис Хилтон.

Когда ее приговорили к небольшому тюремному сроку, то, как известно, шуму было столько, как будто наконец нашли настоящих убийц Кеннеди.

Но если сажают реального бандита, то мы обращаем внимание только на то, что за его спиной закрылась крепкая тюремная решетка.

Но когда в тюрьму отправилась Пэрис, мир как будто сошел с ума.

Все подробно показывали и обсуждали, в какой блузке она сидела на суде, и из какого магазина были ее темные очки, за которыми скрывались ее глаза, якобы наполненные слезами раскаяния.

Потом началось просто невероятное.

Ее поместили в тюрьму, но выпустили, испугавшись за ее психику. Такое может быть только с Хилтон.

Представляете, ее задержали за управление своим «Бэнтли» без водительских прав. При этом прав ее лишили еще раньше за управление в нетрезвом виде.

Ее судят и отправляют в тюрьму. Но через четыре дня выпускают, надев на ногу браслет с радиопередатчиком.

– Какое элегантное решение, – прокомментировала эту ситуацию моя дочь. – А браслет с камнями?

Потом Пэрис опять вернули в тюрьму, и, как пишут, она плакала и звала маму.

Я представляю себе, как мотоциклист моей дочери, отправившись в тюрьму (а это скоро случится, и не без моей помощи), будет говорить, что его не устраивает бархатистость тюремного белья и отдушка жидкого мыла в камере.

Полагаю, что с этими требованиями, он проживет ровно до первой встречи с тюремным начальником, который познакомит его с безграничными возможностями чистки общего тюремного туалета детской зубной щеткой.

И это будет справедливым наказанием для парня, который возит мою дочь вечерами неизвестно куда на опасном мотоцикле.

Надеюсь, что потом окажется, что это именно он ограбил алмазную биржу или что-то в этом роде. И, отбывая пожизненное заключение, он будет писать моей дочери слезные письма. Но она их не увидит, потому что я буду их разрывать в клочья и выбрасывать.

А если он будет звать маму, то его утешит «мамочка» – волосатый сокамерник.

Итак, пока Пэрис сидела в тюрьме – главной мировой новостью было ее очередное недовольство формой розочек на тюремной подушке и калорийностью тюремной индейки.

Когда выяснилось, что в тюрьме она сидеть больше не может, потому что ей это как-то неприятно (вдумайтесь в это!), и ее решили выпустить, то главной мировой новостью стало опять же именно это.

Невероятно: на Земле гибли и рождались люди. Папа Римский кого-то благословил, еще ниже рухнул доллар, еще выше взлетела цена на нефть, а моя теща стала заниматься аэробикой.

Но тем не менее главной мировой новостью было то, что Пэрис выходит из тюрьмы. Мир сошел с ума.

Но оказалось, что есть люди, способные противостоять попыткам гламура обрушить мир.

Итак, на канале MSNBS идет выпуск новостей.

Ведущая утреннего шоу, Мика Бжезински, извиняется за первую новость, которой она должна начать программу.

– Сегодня вся страна наблюдала... – начала она.

– Опять про Пэрис Хилтон? – закатил глаза ее соведущий Джо Скарборо. – И это в тот день, когда Сенат пытается заставить президента начать выводить войска из Ирака?

Джо Скарборо пошутил. Но его шутка имела последствия.

– А знаете что, – не выдержала Мика. – Я не буду читать эту историю. В конце концов, мы серьезная станция, а не таблоид. Дайте мне текст следующей новости.

– Нет уж, читай, что написано, – подзадоривал Джо. – Читай про Хилтон.

– Не буду, – заупрямилась Мика.

Она попыталась разорвать страницу, но страница почему-то не поддавалась.

– Тогда я ее сожгу! – Мика схватила со стола чью-то зажигалку и попыталась поджечь измятую бумагу. Зажигалка беспомощно шелкала, не давая огня.

– Давайте перейдем к настоящим новостям! – сказала она дикторским голосом.

Но Джо униматься не хотел. И, взяв в руки скомканную бумагу с новостью, он театрально поднес ее к носу.

– А я хочу про Хилтон, – сказал он, вдыхая. – Эта новость даже пахнет хорошо. Я буду хранить ее вечно!

Мика вырвала у него бумагу и выкинула ее в мусорную корзину, завершив окончательное уничтожение недостойной новости.

Вот что произошло в прямом эфире. Это видео было выложено в youtube, и им любовались тысячи людей, осуждая или поддерживая поступок ведущей.

Но мы, в учебнике, не должны поддаваться эмоциям, а обязаны сделать некоторые выводы.

Итак, никто, кроме героев, сидевших в кадре, и их руководства, не может достоверно сказать, было ли это действие неожиданностью или хорошо подготовленным маленьким шоу.

Если это было подготовлено, то это неудивительно: такой канал, как MSNBS, в таких ситуациях оказывается меж двух огней. С одной стороны, нужно давать серьезные новости. С другой, продюсеры понимают, что публику интересует именно эта новость про Хилтон. И с этим ничего не поделаешь: не только моя жена успешно крутит мной, но и тысячи других успешных женщин управляют корпорациями. Но и этим женщинам интересно, как там чувствует себя Пэрис в лапах обезумевших тюремщиков. Но при этом самому телеканалу имиджево от гламурной дивы нужно как-то отстраниться. И, возможно, это было сделано именно таким образом.

Вы помните, я уже писал, что лучшая импровизация в прямом эфире – это та, которая отрепетирована, подготовлена или хотя бы оговорена. Нет ничего хуже, если после рассказанного анекдота, никто не смеется. Так же ужасно, если задуманный розыгрыш не получился из-за того, что вы не поняли, кто и что делает.

За то, что это был согласованный розыгрыш, говорят три очевидные детали:

Бумага почему-то не разорвалась.

Зажигалка не зажглась.

После этой истории Мика Бжезински, по моим сведениям, не только не получила взыскания за нарушения эфирной дисциплины, но и была в каком-то смысле награждена. Ее рейтинг возрос, и теперь ее программу ретранслирует большее количество станций, чем раньше.

Но может быть и другое. Это могла быть неожиданная импровизация, и, возможно, Мика действительно решила не читать эту новость про Пэрис.

Хотя, замечу, это странно, ибо журналист в кадре – это не истукан с острова Пасхи. Он всегда знает, какие именно новости ему предстоит рассказать. Это всегда согласовано.

Но, даже если предположить, что ведущая вдруг решила поменять новость, вы должны быть готовы подыграть ей, как это сделал Джо Скарборо. Вы не должны показать, что ваша партнерша, возможно, сошла с ума. Подмигивание зрителям глазом и шепот: «Вызовите врача!» тут не уместны. Это уже элемент другого скандала. Причем далеко не гламурного.

Вы должны поддержать партнера. Никто не должен почувствовать, что происходит на самом деле. Все должны быть уверены в том, что это естественно.

Моя жена, например, посмотрев видеоролик, сказала, что Мика абсолютно права. Нечего делать из Пэрис событие. Если у нее такой богатый отец, то пусть хотя бы дочь узнает суровую изнанку жизни.

– Но ведь Мика поменяла новость, и была общая паника, – заметил я.

– И правильно сделала, – назидательно ответила жена. – Ты, например, меняешь свои планы двадцать раз в день. Например, ты уже неделю обещаешь со мной поужинать в тайландском ресторане. Ну, и что?

– Но ты видишь, что я целыми днями пишу важную книгу, – сказал я.

– Вот именно, – подтвердила жена. – Как видишь, у нас с тобой разное понимание, что именно важно для семейного счастья. Как и для Микки.

Конечно, моя жена, что касается семейного счастья, как всегда, права. Но замечу, что общее понимание, не менее важно для эфира.

К сожалению, можно привести множество случаев, когда ведущие не играли в одну игру, а были каждый за себя.

На музыкальной станции двое ди-джеев подрались в эфире во время выяснения, какая

песня лучше. Полиция долго писала протокол и собирала разбросанные диски, а ди-джеи, с синяками, давали показания.

В одном из телешоу, выпуск которого в этот раз был посвящен межнациональным проблемам, одна из ведущих увидела в коллеге, с которой вела это шоу более пяти лет, расовое пренебрежение. Замечу, что пять лет она ничего не видела, а теперь вдруг у нее раскрылись глаза. Она повернулась к камере и заявила зрителям, что больше не будет вести программу, пока ее коллегу не уберут из эфира.

В одну из прямо-эфирных программ пришел интересный и редкий гость из ООН. Двое ведущих стали задавать вопросы. Но, в отличие от логичной манеры задавать вопросы по очереди, один из них, задав вопрос, зацепился за ответ гостя и стал что-то уточнять. Второй хотел вмешаться, но первый спрашивал гостя все снова и снова. В результате, второй ведущий встал и вышел из студии. Первый ведущий даже не заметил этого, а продолжал увлекательную беседу.

Двое других ведущих в прямом эфире вели разговоры со слушателями о политике, принимая звонки. Как и водится, если в эфире двое, у них разные мнения. Это обязательное условие, ибо одинаковое мнение двух людей в эфире, как мы уже говорили, это не журналистика, а пропаганда. Однако в какой-то момент, одному из ведущих так не понравилось что говорит второй, что он заявил, что тот ничего не понимает в жизни и что у него идиотская позиция. Более того, он сказал фразу, типа: «или я или он, пусть решает начальство» – и вышел из студии.

Думаете, с вами не может такое произойти? Ошибаетесь.

Эфир, особенно прямой, еще подарит вам неожиданности со стороны коллег, которых, как вам казалось, вы знаете, как облупленных.

И эти неожиданности легко объяснимы.

Давайте не будем забывать, что вы взрослые люди со своими позициями.

Надеюсь, что в своем утверждении я не ошибся, ведь вы журналисты.

Вы всегда имеете свои убеждения, и они кажутся вам единственно верными.

И это прекрасно!

Но парная, или коллективная работа в эфире, сродни семейным узам.

Вспомните первый поцелуй. Если только вы были трезвы и помните свои первые ухаживания, то никогда не забудете, что для вас значило мнение вашего партнера. Вы всегда прислушивались к каждому его слову, а в его мнении вы искали рациональное зерно.

Семейные психологи называют это состояние «влюбленностью».

Потом это состояние быстро пропадает, вместе с уважением к чужому мнению. Происходит как бы приватизация партнера.

– Ну что он умного может сказать, – думает один человек о другом. – Все его несложные мысли я уже давно выучил наизусть.

Такая позиция – начало конца не только в семейных отношениях, но и в эфирных. То, что человек стоит на других позициях, чем вы, это не повод считать его глупее себя.

Покажите мне человека, который знает, как правильно жить на свете. И я тут же выведу толпу, которая объяснит, что он неправ.

Так устроен мир. И единственная позиция, еще помогающая ему не рухнуть, – это уважение к чужой точке зрения.

Знаменитая светская пара прошлого – кинорежиссер Григорий Александров и актриса Любовь Орлова, были много лет супругами, но всегда обращались друг к другу на «вы». В наши дни, когда тебе тыкают, еще не познакомившись, над этим анахронизмом можно посмеяться.

Но я бы предостерег это делать.

Говорить «вы» не обязательно. Его нужно держать в памяти, как обозначение уважения к партнеру вообще, и к его точке зрения, в частности. Какой бы дурацкой она, на первый взгляд, вам не казалась.

Спросите себя – вы можете принять это за аксиому?

Если нет – парные эфиры вам противопоказаны.

Вы будете проталкивать свою точку зрения, пребывая в постоянном раздражении, что вас поставили вести эфир с недоумком. Ведь то, что вы говорите – очевидно. И, как этот одноклеточный не может понять ваших простых и единственно правильных истин, вам не понятно.

Многие, в этом случае начинают искать так называемого удобного партнера. Удобный партнер в данном случае это тот, который будет объявлять время и погоду. А в остальное время молчать, заглядывать вам в рот, ловя ваши гениальные фразы, и изредка задавать уважительные уточняющие вопросы. Еще он будет носить горячий кофе.

Но ваше счастье продлится недолго. Молчащих партнеров не бывает. Побыв у вас на молчаливой диете, партнер уйдет туда, где он может говорить и выражать себя.

Потому что, как вы помните, журналистика основана на вашем горячем желании что-то лично от себя сказать человечеству.

Еще раз подчеркну: быть одиночкой – это не хорошо и не плохо.

Это просто другой жанр.

И еще одна деталь. Все конфликты, которые возникли в эфире из-за неожиданного поведения партнера в эфире, если они вам кажутся принципиальными, нужно решать через ваше обращение к начальству.

Ваш начальник поставил вас в эфир с вашим партнером. Ему и решать, что делать дальше.

Не скрывайте ваших трудностей. Талантливый начальник послушает запись программы и обсудит с вами возможность поменять вам партнера, не унизив вас или вашего коллегу. Он найдет нужные слова для коллектива, чтобы замена не выглядела склокой или унижением одной из сторон.

Важно понять, что в этой ситуации, если не нарушены какие-то административные правила, как, например, то, что вы каждый эфир входите в студию на десять минут позже, чем надо, нет правых и виноватых. Некоторые начальники начинают искать, «кто первый начал». Это глубокая ошибка. Каждый должен выйти из этого конфликта с ощущением своей победы. А это достигается только в том случае, если ваш начальник просто разбивает пару без объяснения причин.

Когда семейные пары решают развестись, то в решении суда пишут фразу «непреодолимые противоречия». Это хорошая фраза, не объясняющая суть, но и не унижающая партнеров.

Когда я прочитал эту главу моей семье, то реакция была следующей.

Моей жене больше всего понравилась часть о приватизации партнера. Она сказала, что я давно приватизировал ее и перестал видеть все то хорошее, что для меня делается ежедневно. Например, вчера, поздно вечером, моя жена лично пожарила мне картошку и бифштекс. Но необходимых восторженных слов она так и не услышала.

Я удивился. Я сказал, что готов говорить восторженные слова, но самой картошки и бифштекса не видел. Если бы я увидел картошку и бифштекс, лично пожаренные моей женой, то я бы бился об стол в экстазе, потому что это событие бывает не чаще парада планет.

Жена холодно заметила, что моя шутка, насчет парада планет, такая же плоская, как и стол, об который я собираюсь биться. Но, категорично заявила она, картошка и бифштекс были. И она оставила их на столе, и даже написала мне записку, что холодное пиво в холодильнике.

Все перевели взгляд на тещу.

Теща заявила, что саму тарелку она видела. Но она была пуста. Рядом стояла пустая бутылка от пива. Теща объяснила, что бутылку она выбросила, как и записку, а тарелку помыла. Это грустно, сказала теща, что ее в этом доме держат за домработницу, но это так.

Мне стало интересно.

Я простой человек и люблю незамысловатые радости жизни.

Сочный бифштекс, полный холестерина и калорий, с картошкой вечером, под пиво и телевизор!.. Что еще может вызвать возмущение диетологов и радость гурмана.

Я открыл дверку под кухонной мойкой. Там действительно стояла пустая бутылка.

Я вытащил ее и поставил на стол.

Я рассадил семью вокруг бутылки и заявил, что оскорблен. Я заметил, что посмотрел достаточное количество полицейских сериалов, чтобы найти виновного. В таких ситуациях мой любимый герой сериала «Морская полиция» («NCIS»), старший агент Джеффри Гиббс, давал команду сделать две вещи – дактилоскопию на бутылке и анализ ДНК. При этом, напомнил я, преступники начинали давать признательные показания без всяких ДНК, потому что понимали, что их песенка спета.

– Я жду, – сурово сказал я.

Взгляды семьи переместились на дочь.

– Я не ела шницель, – трагически произнесла она. – И не пила пиво. Я хуюеу.

– Почему у тебя бегают взгляды? – твердо спросил я. – Скажи правду, какой бы страшной она не оказалась!

И дочь созналась.

Мне нечего добавить к ее рассказу, потому что правда оказалась еще страшнее, чем может быть.

Оказалось, что картошку и сочный бифштекс съел ее мотоциклист.

Вчера, когда я еще не пришел, жена уже была в спальне, а теща вышла к соседке, этот злодей привез мою дочь в 11.30. Он зашел и стал прощаться. Но моя дочь, и здесь уместно задать вопрос, моя ли она, спросила, не голоден ли он.

Конечно, такие особи, как этот мотоциклист, голодны всегда, особенно в чужом доме. Тогда дочь, попавшись на эту наживку, пошла к холодильнику. Но на пути она обнаружила картошку и бифштекс.

Преступление было совершено приблизительно в 11.40, а пиво было выпито в 11.45. После чего мотоциклист уехал, не помыв за собой посуду.

Я сказал дочери, что мне все ясно. Я пояснил, что мне нанесено смертельное оскорбление, которое смывается либо кровью обидчика, либо кровью нового бифштекса.

– Читай мою книгу, – ухмыльнулся я дочери, – там ты найдешь описание будущего своего мотоциклиста. Ты найдешь его брэнное тело в пропасти среди обломков его мотоцикла.

– У нас тут нет пропасти, – пискнула дочь.

– Будет! – холодно заметил я. – Я лично выкопаю. И, как в моем любимом фильме Джерри Ли Томпсона «Золото Маккенны» («Mackenna's Gold»), над ним будут летать стервятники. А на высокой скале огромными буквами неизвестной рукой будет выцарапана кривая надпись: «Непреодолимые противоречия».

ПРОБУЕМ ПОНЯТЬ, КАК ВЗЯТЬ ИНТЕРВЬЮ

Мы приступаем к разговору о самом простом и одновременно сложном деле в журналистской профессии.

Мы будем говорить о том, как, не совершив кучу ошибок, взять интервью.

Заметьте, я не говорю «как правильно взять интервью», потому что понятие «правильно» имеет тысячи рецептов. А если вы заметили, чтобы не быть нудным, я во многом пишу свою книгу, как бы наоборот. То есть я стараюсь уберечь вас от ошибок, которые очевидны.

Так мы поступим и в этот раз.

Я предлагаю начать не с персоны журналиста, который хочет взять интервью, а с его несчастной жертвы. Поверьте, это необходимо. Согласитесь, врач никогда не будет делать операцию пациенту, не зная точно его состояния.

Вспомните себя.

Когда вы идете к отцу, чтобы взять у него немного денег, как тщательно вы готовитесь.

Вам все важно: вы оцениваете и то, откуда он пришел, пообедал ли уже, выиграла ли его любимая спортивная команда или матч еще впереди. И если команда проиграла, даже если вам деньги очень нужны, вы отложите разговор, сказав себе справедливую фразу: «Не время».

Другими словами, в реальной жизни, начиная разговор, вы всегда учитываете или пытаетесь предугадать состояние партнера для получения нужного результата.

Но это не все. Намереваясь поговорить, вы, так или иначе, держите в памяти все ваши знания о данном человеке и готовы их использовать.

Например, если мы продолжим эксперимент с вашим отцом, то вы мастерски начнете издалека.

Вы начнете с разговора о бедном детстве отца, о его попытках получить достойное образование.

Выразив ему свое восхищение, вы повернете разговор в сторону его нелегких студенческих лет, когда, по его утверждению, он разгружал вагоны, чтобы не умереть с голоду.

Особый упор вы сделаете на сегодняшнем состоянии дел: на справедливых жалобах отца о том, что его давно не повышают на работе, и на его стойкости в деле выплаты кредита за жилье.

Потом вы перейдете к главному – к связи поколений.

Вы справедливо заметите, что этот кредит, который нужно выплачивать тридцать лет, в основном придется выплачивать лично вам, его сыну.

И вот тут-то, скажете вы, очень важно, чтобы сын, который это все будет выплачивать, был здоров не только физически, но и морально. А моральное здоровье во многом зависит от того, как сын проводит время.

Вы закономерно спросите отца, видел ли он вас когда-либо на экране телевизора, когда рассказывают о преступниках и наркоманах. Пораженный отец ответит, что нет.

Вы уточните, видел ли он вашу физиономию на экране во время парламентских расследований, посвященных ужасающим случаям коррупции. Платил ли он за вас залог, вынимая из камеры, за участие в разборках городских молодежных банд. Вызывали ли вашего отца в суд во время громкого процесса о перевозе наркотиков, оружия и нелегальных эмигрантов через границу.

Отец благодарно прошепчет, что нет.

А это потому, продолжите вы, что, как сын, вы чтите заветы отца быть законопослушным гражданином своей прекрасной страны.

Когда отец зальется слезами гордости и упадет вам на грудь, вы заметите мимоходом, что быть правильным гражданином своей страны нужно каждый день. А быть правильным именно сегодня вам мешает отсутствие 20 долларов на билеты в кино, плюс попкорн и напиток.

Ручаюсь, вы получите все тридцать. При этом отец будет провожать вас до двери и пытаться дать еще денег. Но вы откажетесь, напомнив ему о семейной традиции бережливости.

В чем смысл этого примера?

Он в том, что в обычной жизни, вы совершаете сложнейшие пристройки к партнеру для получения нужного вам результата. Эти пристройки вы делаете легко, практически не замечая.

И это не удивительно. Они работают естественно, для того чтобы вам выжить.

Однажды я прочитал прекрасную книгу Вячеслава Демидова, которая называлась «Как мы видим то, что мы видим». То, что я прочитал, меня потрясло, хотя все факты, в прямом смысле, у нас перед глазами и даже внутри них.

Разве мы задумываемся над тем, что вытворяет наш глаз, чтобы мы увидели окружающий мир.

Например, мы моргаем. Слезная жидкость, выделяемая из слезной железы, строго дозированными дозами вытекает на глаз. Каплей больше – мы будем в слезах. Каплей меньше – веко не сможет бегать по сухому глазу.

Само моргание – чудо природы. Веко моргает, смывая пыль и смачивая глазное яблоко. Количество морганий регулируется автоматически.

В глазу установлен зрачок. Он, в зависимости от освещения, расширяется и сужается, позволяя нам не сжечь глаз днем и видеть бокал шампанского вечером. Нам не нужно вертеть в руках сложный фотоэкспонетр – глаз все делает автоматически.

Внутри глаза – хрусталик. Он меняет толщину в зависимости от того, на что вы смотрите, и наводит резкость на глазное дно. А уж там колбочки и палочки преобразовывают свет в сигналы, которые, наконец, передаются мозгу, который и сообщает вам, что вы вот уже полтора часа стоите на платформе, а поезда нет, и не будет, потому что железнодорожники опять объявили забастовку.

Вдумайтесь, какая совершенная система.

Обидно только, что моей дочери она необходима не для того, чтобы любоваться творениями Боттичелли, а для того, чтобы пялиться на своего мотоциклиста и его ужасный мотоцикл.

А не менее совершенную, божественную систему слуха, которую можно описывать месяцами, моя дочь так же бездарно использует для выслушивания его пошлых комплиментов.

Ну, да ладно, вернемся к делу.

Все эти чудеса природы, как мы видим, дарованы нам божественной эволюцией. Без малейшей затраты сил они помогают нам выживать как физически, так и социально. И все это необходимо для того, чтобы получить результат, необходимый нам в данный момент.

Помните, я упоминал Станиславского, который говорил о правде жизни и правде сцены.

Поговорить с другом в теплой компании очень просто и естественно. Поговорить с ним в присутствии тысяч людей, которые слушают каждое твое слово, и не упасть в обморок – это уже быть специалистом, который обладает профессией говорить публично.

Казалось бы, чего проще. Ты сидишь в кафе, на столе зажженная свечка, в углу негромко играют музыканты, мимо все время пробегает раздраженный официант. Все, как всегда. И в этой чудесной обстановке, вы с другом беседуете о блистательной победе вашей футбольной команды.

Но теперь поступим иначе.

Арендуем зал, выставим свет, посадим сбоку оркестр. Найдем хорошего артиста, умеющего изображать раздраженного официанта. Зажжем бутафорскую свечку.

Потом позвоним вашему другу и попросим его прийти. Посадим его рядом с вами, нальем в бокал хорошего виски, например канадского «Crown Royal», и предложим поговорить на ту же спортивную тему. При этом рядом со столиком поставим телекамеру, за которую поставим телеоператора.

А потом крикнем: «Начали».

После этой команды, на девяносто девять процентов, произойдет следующее: ваш друг покраснеет, выпучит глаза и забегает глазами. Далее, щедро облившись потом, он залпом выпьет бесплатный виски и выбежит из студии.

Потом, когда вы его поймаете в кабинке туалета, он будет вам долго объяснять, что почему-то у него не получается, что он боится, и ему мешают все эти люди. И особенно телекамера. Но если ему еще нальют виски, то он готов повторить, но не ручается.

Повторять и тратить хороший виски на вашего друга бессмысленно, потому что алкоголем это не лечится.

У актеров это называется «зажим», и актеры-студенты избавляются от этого несколько семестров в театральных студиях.

Вы все это испытывали, когда ваши бесчувственные родители ставили вас на стульчик

и произносили фразу: «А сейчас наш Стиви расскажет нам стишок!» Эти изверги не понимали, что рассказать этот стишок маме в ухо перед сном – это одно, а на стульчике, когда на вас пялятся две толстые незнакомые тетки, – это совсем другое.

Искусственность ситуации, сконцентрированное внимание на вашей персоне, боязнь сделать что-то не так полностью выключают ваши естественные пристройки. Вы начинаете косить глазом на публику и думать: а как я выгляжу? Боже, я не там поставил стакан! а почему этот человек, в массивной оправе, так строго смотрит на меня?!

Конечно, это провал. Разговора о любимой спортивной команде не получится.

Вы спросите, а причем тут ведущий? Ведь он может говорить о чем угодно и когда угодно.

Истинная правда. Но проблема в том, что его собеседник не может. У него другая профессия, он не привык к эфиру.

Он появляется в студии в лучшем костюме, который он не надевал два года. Этот костюм жмет.

Он тщательно подготовился, всю ночь писал тезисы того исторического десятиминутного интервью, которое он должен вам дать. Писал он это «для того, чтобы не забыть все самое важное, ведь вы можете спросить о чем угодно». Бумаги, правда, не особо нужны, все известно наизусть, ведь вопросом рекультивации вырубленных лесов он занимается последние двадцать пять лет и знает каждое дерево в лицо.

Но торчащий перед носом микрофон или пять операторов в телестудии, а еще страшнее, пятьдесят человек массовки ток-шоу мгновенно превращают вашего гостя в умственного инвалида.

Почему я так подробно описываю эти физиологические казусы? Да потому, что каждый день к вам будут приходить люди, которых вам нужно научиться приводить в чувство, для того чтобы интервью с ними не стало позором для вас.

И эту задачу можете решить только вы. Если вокруг пришедшего гостя будут перед эфиром танцевать и успокаивать хоть сто человек, он, увидев вас, снова впадет в панику. И все начнется сначала.

Однажды мой друг, кстати, журналист, рассказывал мне, как его пригласили на интервью с одним популярным ведущим. Я не упоминаю имени ведущего, потому что не хочу его позорить.

Там все было следующим образом: сначала один из редакторов во время грима долго объяснял моему другу круг вопросов, которых коснется ведущий.

Потом друга провели в другую комнату, где дали чашку кофе и где другой редактор стал спрашивать, что думает мой друг по поводу вопросов, которые ему зададут. То есть редактор требовал предварительных ответов на будущие вопросы, которые еще не были заданы.

Моего друга это взбесило. Он спросил, где ведущий, кстати, его хороший знакомый. Редактор ответил, что программу записывают пакетно, ведущий только что записал пятую, он устал и отдыхает.

Потом они пошли в студию по коридору. Одна из дверей была приоткрыта. Мой друг мимоходом заглянул в нее. Оказалось, что это была гримерка ведущего. Сам ведущий лежал на диване и ел яблоко, вперившись взглядом в потолок.

За минуту до записи этот ведущий появился в студии, обтирая салфеткой губы. Рядом с ним семеня редактор, что-то шепча ему на ухо. Наверное, объяснял, что думает мой друг по поводу его предстоящих вопросов.

Ведущий плюхнулся в кресло, широко улыбнулся своей потрясающей улыбкой, которую так ценят разведенные дамы среднего возраста, и крикнул: «Поехали!»

Именно это слово, напомним, сказал космонавт Юрий Гагарин, когда его ракета оторвалась от Земли.

После этого слова Гагарин совершил первый полет в космос и навсегда вписал себя в мировую историю.

Выкрикнув это же слово, ведущий, о котором идет речь, вписал себя в ряды профнепригодных журналистов.

Вы скажете, а что он сделал? Ведь формально он не совершил ошибок. Он знал гостя, он знал тему. Ну, устал немного человек, поэтому лег и съел яблоко. В чем проблема?

Все просто. Проблема в том, что считать целью его работы. Если то, что выстроенные в очередь объекты его интервью будут раздраженно ожидать своего часа, чтобы ответить на его вопросы, для того чтобы он заработал деньги – это одно.

Если целью было пригласить собеседника для того, чтобы в непринужденной обстановке поговорить о жизни – это совсем другое.

Такого разговора у этого ведущего не получилось, даже не потому, что мой друг был раздражен высокомерным отношением и невниманием к себе, раз уж его пригласили. Дело в том, что у моего друга в тот день болел зуб. Но он поехал на интервью, потому что хорошо относился к ведущему.

– А почему ты не сказал, что у тебя болит зуб? – спросил я.

– Кому, редактору? А зачем? Чтобы он передал это ведущему? Абсурд!

Действительно, абсурд. Если у моего друга болел зуб, то это, конечно, не значит, что ведущий должен это учитывать и начинать интервью с выражения сочувствия другу. Более того, вопросы о количестве пломб во рту друга и состоянии его кариеса для публичной дискуссии, как мы помним, тоже не приветствуются.

Понятно, что главное, что было необходимо моему другу в тот момент – это неподдельный и живой интерес ведущего к его персоне.

Согласитесь, каждому человеку есть, что рассказать о своей жизни. Человек хочет выговориться.

Более того, я видел несколько потрясающих телевизионных программ, которые я бы назвал «Простые истории». В них обычные люди рассказывали о своей жизни, и от этого невозможно было оторваться.

Но я знаю, как корреспонденты делали эти программы. Они приезжали и четыре дня жили вместе с этими людьми.

Они вместе ходили в магазин и в школу за ребенком.

Само интервью писалось потом, когда они понимали, что перед ними за человек, какой вопрос ему можно задать, а какой нет.

С другой стороны, тот, кто давал интервью, в разговоре был более чем откровенен, потому что привык к журналистам и доверял им. Он понимал, что они действительно интересуются его жизнью, а не забежали на пять минут, чтобы пожужжать камерами и убежать в свою уютную столицу.

Вот почему программы получились.

Вот почему зрители, как и я, не отрывали глаз от экрана, качали головами и восхищенно спрашивали друга, как же удалось заснять такие невероятные монологи.

Возвращаясь к истории с интервью и моим другом, отметим, что у него не было особых желаний. Ему нужно было свидетельство настоящего, а не формального интереса к своей персоне. Но этого не было.

И ведущий получил то, что заслуживал.

Формальные ответы раздраженного человека.

И нечего обижаться.

Итак, давайте отметим и твердо запомним, что главной составляющей начального этапа интервью является обязательное налаживание между вами и гостем той атмосферы непринужденности и доверия, которое бывает между двумя беседующими людьми в реальной жизни.

Помните, что даже на исповеди, люди, чаще всего, идут к знакомому священнику.

Давать кому-то интервью – это всегда подставляться.

Спросите себя, кем же вам нужно быть в жизни, чтобы гость, увидев вас в первый раз, тут же в эфире рассказал вам что-то личное, необычное и интригующее. Почему он должен

быть откровенным?

Не будьте наивными, вспомните предыдущие главы. Он будет это делать только, если это нужно ему, используя вас.

Теперь плотнее поговорим о ваших гостях.

Конечно, у каждого гостя свои резоны дать интервью. Для любого человека приятно общественное внимание.

Есть целые категории гостей, с которыми проблем не бывает вообще. Это политики и артисты. Политики сразу начинают говорить о светлом будущем, а артисты рассказывать о концертах, спектаклях и фильмах. И у тех, и у других уже есть заготовленные модули их рассказов. И когда они, наклонившись к вам, вдруг восклицают: «Ну хорошо, так и быть, у вас особая программа, и я именно вам открою этот секрет!..», не обольщайтесь. Полчаса назад ваш гость говорил это же в соседней студии другому ведущему.

Скажем прямо, беседа с подобными гостями, это не интервью. Вас просто используют. Политики и артисты идут в эфир, когда им надо. Мои продюсеры не раз говорили мне, что такой-то политик придет ко мне, но только поближе к выборам. А продюсеры артистов назойливо требовали эфир, когда звезда выпускала новый альбом или фильм.

Конечно, если вы Ларри Кинг, или подобный ведущий первой мировой десятки, то к вам придет любой гость по первому зову. Для гостя это как прием у королевы. И если ведущий провинциальной станции, после визита заезжей звезды, долго рассказывает о впечатлениях и показывает подаренный плакат с росписью, то, в случае с Ларри, свои впечатления рассказывает уже гость. И, приехав домой, он, под восхищенные крики домашних, лепит фотографию, где он обнимается с ведущим, на самое видное место – на дверцу холодильника.

Но все это далеко не типично. А типичная ситуация другая: вам, далеко не Ларри Кингу, поручено взять интервью у некоего гостя, далеко не Умберто Экко.

Умберто Экко, если вас к нему пустят, вам все расскажет сам, причем половину слов, которые он произносит, вы не поймете.

В других случаях вам придется попотеть.

Кстати, одна из самых блестящих мировых интервьюеров Барбара Уолтерс в своем бестселлере «Пробы» («Auditions») шутиливо отметила два незаменимых качества для начинающего ведущего.

Мочевой пузырь, как у верблюда. Способность не потеть.

Но мы с вами не Уолтерс, поэтому запасаемся большим количеством свежих наглаженных рубашек. По одной на каждую программу.

А что касается первого пункта, то тут я вам ничем не могу помочь.

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ И ГРУСТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Я сделал эксперимент.

Я обратился к моим коллегам, мнение которых ценю и которых считаю прекрасными интервьюерами, чтобы они рассказали мне, что такое идеальный объект интервью.

Вот их ответы.

ОЛЬГА БЫЧКОВА.

Я люблю брать интервью у гостей, с которыми можно говорить на все темы одновременно.

В разговоре я люблю объемность. Мне нравится, когда человек говорит серьезно, но потом внезапно уходит в сторону. Он рассказывает какую-то историю, а потом возвращается к теме. Он как будто путешествует по разным этажам беседы. Для такого человека нет проблем, играючись, выстраивать удивительные логические звенья.

Я поняла, что часто не имеет значения, с какой целью пришел человек, какова, собственно, цель моего интервью. Если в человеке есть интеллект и артистичность, то интервью обязательно получится.

Однажды ко мне пришел директор компании, которая устанавливает лифты, и я его спросила, что его компания делает для того, чтобы лифты не портили вандалы. Он стал рассказывать, но так артистично и темпераментно, что выломал поручни кресла, на котором сидел. После интервью он аккуратно положил их на стол и долго извинялся.

Я ему все простила, потому что он был ярчайшей личностью.

СЕРГЕЙ БУНТМАН.

Я люблю брать интервью у людей, которые понимают, что в разговоре есть ритм.

Каждый гость приходит с какой-то магистральной идеей. Я ценю тех, кто может и ответить на вопрос, и отобразить этот ответ на фоне своей магистральной идеи. Я люблю брать интервью у людей, которых я бы назвал «шероховатыми». К этим людям есть через что подключиться. У них как будто множество всяких штепселей, разъемов и входов. Такой гость работает с тобой в паре, как абонент. Он не декларирует, а чувствует, что тебе необходимо. И вы выстраиваете интервью вместе, ступенька за ступенькой.

Я бы предложил такой образ: есть гости, которые сидят к тебе лицом и говорят только с тобой. Есть другие, они развернуты на аудиторию, ты им не особенно важен. Я же люблю третьих: они сидят как будто вполоборота. Они понимают, что, с одной стороны, они разговаривают со мной, а с другой с аудиторией.

Кстати, ведущему совсем нелишне быть в интервью тоже вполоборота. Брать интервью у гостя, но помнить, что аудитория стоит за твоей спиной.

Так считают мои коллеги.

Мне кажется, что они сказали очень важные вещи.

Они нарисовали портрет идеального объекта интервью.

Я полностью присоединяюсь к их идеалу.

Я бы мечтал, чтобы ко мне приходил специалист по разведению кроликов, но чтобы наша беседа начиналась с цитат Паоло Коэльо.

Мягко коснувшись проблем выбора корма для крольчат; мы бы оценили качество последних; переводов современных французских поэтов, наиболее удачно упоминавших в своих стихах фауну. Мы бы коснулись поэтический образа кролика, как объекта наслаждения гурмана в произведениях Дюма. После тонкого анализа пищевых витаминизированных добавок к корму, мы бы обсудили удачный показ последней коллекции модельера Жана Поля Готье, где он эпатажно, но экстравагантно, монтирует кроличий мех с кусками чугуна. А закончил бы гость тем, что все сильнее и отчетливей на первое место выходят проблемы экологии и защиты неотъемлемых прав кроликов на их личное счастье, *бурное* размножение и социальную защиту.

Я готов ночью украсть роскошный мотоцикл у мотоциклиста моей дочери, и отдать его такому гостю. Но таких гостей я не встречал. Более того, я убежден, что таковыми могут быть либо марсиане, либо джидай из «Звездных войн» («Star Wars») Джорджа Лукаса.

Я завидую джидаям, они живут 800 лет, и у них есть возможность хорошо подготовиться к любому интервью.

Возможно, такие гости и существуют, но ходят они не ко мне, а к Ларри Кингу.

Наверное, их привлекают его подтяжки. Возможно, они думают, что он подарит их, как личный сувенир.

А наша с вами реальность грустна – к нам придут местные звезды, не блещущие образованием Сорбонны.

Возможно, к вам залетит какая-то импортная птица. Но, чаще всего, ее визит посвящен какой-то премьере, концерту или политическому пиару. Какие бы вопросы ей не задавали, она вас не запомнит. Ей важно отбарабанить нужный текст, чтобы вы бежали покупать новый альбом или посмотрели фильм.

Мы с женой очень любим джаз. Это совсем не те крики хип-хопа, под которые моя дочь отбывает на прогулку со своим мотоциклистом. Мы с женой слушаем качественную музыку, а Эл Джарро – наш любимый джазовый певец. Он много раз был у меня на интервью, жена была рядом, и мы потом вместе выпивали. Вся наша квартира увешана

фотографиями, где жена то его целует, то обнимает.

И вот, через три месяца Эл снова приезжает и приходит, как всегда, на интервью. При встрече жена кинулась к нему, но он не узнал ее, что жену несколько обидело. Жена пошуршала перед его носом предыдущими фото, и он все вспомнил, правда, неуверенно.

Но когда Эл не узнал мою жену в свой четвертый приезд, она жестко сказала, почему-то мне, что не потерпит конкуренции, и даже предположила, что, наверное, изменит ему с другим джазовым певцом, Майклом Френксом. Они, правда, незнакомы и никогда не виделись, но Френкс моложе, и у него, как надеется жена, лучшая память.

Итак, следует прежде всего запомнить, что вы будете брать интервью у самых разных людей. Часть из этих интервью, будут носить служебный характер: местные политики, работники хозяйственных служб и т. д. Другая часть – это звезды разных видов, которым есть что рассказать, но которые забудут вас через минуту после окончания интервью. Ясно, что эти люди далеки от идеалов, которые нарисовали мои коллеги и я в своей кроличьей фантазии.

Понятно, также, что эта правдивая, но малоприятная картина, может загнать вас в меланхолию. Но мы договорились, что я говорю вам правду. Следовательно, вопрос состоит в том, как не сойти с ума от этой прозы и превратить ее в поэзию. Как получить удовольствие от интервью и сделать его, хоть немного, профессиональным.

Как я уже сказал, нужно избежать типичных ошибок, которые бесчисленные поколения журналистов повторяют снова и снова.

Давайте развенчаем несколько мифов об интервью, которые мешают нам работать.

МИФ ПЕРВЫЙ: НУЖНО ОБЯЗАТЕЛЬНО «РАСКРЫТЬ» ГОСТЯ. И КОМУ-ТО ЭТО УДАЛОСЬ

Все новые и новые поколения молодых журналистов, как легенду о карте, с сокровищами Флинта, твердят фразу, что они должны «раскрыть» гостя.

Они, наверное, представляют себе это так. Вечереет.

В студии ведущий и гость. ВЕДУЩИЙ. Привет.

ГОСТЬ. Привет. Сегодня у нас будет необычная передача. Я тебя вижу впервые и больше не увижу. Но, именно в твоём эфире, я расскажу такое, что не рассказывал никому и никогда. Ты узнаешь, сколько у меня внебрачных детей, как я уклоняюсь от налогов, и какие нехорошие сайты в Интернете я люблю смотреть.

ВЕДУЩИЙ (*удивленно*). А почему вы мне решили это все рассказать? Может не надо?

ГОСТЬ. Надо! Я вчера услышал, что журналисты «раскрывают» гостей. И что это главная задача интервью. Поэтому, чтобы не мучаться, я решил раскрыться сам. Вроде бы я умный и взрослый человек, поэтому трудно объяснить, почему я должен говорить тебе о том, что я, обычно, скрываю. Наверное, один твой вид меня так обаял, что я сошел с ума. Так что завещаю тебе мой дом в Испании, потому что, после всего, что я тебе тут рассказываю, они мне больше не понадобятся. И зови полицию и психиатра.

Конечно, этот разговор так же фантастичен, как и идиотский миф, что в интервью можно кого-то раскрыть.

Вначале зададимся вопросом, а что это значит «раскрыть»?

Вот перед вами человек, которого все знают. Он бизнесмен или артист. Он давал бесчисленное количество интервью. У него существует устойчивый медийный образ.

Чего вы хотите от него добиться?

Если исходить из понятия «раскрыть», то получается, что он почему-то должен рассказать какие-то свои секреты. Но почему?

Возможно, мифотворцы имеют в виду не секреты, а нечто другое.

Часто говорят, что ведущий показал гостя «с неожиданной стороны».

Но я вновь задаю вопрос: а что это означает этот тезис?

Если вы собираетесь брать интервью у Билла Гейтса, то нужно ли выпытывать,

собирает ли он бабочек?

Может, лучше поговорить о Windows?

Далее, Билл Гейтс дал за свою жизнь сотни интервью. Вы уверены, что ни в одном из них, он не говорил, что любит бегать с сачком по полю?

Вы читали все его интервью?

Далее. Если понятие «раскрыть гостя» ценится, как высшее достижение в деле интервью, то как определить, что вы гостя действительно раскрыли?

Кто судья? Ваш товарищ по работе? Дежурный при входе на вашу станцию, который часами смотрит телевизор?

И это не все вопросы.

Вот главный: означает ли мифическое «раскрытие гостя», как высшее достижение, что вы должны обязательно получить какой-то эксклюзив? И что если гость не рассказал вам что-то необычное, то вы должны, схватив его за пиджак, требовать, чтобы он признался, сколько на самом деле он потратил на свою яхту?

И если он не скажет, то жизнь потеряна, и вы будете уволены?

Полный бред!

Одна из типичных ошибок молодых журналистов, что они становятся жертвами излишних знаний. Они открывают Интернет и просматривают сто пятьдесят последних интервью гостя.

Из этих интервью они, к ужасу, узнают, что гостя уже давно обо всем спросили еще три года назад. Эти молодые журналисты почему-то уверены, что вся аудитория тоже читала и видела все эти сто пятьдесят интервью, и помнит их наизусть.

Далее, все идет к своему трагическому концу: у журналиста появляется мнение, что и гость читал все эти интервью и дословно помнит, что и где он говорил. И если журналист задаст похожий вопрос, то гость, который, кстати, страдает полной амнезией еще с детства, вдруг обидится и уйдет.

Абсолютная глупость. Никто ничего не помнит.

Давайте прочитаем эту фразу: «Сегодня Президент России Владимир Путин встретился с Президентом Соединенных Штатов Джорджем Бушем».

Вам ничего в этой фразе не кажется странным?

Нет, я не имею в виду, кто сейчас стоит у руля двух стран, а совсем другое.

Обычная фраза, не так ли?

Хорошо, давайте теперь я напишу эту фразу иначе: «Сегодня Путин встретился с Бушем».

Не правда ли, вторая фраза звучит неестественно. Более того, представить себе, что вторую фразу могут сказать в новостях, невозможно.

Но, давайте зададим себе вопрос, а почему?

Разве аудитория не знает, какую должность занимали эти люди?

Разве аудитория не знает, как их имена? Зачем все время это напоминать?

Так вот, это делают потому, что, по статистике, до двадцати процентов аудитории, смотрящих новости, не помнит, что Буш и Путин Президенты. А процент тех, кто не помнит их имена, еще выше. Вот одна из главных причин, почему все говорят полностью. Ну и, конечно, так говорят, потому что лидеров нужно уважать.

Миф о необходимости «раскрытия гостя» так же вредоносен, как компьютерный вирус.

Однажды я приехал в провинциальный город, и меня позвали на местный телеканал. Перед эфиром я поинтересовался у симпатичной девушки-ведущей, на какую тему мы будем говорить. Она загадочно усмехнулась и сказала, что это будет для меня сюрпризом.

Обратите внимание: она не поняла, что совершила первую ошибку. Она думала, что я обрадуюсь такому ходу, но я насторожился. Я стал лихорадочно вспоминать, был ли я в этом городе раньше, и что я мог тут натворить в годы бурной молодости.

Фантазия рисовала самые мрачные картины: в студию вбегают многочисленные дети и с криками: «Папа, папа!» вешаются мне на шею. Одновременно входят какие-то женщины,

объясняющие, что я их муж. А неизвестные кредиторы размахивают долговыми расписками с моей подписью.

К счастью, это был не прямой эфир, а запись. Ведущая села рядом со мной, достала стопку бумаг – было видно, что она готовилась, и начала передачу.

Действительность превзошла все мои мрачные ожидания.

Коротко представив меня, ведущая сказала, что все меня хорошо знают.

Это было правдой.

Все привыкли к классическому интервью, сказала ведущая, но подобная форма явно не подходит такому оригинальному журналисту, как я. Ведь у меня брали сотни интервью. И это было правдой.

Поэтому ведущая ласково улыбнулась, она мне предлагает игру в ассоциации. Она будет называть слова, а я должен ассоциативно начинать рассказ о себе, руководствуясь чувствами, которое у меня вызовет это слово.

И далее, не дав мне открыть рот, ведущая произнесла: «Барабан».

И замолчала.

Вдумайтесь, я летел в этот город четыре часа на самолете. Гостиница была плохая, кровать жесткая и узкая. Из крана текла сомнительная вода. Все бросив и не отдохнув, я побежал на интервью.

Я хотел рассказать о своей работе. О том, что люблю людей провинции, которые не потеряли человеческий вид из-за круглосуточного сидения в Интернете.

И вот передо мной сидит девушка и говорит: «Барабан».

Я не знаю, какого ответа она от меня ждала, и почему она сказала именно это слово. Но клянусь, оно не рождало у меня никакой другой ассоциации, кроме сладостной картины, что я стучу по ее голове барабанными палочками.

– А какие у вас еще слова? – спросил я.

– Разные, – мило произнесла девушка. – Сирень, пистолет, крем для ног. У меня всего тридцать слов. Я хотела поговорить с вами полтора часа. А потом бы мы взяли лучшее.

– Я хочу предложить вам другую игру. – сказал я. – Она называется «игра на выбывание».

Я хочу сыграть с вами в эту игру, потому что не хочу умереть прямо в студии.

– Как интересно, – сказала ведущая. – А в чем суть?

– Суть в том, что вы выбываете из студии, и на ваше место садится кто-то другой.

Девушка обиделась и убежала. Через пять минут на ее место сел хмурый человек средних лет, на ходу поправивший только что одетый галстук.

– Простите, она из начинающих, – коротко сказал он. – Сколько у вас свободного времени?

– Немного, – сказал я. – Я очень устал с дороги. А сколько мой эфир будет на выходе?

– Пятнадцать минут, – сказал человек. – Это страница телевизионного журнала. Давайте так, я делаю вступление и один вопрос. Дальше вы.

– Хорошо, – сказал я. – И давайте писать под прямой эфир, чтобы не резать. Когда будет 14 минут, скажете.

Мы начали запись. Ведущий коротко представил меня и спросил, почему я приехал. Я начал рассказ, переходя с темы на тему.

За всю запись ведущий задал мне три вопроса: первый – о цели приезда, второй – часто ли я езжу в провинцию и зачем. И третий – можно ли ждать от меня новых проектов, и какие они будут.

На четырнадцатой минуте ведущий сказал: «К сожалению, у нас осталась минута». Этим он предупредил не только зрителей, но и меня. Я стал поглядывать на большие студийные часы, и через минуту мы закончили разговор.

Мы писали ровно пятнадцать минут. Когда мы вышли в коридор, он коротко попрощался и сказал, что ему надо бежать – он заведующий отделом, и у него начинается летучка.

– Я рад встрече с вами, – сказал я. – Обожаю профессионалов.

– Спасибо, – сказал он. – Приезжайте.

Профессионализм этого ведущего состоит в том, что он правильно оценил все обстоятельства.

Он понял, что я устал, но готов к разговору. Но мучить меня не желательно.

Он объяснил мне, что мы будем в эфире пятнадцать минут. И это очень важно. Это позволило мне определить необходимую плотность разговора, о чем подробно речь пойдет чуть позже.

Он знал, что я не новичок, и понимал, что я сам могу все рассказать. Поэтому он не мешал мне, но задал точный и необходимый вопрос о приездах в провинцию. Тем самым он дал мне возможность сделать необходимые комплименты его городу так, чтобы это не выглядело навязчиво.

Последний вопрос также был точен. Это классика интервью. Гость должен рассказать о своих новых проектах.

И еще одно. Он взял на себя труд следить за часами, освободив меня от необходимости все время косить взглядом. Но последняя минута была на мне. Я должен был в нее уложиться, ведь мы договорились писать под прямой эфир.

Потом я спросил, что делает этот человек. Мне сказали, что он заведующий отделом спортивных программ.

Это многое объясняло. Спортивные журналисты очень конкретны, как и сам спорт. В их работе ничего лишнего.

Его, как профессионала, было видно сразу. Он быстро оценил мое состояние, как вы помните, об этом я говорил, и это очень важно. Он знал формат и сразу понял, что в пятнадцати минутах на выходе не может быть более трех вопросов.

Логика тут проста – пятнадцать минут разделите на три. Получается по пять минут на тему. Если вашего собеседника не нужно тянуть за язык, то это оптимальное время развернутого ответа на вопрос, с возможным уточнением внутри этого отрезка. Что и было исполнено. Не забудем, что ведущему еще нужно поздороваться с гостем и попрощаться. Это еще на минуту меньше.

Теперь об этой милой девушке. Она, наверное, как и многие новички, хотела «раскрыть меня», избрав такой диковинный ход.

Безусловно, формы интервью могут быть разными, и ход «ассоциаций» не возбраняется. Более того, эта девушка могла бы сделать такую передачу, и она могла быть популярной. Но все всегда упирается в извечные вопросы: где, когда, с кем, и сколько.

В данном случае она явно неверно оценила ситуацию.

Итак, подведем итог обсуждения этого мифа.

Как человек, давший множество интервью и взявших их огромное количество, я ответственно заявляю, что постановка задачи «раскрыть гостя» – это глупость и ложная цель.

Потому что для меня абсолютно очевидно следующее:

Я никогда не скажу в эфире то, что не хочу говорить, даже за деньги.

Я лучше всех знаю свою биографию, свою жизнь и планы. У меня нет уголовного прошлого и темных пятен в биографии. Меня невозможно поймать неожиданностью факта. Если у меня появятся темные пятна, то я перестану ходить на интервью. Если я предполагаю или у меня появится ощущение, что ведущий имеет какую-то другую цель в нашем разговоре, он немедленно будет прекращен.

Я не буду играть в какие-то игры, потому что, давая интервью, у меня две цели. Если это интервью обо мне, то я должен создать свой самый положительный образ, несмотря на любые вопросы. Я должен показать себя не таким, какой я есть на самом деле, а таким, каким я хочу, чтобы меня представляли. Чем чаще я, как гость, употребляю фразу «Скажу вам откровенно...», тем меньше откровенности будет в моих словах.

Если это интервью, где со мной говорят, как с политическим аналитиком, то я коротко отвечаю на вопросы, относящиеся к конкретной политической ситуации. Все попытки

перевести разговор на меня или заставить сказать что-то о других, не относящееся к теме беседы, мною немедленно будут пресечены.

Если у меня появится необходимость сообщить аудитории какую-то специальную информацию, то я попрошу какого-то друга-журналиста взять у меня интервью. Я объясню ему цель этого интервью и конкретный вопрос, который он должен мне задать. И он это сделает четко и конкретно.

Я сказал вам правду, как поступаю я.

Уверяю вас, что все остальные, если они нормальны, поступают так же.

Я призываю молодых журналистов не обольщаться. Никто никогда не скажет вам лишнего, потому что для гостя вы случайная страница в его биографии. И не следует переоценивать значение своей персоны. Предполагать, что ваша белозубая улыбка или короткая юбка развяжут гостю язык, так же наивно, как верить фразе гостя, что он скоро вновь сюда приедет.

Но неужели, спросите вы, не бывает примеров, когда гость удивительно откровенен, и ты, глядя на экран, как будто видишь его свежо и неожиданно.

Конечно, этих примеров множество. Но для этого нужны особые обстоятельства.

Великий русский актер Зиновий Гердт был всеобщим любимцем, особенно среди богемы. Его талант рассказчика был непререкаем. Особо поражала его манера внимательно слушать собеседника и громко хохотать, если собеседник сказал что-то смешное.

В последние годы жизни он делал телешоу «Чай-клуб».

К нему на дачу приходили его друзья – самые известные люди страны, и они говорили о самом разном, о смешном и грустном.

Все сидели у камина, а на столе стоял чай.

И гости Гердта раскрывались всегда по-новому. Они говорили про свои радости и печали, о которых до этого не говорили никому.

Но они раскрывались не для аудитории, а для Гердта.

Они безмерно доверяли этому человеку. Все они знали его много лет. Они понимали, что он интеллигентен и корректен. Они знали, что он никогда не позволит себе бестактности. По сути, Гердт просто создавал тончайшее пространство для разговора, поэтому разговор получался сам собой.

Раскрыть гостя – это не значит выбить из гостя нужный результат.

Раскрыть – это значит дать раскрыться.

Когда гостю удобно и комфортно, когда он доверяет тебе, когда интеллектуальный уровень собеседников равен, то происходит магия общения. И ей не могут помешать пять телеоператоров и сто человек в студии.

МИФ ВТОРОЙ: ЕСЛИ Я НЕ БУДУ ЯРКИМ, ТО Я ПОДСТАВКА ДЛЯ МИКРОФОНА, И Я НИКОГДА НЕ СТАНУ ЗНАМЕНИТЫМ

Однажды, во времена «холодной войны», когда в космос полетел первый американский «Шаттл», Советский Союз решил создать что-то подобное. Особой необходимости в этом не было, потому что космическая программа СССР развивалась совсем по другому пути. В стране были хорошие ракеты, на которых космонавты летали в космос и возвращались.

Но любая диктатура тем и восхитительна, что способна положить любое количество жизней и денег ради пустой затеи.

Увидев «Шаттл», в СССР решили, что негоже пропускать Америку вперед, и дали указание сделать свой челнок.

Я не знаю, сколько денег и усилий потратили на его разработку, но приказ был выполнен. Русский корабль назвали «Буран».

Челнок без экипажа под управлением команд с Земли взлетел и успешно приземлился.

Газеты и телевидение захлебнулись восторгом, но на этом все закончилось.

Совершенно не имеет значения, почему «Буран» больше не взлетел.

Но абсолютно ясно, что он не взлетал, потому что пропаганда и реальная жизнь – это две разные вещи.

Потом судьба «Бурана» переросла в фарс. Вначале он стоял на космодроме, потом в развлекательном парке, где дети заходили внутрь поглазеть на чудо техники. Потом прошло время, и он из объекта поклонения превратился в грудку ненужного железа. А недавно я читал, что его перепродали за границу, в какой-то другой парк развлечений.

В этом и абсурд авторитарных режимов: то, что есть – засекречивается, а когда его уже нет, то это показывают, чтобы убедить, что оно существует.

Какой бесславный конец великой идеи и гигантских усилий.

Вы спросите, а причем тут интервью?

Вначале поговорим о двух примерах.

В России и в Украине есть популярный артист Андрей Данилко, который использует на сцене комичный образ женщины-проводницы в железнодорожном вагоне. Это очень талантливое «One Men Show», которое неизменно пользуется успехом. Артист сам пишет тексты, поет песни, и все это смотрится весьма гармонично.

Но он решил развить свой образ и на одном телевизионном канале сделал программу, в которой были установлены декорации купе поезда, а напротив него сидели разные гости. То есть он брал интервью, но от имени своего персонажа у окна купе крутились компьютерные пейзажи. Ведущий, размахивая гигантскими искусственными грудями, беседовал с гостями. Гости беспомощно озирались. Они не знали, как отвечать. Они не могли говорить так же смешно, как артист, и все время чувствовали себя в проигрыше.

Еще один подобный пример – это программа MTV «Ali G шоу», где Саша Барон Коэн в образе репера Ali G тоже брал интервью. Как все помнят, он приглашал настоящих специалистов и ученых, и в образе тупого репера разговаривал с ними о любых проблемах, в том числе и научных.

Все это было комично, но эти передачи в конце концов умерли.

Я не знаю, сколько платили гостям у Коэна, но я бы ни в одну из таких передач не пошел за любые деньги. И не потому, что я боюсь участвовать в каком-то шоу.

Проблема в том, что я там просто не нужен. Конечно, существует такая форма гостевой проституции, когда ты ходишь по интервью без разбора, но я ею не страдаю.

Эти ведущие использовали гостей исключительно для успешного существования своего персонажа. Им было все равно, что я думаю, как отношусь к заданным вопросам, и что я хочу на них ответить. Главными в их шоу были именно они и их придуманный герой. И все, кто приходил, были только трамплином для их шуток.

Выглядело это приблизительно так.

ШОУМЕН В РЕПЕРСКОЙ ШАПОЧКЕ. Ну, это, а вот Земля. Она же, кажется, неподвижно висит, да? Или стоит. По-моему, она на слонах стоит или на китах. А Солнце, типа, вертится вокруг. Да?

В зале хохот.

ГОСТЬ ПРОФЕССОРСКОГО ВИДА. Нет, Солнце неподвижно, и вокруг него вращаются все планеты. А что касается Земли, то китов и слонов нет.

Почему-то раздаются аплодисменты. Наверное, это благодарность ученому за то, что он знает, что вокруг чего вращается.

ШОУМЕН. Теперь я понимаю. Вот у меня была одна девочка, она тоже у меня кое на чем крутилась. Ну, точно как Земля.

Профессор краснеет. Зал хохочет. Аплодисменты!..

Кстати, когда я обсуждал эту программу с семьей, то мнения разделились.

Теща сказала, что эта программа – позор нации. Во время ее молодости, при Рузвельте, такое с трудом можно себе было представить. А сейчас все дорожает, телевидение деградирует, и мир катится в пропасть.

Жена подошла к проблеме с другой стороны. Она сказала, что возражает против такой модели программы, потому что, как ей кажется, этот гость-профессор готов выскочить из

своей шкуры от злости. Его, конечно, жалко. Но что делать, если за это платят большие деньги, и в программе столько рекламы. Жена напомнила мне, на какой машине ездит Саша Барон Коэн, и в каком доме он живет. Если мне предложат вместо Коэна вести подобную программу, заявила жена, я должен немедленно согласиться. А всякую эстетическую чепуху нужно выкинуть из головы.

Что касается дочери, то она сказала, что это «классный прикол», и ее мотоциклист обещал ей достать билеты на запись этого шоу.

С трудом сдерживаясь, я спросил, чем именно нравится дочери это шоу.

Дочь ответила, что больше всего она ценит в нем познавательность.

Например, из прошлого выпуска она узнала, что Земля крутится вокруг Солнца. Кажется, так? А из другого выпуска она узнала, что вода испаряется. И потом когда идет дождь, он состоит из той же воды.

Это удивительно, заключила дочь. Когда она рассказала об этом факте своему мотоциклисту, он был удивлен не меньше ее.

Но оставим мою дочь, которая вместе со своим дружкой движется в обратном направлении эволюции, и вернемся к главной теме.

Я не зря рассказывал вам о русском космическом корабле и двух шоуменах.

Космический корабль, не летающий в космос, таковым не является.

Интервью, которое в себе не содержит его сути, таковым можно считать только по названию.

И русское железо, и перечисленные телевизионные придумки одинаково обречены на провал по одной общей причине: они придуманы для оригинальности, не содержат сути жанра, на который претендуют, и смотрятся как прелестная шутка, не более.

Тысячи молодых ведущих считают, что гостя нужно встречать в морском скафандре, вести интервью, надев тыкву, оставшуюся от Хеллоуина. А на финальной фразе высыпать на жертву два мешка мелкого конфетти.

Все это моя дочь называет «прикол». И, как ни странно, я бы хотел зацепиться за это ее определение.

Оно довольно точно отражает суть проблемы.

Когда молодой журналист думает о том, как брать интервью, он смотрит те программы, которые уже существуют. Их множество, и молодого человека удручает, что в них нет разнообразия.

Действительно, два человека сидят и разговаривают.

Но, спрашивает себя молодой журналист, не чуждый ощущению времени и ярких форм, почему я должен делать что-то похожее?

Размышление тут такое: я молод, и только начинаю карьеру. Все интервью, которые я вижу, грешат главным недостатком: ведущий в них – пустое место. Он подставка для микрофона. Он красиво одет, причесан и задает вопросы. Но аудитория не запомнит вопросы, а запомнит ответы.

Представим себе мое будущее, говорит себе журналист. Вот я веду получасовое, регулярное интервью. Я успеваю задать, в крайнем случае, десять вопросов. Но я задаю их только лишь для того, чтобы гость на них долго и подробно отвечал.

А как же я? Ведь я образован не меньше, чем гости. И часто я могу ответить даже интересней, чем они. Неужели в таком эфирном забвении, мне и предстоит провести молодые годы, плавно переходя к пенсии?

– Нет, этого не будет. Я отхвачу свое! – решает ведущий.

И далее с молодым журналистом происходят чудовищные вещи.

Например, я знаю программу, где очень образованный журналист не дает рта раскрыть своим гостям. Он берет интервью, но перебивает их каждую секунду. Его невозможно в этом упрекнуть, потому что он делает правильные добавления, по сути, но слушать его программу невозможно, потому что он говорит столько же, сколько они. Но, если гости всегда новые, то мысли ведущего повторяются, и его уже можно ненавидеть за излишние знания.

Уродливым придумкам нет конца. На одном из телеканалов вдумались в обычную фразу «политическая кухня». И решили, что она может быть в виде кухни на самом деле. И появилась передача, где один политик берет политическое интервью у другого, но параллельно они готовят, к примеру, суп из шампиньонов.

Выглядит это умопомрачительно.

ПОЛИТИК-ВЕДУЩИЙ (*помешивая воду*). А что вы думаете, коллега, по поводу вздорожания цен на основные продукты питания, и то, что старики окончательно перешли на хлеб и воду?

ПОЛИТИК-ГОСТЬ (*засыпая в воду шампиньоны, крупные куски мяса и травы из швейцарского высокогорья, которые он лично там сорвал*). Мне жалко стариков, но они сами виноваты, что мало работали и не скопили на старость. Но я думаю, что после летнего отпуска и отгулов, мы вернемся к этой теме в парламенте.

Кстати, коллега, а вы приготовили к моему супу белое вино?..

Если эта передача и запомнится аудитории, то только чувством народной ненависти, которое рождается при просмотре этих кадров.

Имеет ли эта программа отношение к жанру интервью?

По форме да, по сути нет. Однажды я видел, как один журналист брал интервью у гостя во время прогулки на пони. Ведущий был маленький, ему было удобно, а ноги гостя волочились по земле. Видимо, гость не был предупрежден, что его ждет такое счастье, поэтому он пришел на съемку в хорошем двубортном шерстяном костюме и теперь, обливаясь потом, пытался удержаться на пони, вцепившись в его мохнатый загривок.

– Лошади – это моя любовь с детства. Я их обожаю! – радостно говорил ведущий, гарцуя на своей лошадке. – Если бы не телевидение, я бы был конюхом. Кстати, сейчас мы проедем круг и пересядем на арабских скакунов, предоставленных нашим спонсором!..

У гостя волосы стали торчком, как загривок у пони.

Думаю, что мысль моя вполне понятна, и не зря моя дочь называет подобное «приколом». Ведущие «закалывают» своего гостя, не объяснив за что.

Я полагаю, что этому ведущему лучше быть конюхом, потому что он не понимает, что у гостя, сидящем на арабском скакуне, если он не жокей, интервью взять невозможно.

Можно лишь записать его прощальный крик, когда он свалится в канаву.

Итак, всем тем, кто издевается над гостями, во имя своей оригинальности, я хочу сказать, что они могут делать что хотят. Могут ловить рыбу, одеваться трансвеститом или косить траву сенокосилкой, представленной спонсором.

Сути это не поменяет, и результат будет один.

Когда-то в будущем, моя дочь встретится со своим мотоциклистом, который будет сидеть в Синг-Синге, готовясь к казни.

– А ты помнишь того парня, который брал интервью, прыгая с гостем в высоту с шестом? – спросит мотоциклист, звеня кандалами. – Он ведь, как и я, печально закончил. Его насадило на его же шест. Теперь он, как шашлык, лежит в больнице. Как же его звали?

– Ты знаешь, не помню. Помню, что прыгал, но как его зовут, не помню, – ответит дочь. – Кстати, мой папа передавал тебе привет. Как он сказал, прощальный.

Итак, почему все помнят имена хороших интервьюеров, хотя они не ездили на лошадях, не входили с гостем в мартеновскую печь и не готовили барбекю.

Все просто. Потому что они брали интервью не по форме, не по названию, а по сути.

В комнате, за обычным столом, они задавали вопросы о том, что волнует общество.

Они предлагали гостям высказаться о самых важных проблемах и делали это изо дня в день.

Постепенно аудитория стала привыкать, что регулярно, в одно и то же время, они узнают, что думают о жизни самые интересные люди.

Гости, со своей стороны, увидели в ведущем неподдельный интерес к их персоне.

Постепенно ходить к этим ведущим стало хорошим тоном, а потом и модой.

Итак, подведем итог состоятельности этого второго мифа.

Это, действительно, только миф. Миф чрезвычайно вредоносный и разрушающий журналиста изнутри.

Для меня вывод однозначен: ведущий, понимающий, что интервью – это момент истины для всего общества, никогда не будет подставкой для микрофона.

Наоборот, это целый институт гражданского доверия.

И именно поэтому он знаменит.

Общество уважает именно тех, кто задает нужные вопросы.

МИФ ТРЕТИЙ: ГЛАВНОЕ СЕСТЬ И НАЧАТЬ ГОВОРИТЬ, ОСТАЛЬНОЕ САМО СРАСТЕТСЯ

Когда молодой журналист получает наконец свою передачу, то он считает, что вечность у него в кармане. И неудивительно: он молод и образован, он обаятелен и время у его программы в прайм-тайм. У него небольшой штат сотрудников, среди которых администратор и гостевой редактор. Последний особенно ценен, ибо работал в других компаниях. И у него полно телефонов разных нужных гостей.

Молодой журналист счастлив. Он уже прочитал пару глав моего учебника и понимает, что ему нужно для интервью. Более того, на местной радиостанции у него уже есть своя подобная передача. И он предполагает, что просто пересядет с одного кресла в другое. Разговаривать с гостями он умеет, поэтому проблемы не будет. Лишь бы гость пришел и в кресло сел.

А что, спрашивает молодой журналист, разве нужно что-то еще?

Чтобы ответить на этот вопрос, я поступлю следующим образом.

Давайте представим, что этот журналист пригласил в свой эфир именно меня.

Так вот, для меня лично всегда важно знать максимально детально все обстоятельства будущей записи. Это не прихоть.

Каждая деталь может обеспечить комфорт передачи либо его разрушить.

Вот почему этому журналисту я начну задавать некоторые вопросы.

Я всегда выясняю, где именно будет запись. Это нужно не только для того, чтобы спланировать день. Это нужно для расчета времени дороги, и понимания, как вернуться от заторов, и рассчитать оптимальный путь до студии.

Я спрашиваю, буду ли только я гостем или сколько человек будет в студии вместе со мной. Это необходимо, чтобы понять, падает ли вся нагрузка в передаче на меня или я только одна из сторон возможной дискуссии.

Согласитесь, это важно: если в передаче десять гостей, то я скажу по несколько фраз, два или три раза.

Если же я один, то нужно хорошо подготовиться к данной теме, ибо именно я буду освещать вопрос с разных сторон. И тогда перед эфиром мне нужно изучить, кто и что говорил по этой теме.

Эта разница ощутима на таком примере: если вы приглашаете несколько человек в политическую дискуссию, то у вас есть разные позиции, и каждый защищает свою. Если же вы приглашаете одного политолога, то он должен объяснить все, что происходит с самых разных сторон.

Разница более чем очевидна.

Далее, я интересуюсь, как оформлена студия: она темная, светлая или цветная. Я не довольствуюсь фразой «мы не знаем, вас осветят как надо». Мне важно знать, как мне одеться, чтобы не потеряться на фоне декораций. На это можно не обращать внимания, но я обращаю. Я хотел бы на экране выглядеть лучше.

Затем, я спрашиваю, как будет одет ведущий.

Это тоже важно.

Если он надевает пиджак и галстук, то я буду одет так же. Если мне скажут, что он сидит в расстегнутой рубашке, то я надену легкий летний пиджак. Ведь согласитесь, если

ведущий и другие гости будут в летних рубашках, а я в мрачном тяжелом костюме, то мой облик вызовет удивление и непонимание аудитории, что отвлечет от дискуссии.

Далее, я интересуюсь, жарко ли в студии, какие там осветительные приборы.

Казалось бы, ну зачем мне знать какой там свет? Ведь это не мое дело, мое дело говорить в кадре.

Такой ход мыслей – еще одна ошибка молодого журналиста. Для него это не важно, а для меня принципиально.

Студия студии рознь.

Иногда в студии, вместо современных осветительных приборов «кинофло», которые дают ровный заливающий свет, но почти не греются, еще висят старые осветительные приборы с обычными мощными лампами. Теперь посчитаем, сколько киловатт на вас будет направлено.

Понимает ли журналист, пригласивший меня на эфир, что я, не совершивший особенно много грехов, фактически, буду сидеть на сковородке?

Так разве я не должен быть об этом предупрежден и соответственно одеться?

Из-за подобного света в студии, я несколько раз попадал в очень сложные ситуации.

Несколько раз моим гостям становилось плохо, из-за жары. Их приводили в чувство, более того, они требовали продолжить запись. Я продолжал, из уважения к их стойкости. Но качество интервью при этом было нулевое.

Еще более невероятная история произошла со мной, когда на интервью ко мне пришла очень известная русская актриса Ирина Мирошниченко.

Она всегда тщательно следит за тем, как выглядит на экране.

Ирина села напротив меня, посмотрела на монитор и потребовала, чтобы прибор за моей спиной, который светил на нее, опустили ниже, так как он давал на ее лицо ненужные тени.

Прибор опустили.

Актриса снова посмотрела на монитор и потребовала опустить его еще ниже.

Так его опускали и опускали, пока он не оказался почти за моей спиной.

Нужно сказать, что это был старый огромный прибор с нечеловеческих размеров лампой внутри.

Мы начали запись, и я чувствовал, как пот струей течет по моей спине. Я сидел, как будто прислонившись к печке.

Должен заметить, что меня никто не предупреждал, что мы будем снимать при таком свете, и я надел костюм, конечно же, без учета условий съемки.

Когда запись окончилась, мы встали и пошли в гостевую комнату.

Вошел я туда с единственным желанием: немедленно снять ненавистный пиджак.

Я попытался это сделать, но не тут-то было: спина пиджака не гнулась.

Ощущение было такое, что между моим пиджаком и спиной кто-то просунул ровную доску.

Я позвал костюмера, и, с его помощью, буквально вывалился из пиджака.

Когда мы его рассмотрели, то оказалось, что вся его спина, плечи и задняя часть рукавов превратились в камень, как будто пиджак окунули в жидкий цемент. При этом все эти окаменевшие места пиджака сияли недружелюбным зеркальным блеском.

В моем любимом фантастическом романе Клиффорда Саймака «Почти как люди» («They Walked Like Men») герой встречает инопланетян, которые хотят захватить землю. Вообще-то, инопланетяне выглядят как милые шары для бильярда, но, при желании, могут превратиться во что угодно. Так вот, герой хочет открыть свой шкаф, где висит его одежда, но слышит за дверцей шорох. И он понимает, что его любимая рубашка в цветочек, уже не совсем рубашка. А любимый галстук уже тоже не галстук. И лучше на шею его не повязывать.

Так вот, мой пиджак, как будто повисел в том самом шкафу.

Оказалось, что желание Ирины Мирошниченко получить наилучшую картинку сыграло

со мной злую шутку.

Как помнят люди, чуть постарше поколения «пепси», одно время была модна одежда с большим количеством синтетики. Это считалось последним пискom моды. Считалось, что хлопок морально устарел, жутко выглядит и вообще годится только на мешки.

Это было в тот самый период, когда все думали, что завтра будут жить на Марсе, что Россия и Америка наконец станут друзьями, а машины можно будет заряжать от домашней розетки.

Мой пиджак был из синтетики и от мощной лампы расплавился.

Волокна потекли по спине и превратились в однородную массу.

Потом, когда я встал и отошел от лампы, все застыло опять.

Но это уже был не мой пиджак, а пиджак из романа Саймака.

Я пострадал, но исключительно по своей вине, потому что не смог правильно оценить ситуацию в студии. Но это было мне уроком.

Но вернемся к моим вопросам, по поводу предстоящего интервью.

Я продолжаю терзать пригласившего меня журналиста и спрашиваю, есть ли в ней, студии, кондиционер, и можно ли поставить недалеко воду и салфетки.

Я предполагаю, что могу вспотеть во время записи или эфира. И тут можно поступить по-разному. Вам может помочь гример, либо вы можете держать салфетку.

Салфетка выглядит на экране, как белый маленький платочек, и лучше ею убрать пот, не останавливая запись и не зовя гримера. Когда вы достаете салфетку, то режиссер, обычно, включает другие камеры, и вы не попадете в кадр, пока не закончите приводить себя в порядок.

Моим обязательным условием будет то, чтобы меня посадили подальше от ледяной струи студийного кондиционера. И это не прихоть. Я не знаю, как другие, но я не раз и не два уходил из студии простуженным. Мое время стоит денег, и случайная запись, которая, кстати, не оплачивается, не должна сорвать мои завтрашние планы.

Замечу, что я все это детально перечисляю не просто так. Это не монолог эгоиста.

Вспомните предыдущую главу, и мое объяснение, почему интервью не получится, если гость чувствует себя неудобно.

Запомните, все, что я сейчас перечислил, вы, или гостевой редактор, должны оговорить со своим будущим гостем сами, даже если он вас об этом не спросит. А он, вряд ли спросит, потому что он только гость, а не опытный телеведущий.

Но, если вы не обсудите эти детали перед съемкой, то в кадре гость, увидев, что он надел не тот костюм, будет думать во время интервью только об этом.

А если его посадят под кондиционер, то всё интервью он станет думать только о том, чтобы от него увернуться, и как он будет, потом, неделю болеть.

В подготовке интервью нет мелочей. Сэкономив время, поленившись и не обговорив детали, вы получаете раздраженного гостя, не готового к беседе.

Вы забыли предупредить гостя, в чем нельзя приходиться в телестудию, и он, конечно же, приходит в рубашке и галстуке в мелкую полоску или в пиджаке в мелкую клетку. В результате, на экране немыслимая рябь, и на гостя напяливают рубашку и пиджак оператора, который на три размера меньше.

Вы забыли сказать гостю, что его будут снимать в полный рост, и он приходит в ужасно грязных туфлях на толстой подошве. Ему не приходит в голову взять сменную обувь, а на улице ранняя весна, и он шел по лужам и талому снегу. И, конечно же, перед съемкой выясняется, что только что ушел человек, у которого хранятся всякие штуки, которыми можно эти дурацкие туфли привести в порядок.

В результате, на фоне декораций и потрясающего света, на которые ваша компания потратила миллионы, сидит гость в этих кошмарных туфлях и коротких носках. Причем, носки не черные, а канареечного цвета. И между ними и брюками видны его волосатые цыплячьи ноги.

Ужасно тут не только то, что всю эту картину увидит ваше начальство, и вам

обеспечено долгое и неприятное объяснение. Дело в другом: эту картинку в мониторе увидит сам гость. Он расстроится, и дальше будет думать не о том, как лучше ответить, а о том, как лучше выглядеть. Он будет ерзать ногами, пытаясь спрятать туфли, и одергивать брюки, пытаясь скрыть носки. А о самом интервью и о сути разговора он будет вспоминать только в редких паузах, отвлекаясь от своего основного мучительного занятия.

Но это только начало его позора, ибо дома, перед телевизором, в предвкушении триумфа, сидит вся его семья. А видеомagneтофон уже давно включен на запись, чтобы не пропустить начало.

Что будет дальше, вы уже представляете. Я знаю несколько случаев, когда приходилось закрывать программы, потому что гости отказывались в них ходить. И вот пример.

Моего друга, прекрасного ведущего, пригласили в программу на один из телеканалов, чтобы он брал интервью. Ведущий имел большой телевизионный опыт. Поэтому, когда ему показали проект декораций, он сказал директору канала, что ожидаются большие проблемы. Он заметил, что передача скоро умрет, и показал пальцем на рисунок декораций. И сказал, что вот этот предмет (он показал какой) нужно срочно заменить. Директор канала посмотрел на этот предмет, подумал и сказал, что мой друг преувеличивает опасность. Важно не то, где говоришь, а с кем говоришь и какой ведущий, весомо сказал директор. Потом он пояснил, что все уже заказано и даже изготовлено. И программа пойдет в эфир через две недели.

– И проживет столько же, – пробормотал про себя мой друг.

Эфир начался, а уже через неделю гостевые администраторы стали жаловаться директору, что с гостями началась проблема. Гости были не против прийти в программу, но они спрашивают, нельзя ли для них заменить один предмет, который стоит в кадре. Именно тот, на который указывал мой друг.

Директор расстроился. Он пригласил моего друга в кабинет и стал спрашивать, что делать. Он намекал, что у моего друга большой авторитет, и он должен повлиять на гостей.

Мой друг сказал, что никому звонить не будет, и что отказы гостей – это не звездная прихоть. И если директор хочет полностью снять проблему, то он должен убрать этот предмет.

Директор опять подумал и согласился.

Предмет заменили, и отказы прекратились.

Вы спросите, что же такое ужасное может стоять в кадре, что гости отказываются идти в передачу.

Все просто: это обыкновенное глубокое кресло, в которое их сажали.

В предыдущих главах, я уже писал о необходимости комфорта для гостя.

Нет комфорта – нет интервью.

В данном случае мы с вами должны понять, что на интервью к моему другу ходили не только бейсболисты и фотомодели.

Для подобных категорий гостей не составляет труда сидеть где угодно и как угодно. У них отличные фигуры, и любая одежда смотрится на них идеально.

А теперь представим себе политика или бизнесмена, лет за сорок.

Это упитанная фигура и торчащий живот.

Что должен сделать такой человек, чтобы сесть в глубокое кресло.

Он должен расстегнуть все пуговицы на пиджаке, потому что в застегнутом он сидеть не может – мешает живот. И застегнутый костюм комично надувается.

Итак, он сел, и что же он видит на мониторе. Тот английский костюм, который ему сшили на заказ за несколько тысяч долларов, и который скрывал все недостатки его фигуры, вдруг распахнулся и исчез, и на первое место вышла его полнота.

Но и это не все. На переднем плане картинки почему-то оказываются все те же проблемные моменты – туфли и носки.

Упоминание мною этих деталей одежды вам может показаться назойливым, но я снова и снова напоминаю:

Правда жизни и правда сцены – две разные вещи.

Для беседы в жизни носки не важны. На экране только на них и смотрят. Не у каждого гостя есть свой стилист или костюмер.

Гости почти никогда не берут с собой специальную обувь для эфира.

У гостей, даже летом, чаще всего нет специальных черных туфель на очень тонкой подошве, а именно такая обувь смотрится нормально на экране.

Но еще большая проблема у женщин. Они всегда недовольны своей внешностью. И главная проблема для них – это ноги. Они всегда сравнивают свои ноги с ногами певицы Тины Тернер и понимают, что проигрывают. Тогда они надевают для эфира длинные юбки. Но их сажают в глубокое кресло, юбка поднимается, и их ноги оказываются в мониторе на первом плане. Далее начинаются комплексы по поводу того, что они надели не того тона колготки, и прочие расстройства.

Мужчина-ведущий, особенно холостой, то есть фатально непонимающий тонкостей женской психологии, должен учитывать, что ваша гостья, придя к вам в эфир, решает две сложные проблемы: она дает вам интервью и производит впечатление на женскую часть аудитории. И часто для нее второе важнее первого.

Однажды ко мне на интервью пришла модная, в некоторых кругах, поп-певица, которая, по непонятной мне причине, все время держала одну руку возле лица. Она жестикулировала ею, поднимала и опускала. Но рука все время была в кадре.

Потом, к середине интервью, я понял, в чем дело. У нее на пальце было кольцо с огромным камнем, и она все время показывала его аудитории. Поскольку такое до этого я встречал только в кинокомедиях, меня это жутко взбесило.

Когда я вечером рассказал про это своей дочери и назвал это идиотизмом, потому что эта девица испортила интервью, дочь мило улыбнулась и сказала, что интервью на самом деле, испортил я.

Моя дочь пояснила мне, что у этой певицы новый ухажер – нефтяной магнат, которого она подцепила на какой-то вечеринке. Он только что развелся, и его предыдущая стерва вырвала у этого красавца половину его нефтяных вышек. Но половина осталась. А этот магнат обожает, чтобы рядом с ним было что-то смазливое и якобы поющее. Поэтому логично, что теперь рядом с ним эта певица.

Он все время ездит по Европе, а когда приезжает, то, чтобы не видеть ее обиженных надутых силиконовых губок, дарит ей очередное кольцо с камнем.

Оказывается, пояснила дочь, это знают все, потому что этим заполнены все гламурные журналы. И, оказывается, истиной целью прихода этого одноклеточного завывающего чудовища в мою передачу, было не рассказать о своих песнях, а показать кольцо, чтобы все ее подруги, кто еще не подцепил нефтяных бизнесменов, СДОХЛИ от зависти.

Но, к сожалению, добавила дочь, я все время мешал этой гламурше показывать кольцо своими ненужными вопросами. И эти очевидные вещи не поняли только два человека – я и ее чурбан мотоциклист.

Но если бы все ограничивалось этим случаем.

Я был свидетелем, как моя теща, вместе с женой, смотрели историческое интервью принцессы Дианы, где она рассказывала правду о своих отношениях с принцем Чарлзом. Так вот, они так и не услышали трагическую историю ее жизни, потому что всю передачу обсуждали ее наряд и украшения.

Потом после того, как интервью закончилось, и они пришли к выводу, что наряд ни к черту не годится, они позвали меня, чтобы я пересказал им содержание.

В общем, если вы не понимаете женскую душу, то вам придется, вместо настоящих женщин, приглашать трансвеститов.

Но вернемся к моему другу, неправильному креслу и проблемам с его шоу.

Так вот, мой друг прекрасно понимал, что все посмотрят пару выпусков этого шоу, как говорят в бизнесе, «оценят риски» и примут окончательное решение туда не ходить. И всему мешает ерунда – это глубокое кресло.

Тут есть два выхода: бесконечно обговаривать с гостями все детали их туалета,

успокаивать и уговаривать их. Либо менять декорацию.

Но как поменять?

Я сам оказался перед таким выбором, когда продюсировал на одном из каналов еженедельную спортивную аналитическую программу.

В кадре сидели два прекрасных, очень известных спортивных журналиста. Но они были журналисты, а не спортсмены. Поэтому их фигуры были далеки от совершенства. Более того, к ним приходили гости, бывшие спортсмены, которые, покинув спорт, удивительным образом потеряли спортивный облик.

Телекомпания предоставила нам студию, в которой стояли глубокие диваны. Я насторожился, потому что понял, что произойдет.

Мы посадили на диваны ведущих и гостей.

И вы уже понимаете, что мы увидели.

На экране сидели трое грузных располневших мужчин и рассуждали о спортивных рекордах.

Это малоаппетитное зрелище не имело никакого отношения, ни к нормальной телевизионной картинке, а уж тем более к спорту.

Конечно, можно было заменить этих ведущих на молодых.

Более того, так чаще всего и поступают. Не менять же декорации из-за чьего-то большого живота. Но для меня, как продюсера, было важно сохранить именно их, потому что они были прекрасными журналистами.

Я добился от дирекции, чтобы им поставили круглый стол и обычные кресла.

Я потребовал, чтобы они надели костюмы и галстуки, несмотря на то, что эта передача о спорте, и она идет в вечернее время. Я дал указание, чтобы гостевые редакторы предупреждали гостей, что ведущие будут одеты в костюмы, и они тоже одевались соответствующе.

Проблема была снята.

А теперь посмотрите внимательно на передачи крупных известных каналов.

Вы увидите, что они стараются показывать всех гостей средним планом, до пояса.

Ведущий может быть показан во весь рост, но это не удивительно. Он тщательно одет, и за его внешностью наблюдает целая команда канала.

Что касается гостей, то практика показала: именно поясной план компромиссен. Любой гость может надеть пиджак и галстук. И если он сидит за столом, то все остальные проблемы решены. Мужчина может застегнуть и продемонстрировать свой великолепный костюм, а женщина не забудет взять кое-что из своих украшений, которые она, кстати, давно не надевала. Итак, подведем итог.

Миф о том, что главное в интервью – это начать говорить, и если вы талантливы, то все само собой срастется, это миф, не более!

Я вновь повторяю, что в интервью не бывает мелочей. Гость говорит хорошо и по делу только тогда, когда вы обеспечили ему максимальный комфорт. Не считайте гостя телевизионным профессионалом. Вспомните, даже вы, после отпуска садясь в эфир, немного волнуетесь. А каково тем, кто приходят в эфир раз в два года?

Я подробно акцентирую внимание на этих мелочах, потому что это не мелочи.

Думаю, вас не сразу возьмут на Fox или ABC. И вначале вам обязательно придется поработать в маленькой компании, где забота о хорошем расположении духа и комфорте вашего гостя будет исключительно вашей личной задачей.

Исполнение этой задачи имеет еще один плюс – это будет хорошая физическая тренировка.

Моя дочь утверждает, что ее мотоциклист неплохо развил свою фигуру, потому что его мотоцикл всегда ломается посередине дороги. И дальше он тащит его на себе.

Вам не нужно будет носить на себе мотоцикл, вы, конечно же, более приличные люди, но вам и не нужно будет ходить в спортзал. Потому что ежедневное таскание чемодана со сменной обувью, чехла с модными костюмами и пакета с десятью парами длинных носков,

разовьют вашу мускулатуру.

И девушки-гримерши, наконец, начнут стрелять глазками и в вашу сторону.

МИФ ЧЕТВЕРТЫЕ ПИШИ ИНТЕРВЬЮ ПОБОЛЬШЕ, ПОТОМ ВЫБЕРЕШЬ НУЖНОЕ

Однажды ко мне пришли с одного телеканала, чтобы записать передачу о моих любимых книгах. Я люблю такие передачи. Это прекрасная возможность вспомнить книги, которые меня сформировали, полистать их пожелтевшие страницы и порассуждать, как изменилась жизнь вокруг меня, и как изменился я сам.

Я собрал все мои любимые книги. Не все книги сохранились у меня, поэтому я брал, некоторые из них, у друзей. Кое-какие книги детства я наново купил в магазине.

Мы писали программу два часа, а когда закончили, ведущая сказала мне, что все получилось очень хорошо. Я рассказал достаточно, чтобы выбрать самые лучшие куски, ведь программа будет идти двадцать шесть минут.

Я посмотрел на журналистку. Ее глаза излучали океанское спокойствие. Она не понимала, что она профнепригодна. И что она загубила передачу.

Она верила в еще один журналистский миф.

Наполовину он состоит из святой веры в ваш магнитофон, в пленку и монтажный стол.

Во второй половине этого мифа позорно болтаются ваша неуверенность, непонимание того, что вы делаете с гостем, и ощущение беседы, как похода в супермаркет, где нужно накидать продукты в корзину на месяц вперед.

В конце этого мифа ожидает своего часа огромная лопата, которой вы хороните свою программу.

Попробуем разобраться почему.

Проведем эксперимент: посадите перед собой свою бабушку и, чтобы не дать ей возможность давать вам привычные советы, расскажите ей историю вашего дня. Расскажите, где вы были и что делали, познакомьте с подробностями и оценками ваших действий и с тем, кто и что вам сегодня рассказал.

Но перед этим дайте в руки вашей бабушки часы и предупредите, что вы должны уложить весь свой рассказ в десять минут. И как только истечет очередная минута, вы просите бабушку давать вам сигнал.

Итак, вы начинаете.

У вас есть достаточно времени, чтобы описать все события дня. Вы подробно описываете завтрак, толчею в метро и даже поездку к бабушке. То, что вы поехали к ней под сильным нажимом родителей, вы корректно не упоминаете.

Но времени у вас столько, что вы успеваете рассказать бабушке все, и даже то, что вы заехали к Джорджу, и этот осел ушел за пять минут до вашего прихода. А вам нужно было, наконец, забрать у него пару музыкальных дисков, которые он уже месяц держит у себя и не отдает.

Итак, вы заканчиваете рассказ, и у вас еще остается пару неиспользованных минут.

Вы выводите вашу бабушку из радостной комы, в которую она впала, потрясенная вашим подробным рассказом, и радуете ее снова.

Вы говорите, что уважаете ее почтенные года и провалы в памяти, и специально в честь вкусного клубничного пирога, который стоит на столе, вы готовы повторить рассказ, но уже в сокращенном виде, за две минуты.

Бабушка азартно хватается за часы и дает старт.

Зная, что у вас всего две минуты, а рассказать вы должны обо всех событиях дня, вы будете сжаты и конкретны. Некоторые события вы обозначите двумя словами: «Потом я забежал к Джорджу, но его не было». Вы даже не назовете Джорджа ослом, хотя он им является, и не упомянете, что он ушел, вас не дождавшись, уже в третий раз. То есть это правда, но у вас на эти детали нет времени.

Вы будете очень стараться, но, когда ваша бабушка выкрикнет, что время закончилось, вы вряд ли успеете уложиться.

И дело не в мстительной бабушке, которая за ваши редкие визиты украла у вас целую минуту, а в том, что за две минуты тяжело описать весь день.

Но мы не будем искать виноватых, а обратим внимание на то, что оба раза вы рассказывали одну и ту же историю по-разному.

И разной у вас была не только плотность изложения, но и, что самое главное, плотность мысли.

В реальной жизни вы пользуетесь этим механизмом автоматически.

Моя жена за трехминутной чашкой кофе успевает рассказать своей подруге не только обо всех моих последних выявленных недостатках, но и о том, что она снова ездила на озеро Комо. И там опять рассматривала дом Джорджа Клуни, но уже в мощный полевой армейский бинокль, который купила за двадцать долларов на распродаже имущества в близлежащем военном городке. Там, кстати, недорого продавались еще какие-то ракеты, но жена их не взяла, потому что они стоили по восемьдесят пять долларов за пару. Они были большие и грязные, но тем не менее их оптом купили какие-то бородатые иностранцы.

Все это моя жена укладывает в минуту, в оставшиеся две отвечает на уточняющие вопросы, и у нее с подругой еще остается время, собственно, на кофе.

Итак, в жизни вы всегда мгновенно ориентируетесь в обстоятельствах и мыслите, и излагаете все, что необходимо, с нужной плотностью, с учетом имеющегося времени.

Но вспомним важный тезис: эфир – это профессиональная реконструкция жизни, которую зритель не должен заметить.

Что вы хотите от интервью?

Каждый раз разное.

Кто-то выпустил книгу, кого-то неожиданно назвали отцом, и он теперь в прострации, а от кого-то вы хотите большое интервью, потому что вам дали ощутимое пространство в журнале, или у вас есть свободный час в эфире.

Если речь идет о маленьких форматах, то там, даже если вы новичок, вам понятно, что делать. Интервью одной темы, как маленькая заметка. Вам, как я надеюсь, не придет в голову, беседуя с боксером о его вчерашней победе, спросить, что он думает о клонировании овец. Вы благоразумны, и помните, что челюсть у вас одна, а количество зубов строго ограничено.

Но как только вы получаете пространство эфира и свободную тему, то в вас вселяется дьявол. Помахивая рогами, которые, обычно, у молодых журналистов появятся несколько позже, дьявол говорит следующее:

– Парень, ты, наконец, договорился про интервью с этим высокомерным болваном, которого тем не менее многие по ошибке называют звездой. Вспомни, сколько мучений ты перенес, пока он дал согласие. Как тебе пришлось унижаться, чтобы твоя родственница, которая приходится ему свояченицей, нажала на него. Ты даже возил ее на речку, чтобы она подышала свежим воздухом. Вспомни, как она стояла на мостике и ворчала, что ты специально привез ее в плохую погоду, и как ты сдерживал себя, чтобы не столкнуть ее в воду. И вот твой звездный миг! Эта звезда дает тебе целый час разговора. Не будь дураком, потрать этот час как надо. Ты уж потроши его так, чтобы потом сделать из этого материала не одно, а двадцать одно интервью, пять сценариев для Голливуда и детский комикс.

Помни, ты должен наконец стать богатым!..

И молодой журналист приходит к звезде, достает диктофон и блокнот и задает «главный ошибочный вопрос любого молодого журналиста».

О том, что этот вопрос нельзя задавать, написаны диссертации.

Лучшие преподаватели журналистики тратят семестры занятий, чтобы предостеречь студентов от задавания этого вопроса, подробно объясняя пагубность его смысла.

В научных журналах можно обнаружить статьи, что этот вопрос пагубно действует на экологию.

Молодого журналиста предупреждают, что, услышав этот вопрос, объект интервью начинает биться в истерику и выгоняет журналиста вон или начинает его презирать до конца жизни. Объект это делает потому, что начинает чувствовать себя героем моего любимого фильма Гарольда Рэмиса «День сурка» («Groundhog Day»), потому что слышал его миллион раз.

Но дьявол побеждает! И молодой журналист, с остекленевшими глазами, задает тот самый «главный вопрос».

Он говорит: «ДАВАЙТЕ НАЧНЕМ С ВАШЕГО ДЕТСТВА».

Я написал эту фразу большими буквами, потому что надпись на надгробии профессионализму нужно писать курсивом.

Молодой журналист не понимает того нехорошего чувства, которое возникает в человеке, когда ему предлагают начать интервью с детства. Его невозможно описать словами, а только ошутить.

Когда Моисей сообщил евреям, что будет их водить сорок лет по пустыне, то у них было такое же чувство.

Если молодая девушка, удобно расположившись в кресле и одарив меня улыбкой, предлагает мне начать мое интервью с детства, то я тоже улыбнусь, и она никогда не узнает, что я о ней думаю. И это правильно, а вдруг она через двадцать лет разочаровавшись в журналистике, будет назначать мне пенсию.

Но вам-то я все могу сказать.

Я могу вам сказать: она думает, что жизнь началась с нее. Она почему-то не может себе представить, что о своем детстве я рассказывал уже пятьсот раз, и нового детства у меня не появилось. И меня уже тошнит от рассказа, как я вылил на себя манную кашу. Тем более что я ее не выливал и придумал эту деталь еще пятнадцать лет назад для какого-то интервью, «чтобы было весело».

Однажды великий джазовый вокалист Бобби Макферрин имел несчастье сочинить, спеть, снять клип и получить «Грэмми» за песню «Don't Worry. Be Happy». Песня вошла во все чарты, и теперь все знают эту песню, но не знают, что она, для Макферрина, побочная продукция. Этот великий мастер собирает тысячные залы, исполняя голосом классику, и поет за все инструменты один. А эту песню он считает откровенной попсой и очень ее не любит. Но зрители часто требуют, чтобы он на концертах пел именно эту песню, и даже пытаются ее танцевать прямо в зале. А он спел ее уже тысячу раз и больше, не то, что петь, а и говорить о ней не хочет.

Но молодые журналисты, не прочитав об этом, продолжают хвалить его именно за эту песню и выспрашивать, как именно он ее сочинил и что при этом чувствовал.

Так и эта девушка, о которой я веду речь. Я могу сказать, что она ничего обо мне не знает. Она поверхностно пробежала глазом в Интернете десяток моих предыдущих интервью, выписала оттуда предыдущие вопросы, поняла, что я могу на них ответить, и теперь спрашивает меня о том же.

Она не чувствует меня, она не знает, что я люблю и каковы мои интересы. Она забудет меня через минуту, после того, как уйдет. Я ей нужен не как человек, а как материал для ее заработка.

Но это, так сказать, о личном.

А теперь о профессиональном.

Она профнепригодна. Она не понимает, что с детства начинают только те, кто пишет мемуары. Либо я должен рассказать всю свою жизнь, как я ее чувствую, либо как она хочет. А хочет она «какие-то смешные истории из вашей жизни, чтобы читателям было интересно». Но разве это моя жизнь?

Она не понимает, что все, что она хочет спросить, читатели давно прочитали в других моих интервью, и, что, увидев очередной рассказ о моих детских годах, мои друзья будут думать обо мне, как о сумасшедшем.

Но ей наплевать. Она знает, что я хороший рассказчик, и она хочет поговорить со мной,

чтобы сделать:

1. Маленькую заметку для газеты в раздел «светская хроника»;
2. Большой основательный материал для ее журнала;
3. Средний материал для другого журнала о здоровом образе жизни;
4. Еще один материал для колонки «хобби» в еженедельную газету;

5. И материал в журнал, типа «GQ», в раздел «Стильные звезды», для чего с ней приехали какие-то костюмеры и стилисты, и на мне будут рубашки и пиджаки от разных модных фирм, которые увезут сразу после съемки. Но уже сейчас меня отгоняют от вешалки, чтобы я случайно не посадил на эту одежду пятно.

Эта журналистка еще ни за кем не замужем, но уже зарабатывает на мне, как Хизер Миллз на Поле Маккартни при разводе.

Так вот, я никогда не даю подобных интервью, а вам советую подобные интервью не брать.

Ваша встреча с гостем для интервью должна предусматривать виртуальный контракт. Контракт не денежный, но смысловой.

Вы должны вспомнить, что за последние пять лет жизнь полностью изменилась.

Представим, что вы все же решили взять у меня интервью. Но тут вы обнаруживаете, что в Интернете десятки моих интервью на все темы.

На различных сайтах изложено двадцать вариантов моей биографии, причем все они неправильные. А правильную я вам не расскажу.

Я пока не веду блог, но мог бы, и там я отзывался бы на любое событие «online». Но есть мои еженедельные публикации, как колумниста, из которых и так все ясно.

В Интернете вы также найдете все неприятное, что обо мне думает аудитория, и данные о журналистских наградах, которыми меня, видимо по ошибке, наградили.

Так скажите, о чем мне вам еще рассказать?

Остается только одеть в костюмы от Dolce & Gabbana.

Поймите, мне просто скучно вам рассказывать все сначала, если я это много раз рассказывал, и если это все есть рядом, и достижимо одним нажатием кнопки.

Я уверяю вас, что могу взять интервью почти у любого, вопрос только в потраченных усилиях, чтобы договориться. У меня есть набор блистательных друзей, с которыми я мог бы сделать интервью хоть завтра, и это будет общественно интересно. Но я этого не делаю, потому что уважаю их. По сравнению с тем, что они рассказали мне пять лет назад, в их жизни мало что изменилось, а все слухи и сплетни вывешены в Интернете.

Я могу прийти к ним, и спросить их «как дела?», но я знаю, как у них дела.

Я могу прийти и спросить, правда ли то, что о них пишут в желтой прессе. Но я, как и все, знаю, что это неправда, и ходить для этого к ним не нужно.

Для интервью обязательно должен быть повод, и этот повод должен быть обоюдно важен.

Тот, к кому вы идете, должен хотеть говорить в ваш диктофон не меньше, чем вы прийти к нему.

Ему должно быть интересно, и ваша главная задача угадать, о чем ему интересно говорить именно сегодня.

Это должна быть одна, очень хорошо продуманная и сформулированная тема. Она должна быть предложена за достаточный срок, чтобы человек успел подготовиться. Потому что некоторые блистательно говорят импровизационно, а другие любят писать заметки, которые цитируют во время интервью. Но их написанные заметки, потом будут бриллиантами вашего интервью, а фразы станут афоризмами.

Иногда молодые журналисты с завистью читают чужие интервью и считают, что они сделаны по благу. Бывает и так. Но иногда это необходимость – согласитесь, что интервью у генерала должен брать кто-то из военных журналистов, которые лучше разбираются в военных вопросах.

Конечно, люди стараются давать интервью проверенным журналистам, которые им

симпатичны, которые не перевернут их слова и адекватно донесут смысл.

Но поверьте мне, если у вас есть тема действительно интересного разговора и достаточно респектабельное СМИ, где интервью появится, то вы можете смело звонить любому известному человеку.

И он согласится, не спросив вашего возраста и биографии.

А если откажет, то не стоит расстраиваться, ведь отказ, это не более, чем слово «нет».

А теперь вернемся к началу, к истории передачи про мои любимые книги.

Ах, если бы вы слышали, как я рассказывал о них. Я был максимально подробен, я листал любимые страницы, сопровождая все это чтением фрагментов.

Любимые стихи я читал с придыханием, картинно закатывая глаза.

Я знал, что у меня есть время.

Жаль сознавать, что я все это делал зря.

Вспомните опыт с вашей бабушкой. В нем я продемонстрировал вам примеры разной плотности мысли и, соответственно, изложения.

Если бы эта дама предупредила меня, что передача будет двадцать шесть минут, то я бы уложился точно в это время.

Мы бы определили оптимальное количество книг, выбрали бы самые важные. Я бы рассчитал приблизительное время рассказа на каждую, и все было бы записано именно так, как надо. Я бы говорил о каждой книжке сжато, оставляя самое главное. И даже учитывая то, что передачу, обычно, пишут на двадцать процентов времени больше, чем она идет в эфире, я бы точно справился.

Но она поступила иначе. Она писала ее два часа, причем перебивала меня уточняющими вопросами.

Все это не войдет в передачу.

Она будет состоять из набора обрывков моих мыслей, не имеющих ни начала ни конца, размером в двадцать шесть минут. Просто потому, что я говорил это для другого временного формата.

Когда она уходила, то сказала мне: «С вами было так интересно!..» Я готов был ее убить.

Хотя теперь я осуждаю эту эмоцию. Но совсем не потому, что я передумал прекратить ее недолгую журналистскую жизнь, а совсем по другой причине. Если устранять всех тех, кто с улыбкой и молодым задором губит интервью, то нужно стать Рэмбо и, с мрачной улыбкой и огнем, выкосить половину молодых дарований.

Ровно в тот момент, когда я писал эту главу, моя дочь включила телевизор, чтобы посмотреть что-то в ее стиле. Как известно, сейчас на экран со своими передачами пошли модные журналы. С тем же бессмысленным задором, с которым делается их журнальное варено, они лепят свои телевизионные поделки.

И в этот раз, загнав в студию очередной десяток гламурных кошечек и парней с надписями модных марок одежды на лбу, вместо мыслей, они слепили очередной шедевр, вызывающий стойкий рвотный эффект.

Записано это было следующим образом: вначале их посадили и сказали, чтобы они разговаривали, только посмешнее. Они это и делали, демонстрируя пещерный интеллект. Периодически, от неизвестных, никак не связанных с разговором причин, им становилось смешно, и они смеялись. Потом их нехитрую беседу смонтировали, оставив, естественно, эти смешные моменты, но подклеив к другому тексту.

Лозунг передачи, как я понимаю, был таков: больше красок от «Beneton» и больше белых зубов от «Blend-a-Med».

На экране получилось следующее:

ГЛАМУР 1: А где ты собираешься отдыхать? *(Смеются.)*

ГЛАМУР 2: В Майами, там у моего папы дом. *(Плохая склейка, смех, все закатываются.)*

ГЛАМУР 3: А ты будешь кататься на яхте? *(Первый гламур вдруг впадает в истерику и*

со смехом сползает со стула.)

ГЛАМУР 2: Да, он торгует нефтью, так что купить яхту для него не проблема. *(Общая истерика, в которой неожиданно проскальзывает сказанная кем-то за кадром фраза: «Нюхать, только чтобы мама не узнала! Ой, не могу!..», ярко демонстрирующая о чем именно была эта часть разговора. И что осталось за кадром.)*

Я спросил дочь, что обозначает это телевизионное преступление, и когда этих молодых людей арестуют.

Дочь объяснила, что я слишком радикален, а смысл этой программы не в разговоре, а в новых моделях одежды, в которых все сидят. Вот, например, этот парень, – она показала на экран, где очередной гламур бился в приступе беспричинного хохота, – он сидит в свитере от Fabrizio Graziano. Это хороший свитер, пояснила дочь, и я вполне мог бы подарить ее мотоциклисту на день рождения. А слушать разговор в передаче нет смысла, добавила она, и пояснила, что вообще не слышит текст, а только смотрит картинку.

– Я пойду принесу тебе пепси, – мрачно сказал я. – Наверное твоим отцом был не я, а эта алюминиевая банка.

– Спасибо, папочка, только похолоднее, из морозильника, – пробормотала дочь, не отрываясь от экрана.

К сожалению, эта передача типична. Профессиональная журналистика вымирает быстрее, чем, в свое время, динозавры, причем без всякого мифического метеорита. У молодежи слишком много денег, у домов моделей слишком много модной одежды, а у продюсеров слишком большие аппетиты, чтобы противиться логичному перетеканию денег в свои карманы. А в заложниках оказываются те, кто случайно включил телевизор на канал, где это перетекание происходит.

Остается надеяться только на ту молодежь, которая воспринимает журналистику, как профессию, а не как способ пиара нового костюма или кроссовок.

И тут есть надежда, потому что самое лучшее интервью у меня взял один молодой провинциальный журналист. Я до сих пор рассказываю это студентам, как пример профессионализма и осмысленности.

Он пришел ко мне с блокнотом и диктофоном и сказал, что хочет мне что-то прочитать.

Я нервно попросил, чтобы чтение было недолгим.

– Послушайте, вот несколько исторических фактов, – сказал он.

Эдмунд Хилари завоевал Эверест. Конец войны в Корее. Умер Иосиф Сталин.

Александр Флеминг, открывший пенициллин, женится в возрасте 71 год.

Выходит первая книга о Джеймсе Бонде.

Первый мужчина делает операцию и становится женщиной.

В Мозамбике родился будущий тренер национальной футбольной команды Португалии Карлос Куэйрос, один из лучших футбольных технарей.

– Ну и что, – спросил я. – Я-то тут при чем?

– Дело в том, что все это произошло в 1953 году, когда вы родились, – сказал журналист. – И я хотел вам задать вопрос: как, по-вашему, с того времени изменился мир.

Я не знаю, сколько «на выходе» было мое интервью, но говорил я больше часа. И у меня горели глаза. Возможно, в основном, я говорил для себя.

Этот журналист не сосал мою кровь. Он просто дал мне несколько фактов для моей фантазии. Говорить об этом мне было необычайно интересно.

И он задал мне один конкретный вопрос.

И то, что он спрашивал, а я отвечал, не было ни в одном моем интервью в Интернете.

Он не писал интервью на века, он просто спрашивал меня о том, что ему было интересно. Но он дал мне новую, непривычную модель размышлений.

И это, поверьте, читателям будет гораздо интересней, чем очередной рассказ о манной каше, которой никогда не было.

Потом, через полгода, я был в Италии. И жена мне купила памятную открытку. На ней был нарисован младенец, держащий в руках ноты и распеваящий «Happy Birthday To You!».

Внутри было написано: «1953» и те события, которые мне перечислял тот журналист. И еще надпись: «Но самое главное, что в этом году родился ты!»

Возможно, что он где-то достал эту открытку.

Но, я его не осуждаю.

Победителей не судят.

ИНТЕРВЬЮ, КАК ТАЙСКИЙ МАССАЖ

Эта книга, как вы поняли – это во многом, книга полезных советов. Опыт любого человека бесценен, особенно если ты самокритичен и открыт для новых идей. Я уже приводил примеры, как мои коллеги понимают ту или иную журналистскую проблему, и как они решают ее для себя. Способов брать интервью – тысячи. Я когда-то напишу целую отдельную книгу, как интервью берут мои коллеги. Делают они это замечательно.

И я решил не ограничиваться собственным опытом ведения интервью, а поговорить на эту тему с некоторыми из них.

Когда я послушал на диктофоне запись, я решил, что ничего не буду менять, а просто расшифрую наш разговор. Мне это кажется правильным, потому что в простой расшифровке, как нельзя лучше, проявляется характер того, с кем беседуешь.

Моя коллега Ксения Ларина – прекрасный мастер брать интервью. Она может говорить с кем угодно, о чем угодно, но специализируется на людях искусства и разных гуманитарных темах. С необычайной легкостью и изяществом она ведет детские передачи. Согласитесь, что это не просто: когда к тебе приходит настоящая звезда или ты беседуешь с ребенком, очень важна доверительность.

Я решил спросить, как именно Ксения этого добивается.

КСЕНИЯ. В начале разговора я люблю человека полностью расслабить. Я действую, как тайская массажистка. То есть человек приходит, садится передо мной, и я начинаю рассказывать ему, какой он прекрасный, и за что мы его любим.

Я. Это лукавство?

КСЕНИЯ. Нет. Я приглашаю тех, кого люблю. Если я человека не люблю, а это не информационный эфир, а настоящее интервью, то есть, если ты не любишь человека, если он тебе неприятен, интервью не получится. Я начинаю спрашивать себя, а что меня связывает с этим человеком, даже если мы до этого не были знакомы. И обязательно, что-то находится. Может, это его книжка, может, какая-то роль. А может, мне кто-то о нем что-то хорошее говорил. Тут важно помнить, что любой человек готов бесконечно говорить на главную тему – о себе. Если я начинаю вначале разговора спрашивать этого человека о чем-то другом, он даже расстраивается. *(Смеется.)*

И вот когда гость понимает, что пришел к человеку, который о нем много знает и его любит, когда он полностью расслаблен, то вот тут-то можно задавать ему любые вопросы. Тут-то и будет главная интрига.

Я. А что это за интрига?

КСЕНИЯ. А это результат твоей подготовки. Готовясь к разговору, ты смотришь, что этот человек где сказал, в чем замечен, в чем замешан. Тут важно понять, что я вообще хочу от интервью. Поскольку мы всегда все обо всех знаем, мне интересно другое: почему человек в своей жизни, поступил так, а не иначе. Конечно, я имею в виду не личную жизнь, а общественную, ибо все наши гости какие-то общественно важные поступки совершают. Я всегда ищу какую-то драматургию разговора, а драматургия для меня всегда завязана на личном сюжете.

Я. А как ты выстраиваешь план разговора с гостем?

КСЕНИЯ. Только в голове. Когда-то я делала пометки на бумаге. Но потом поняла, что они меня отвлекают. Ты все время думаешь о своих пометках и не слушаешь собеседника.

А тут-то и главный секрет. Он в том, что если ты его по-настоящему слушаешь, то он обязательно скажет что-то такое, что тебя необычайно заинтересует, и дальнейшие вопросы

и будут той драматургией, которую я ищу. Только она будет естественной. Ты смотришь в Интернет и видишь его тысячу интервью и сотни переписанных биографий. Все уже давно не интересно. Поэтому сюжет разговора можно выстроить только на интонациях и неожиданных словах.

Я. Когда мои гости выходят из эфира, то они всегда ждут комплимента. Я его говорю, но на вопрос, получил ли я, как ведущий, от них то, что хотел, я всегда замечаю, что для меня разговор – это просто разговор. Он не имеет особой цели. А для тебя?

КСЕНИЯ. Для меня имеет. Я хочу главного – разбудить в госте эмоцию. Когда гость эмоционален, то, даже если он молчит, эта пауза слышна и читается.

У меня такое не раз было в эфире. Гость молчал, а вся аудитория замирала. Все понимали, почему он молчит. И ждали следующей фразы. То есть человек молчит, но тысячи людей понимают почему. Он думает, он ищет, что сказать. Он мучается в поисках слов. Это удивительно, когда молчание в эфире говорит больше слов.

Интервью – это всегда больше, чем слова!

ДЕТКИ, ПОРА СНЯТЬ ПОДГУЗНИК. К ВАМ НА ИНТЕРВЬЮ ЗАПИСАЛСЯ ПРЕЗИДЕНТ!

Иногда кажется, что элита – это слишком далеко и высоко. Действительно, посмотревшись модных журналов, создается впечатление, что взять интервью у настоящих звезд абсолютно невозможно.

Конечно, можно перемахнуть через забор, отключить сигнализацию, усыпить собак, парой ударов устранить охрану, выдать стекло, и, приставив муляж пистолета к голове звезды, грубо потребовать: «Ты только что снялась в любовной драме. Расскажи для моей газеты о своей роли. Только быстрее говори, а то сюда уже едет полиция!» И услышать в ответ: «Как ты меня возбуждаешь! У меня никогда еще не было такого общения с представителями СМИ. Иди поближе, красавчик, я дам тебе особое интервью!..»

Понятно, что подобные фантазии – это для сценария о Джеймсе Бонде, если авторам нового фильма вздумается временно сделать из него журналиста.

Но представим себе, что ваш дядя-сенатор, привел вас к президенту, и у вас появилась возможность задать ему пару вопросов.

Вы уверены, что сможете это сделать?

Конечно, вы гений, и, безусловно, все эти высокомерные люди вскоре будут стоять в очереди, чтобы дать вам эксклюзивное интервью. Но пока они не знают о том, что вы для них подарок судьбы, давайте поговорим о специфике интервью с подобными персонами.

Разговор этот необходим, потому что у журналистов, когда их допускают к главным людям планеты, иногда возникают разные проблемы, причем неожиданные.

Например, известно, что многие журналисты, при виде Мерлин Монро, теряли дар речи и не могли задать вопрос.

Известен неприятный случай с одним журналистом из Юго-Восточной Азии. Он очень хотел взять интервью у российского боксера Николая Валуева. Тот, кто видел Валуева даже по телевизору, помнит грустные ощущения своей малозначимости, ибо это гигант ростом 2 метра 13 сантиметров и весом 150 килограммов. Про таких говорят, что они убивают одним ударом и одним движением снимают шкуру с еще теплого соперника. Так вот, крохотный журналист подошел к Валуеву задрал голову и обмочил штаны.

Но природа не всегда ведет себя столь радикально с вашим организмом. Чаще происходит другое. Вы теряете дар речи, у вас из головы вылетают все мысли, а вопросы, которые были заучены наизусть, мгновенно выветриваются из головы. Вам остается заглядывать в блокнот, созерцая буквы, почему-то плывущие перед глазами.

Осуждать вас трудно. Представим, что перед вами сидит Президент США или России, или какой-то другой очень важной страны.

Вы видите этого человека воочию. Это человек вершит судьбы мира. Можно себе

представить, какова цена каждой минуты вашего интервью, каждого вашего вопроса. Вы закономерно считаете, что должны задать те самые главные вопросы, которые достойны этой волнующей ситуации. Но какими же должны быть эти самые главные вопросы?

Вот эта ответственность, помноженная на боязнь и уважение, и губит новичка.

Главный редактор «Эха» Алексей Венедиктов много раз брал интервью у президентов, премьеров, министров. То есть всех тех, кого принято называть политической элитой. По статусу именно он должен брать интервью с самыми важными персонами.

Конечно, интервью может взять любой журналист «Эха», но президенты и премьеры любят беседовать именно с ним.

Почему так происходит, становится понятным, если внимательно прочитать наш с ним разговор.

ВЕНЕДИКТОВ. Первое – это то, что VIPов не нужно бояться и не нужно уважать, потому что в публичном интервью уважение – это синоним страха. Естественно, разговор идет не о физиологическом страхе, а об ощущении, что перед тобой сидит человек, который столь значим, что его нельзя ни о чем спросить. Это ощущение парализует. Поэтому первое, что нужно делать – это подавить в себе всякий страх.

Второе – это, безусловно, подготовка. Когда я готовлюсь к интервью, то читаю последние семь интервью моего будущего гостя. Почему семь – не знаю. Я просто выбрал для себя такую цифру. Читая их интервью, я вижу, где они уклонились от вопроса, где тема прошла вскользь, и ее можно углубить.

Третье. Нужно помнить, что VIPы всегда существуют в реальных событиях, даже если они спортсмены или деятели культуры. Поэтому разговор о реальных последних событиях, к которым они имеют отношение, их необычайно расслабляют.

Самое главное – правильно задать первый вопрос. О нем нужно тщательно подумать. Если он будет банален, то так и пойдет интервью.

Я. Можешь привести пример?

ВЕНЕДИКТОВ. Ну, например, если вы встречаетесь с Президентом Клинтоном, то, чаще всего, спрашиваете его о противоракетной обороне. Ясно, что он попадает в колею, что, собственно, и случилось, когда мы с ним беседовали в эфире. Он уже знал, что ответить. Он стал говорить привычные слова. Он говорил их сто тысяч раз для других и повторял сейчас для нас. С одной стороны, конечно, это было неплохо, но для чего нужен простой повтор? И мне стоило больших усилий вышибить его из этой колеи.

С другой стороны, когда в эфир пришел премьер Британии Тони Блеер, именно в это время вышла шестая книга про Гарри Поттера. И я спросил его первым вопросом, читают ли его дети эту книгу. А он приехал после двухчасового разговора с Президентом Путиным.

Он ошалел, переспросил переводчика, правильно ли он понимает, что спрашивает его этот странный человек. Но ему понравился этот вопрос, он расслабился, и именно потом я стал терзать его о российско-британских отношениях.

Я. Этот первый вопрос помогает тебе наладить контакт?

ВЕНЕДИКТОВ. Именно так, но важно учесть, что этот вопрос должен быть одинаково интересен слушателям. Конечно, я мог спросить его о том, правда ли, что заводы «Роллс-Ройса» покупает немецкий концерн. Тем самым я показал бы глубокое знание решений британского кабинета. Но тогда бы отключились слушатели. Это им не интересно.

Поэтому первый вопрос крайне важен. И если учесть, что все интервью идет минут 20-25, то понятно, что времени на раскачку просто нет.

И тут есть еще один нюанс. Поскольку времени мало, то гостя с первой минуты нужно вводить в состояние ответа.

Так что первый вопрос – это удар либо сбоку, как про Гарри Поттера, либо под дых.

Например, когда я разговаривал с министром иностранных дел России Лавровым о встрече Президентов Путина и Буша в Сочи, я спросил его, какую школьную оценку он поставил бы развитию наших отношений. Он спросил, с чьей позиции: с российской или американской. А раз он начал искать ответ, значит открылся.

Я. Ты стараешься от VIPов добиться эмоции?

ВЕНЕДИКТОВ. Безусловно! Если человек в эмоциях, значит, он открыт. Я могу воскликнуть: «не может быть», или «я вам не верю!». Он начинает вторично что-то объяснять этому глупому журналисту, но уже более эмоционально, что это действительно было. И я получаю эмоцию, но следует помнить, что все эти приемы – только инструмент для получения важной и точной информации.

Я. А что ты имеешь в виду, говоря, что великих в эфире не нужно уважать?

ВЕНЕДИКТОВ. Это значит, что когда к тебе приходят воистину великие люди, то у тебя начинаются проблемы. Ты полон к ним уважения и почтительности.

Но представим себе, что этот великий человек не в настроении. И вот он односложно отвечает тебе «да» и «нет», а ты, задавленный его авторитетом и своим отношением, не можешь переломить беседу. Возникает пауза, и ты не знаешь чем ее закрыть. Можно, конечно, было бы спросить про какие-то неприятные вещи, они вызывают яркую реакцию, но я этого делать просто не хочу. Не люблю я великих спрашивать про неприятное.

Такое у меня было, когда я брал интервью у великой балерины Майи Плисецкой.

Так вот, это нужно в себе выжигать каленым железом. И если для интервью к тебе приходит человек просто близкий, близкий творчески или политически, то ты должен сознательно быть более агрессивным, чем обычно.

Ты не машина, ты не можешь абстрагироваться от своих политических и человеческих пристрастий. Твоя работа, это всегда, в какой-то степени, актерство. И не нужно себе в этом смысле лгать.

Я. А как ты готовишься к интервью?

ВЕНЕДИКТОВ. Очень тщательно. Ты видел, что у меня всегда на столе масса бумаг. Я должен максимально знать о человеке, с которым буду говорить. Но, когда я иду в студию, я их «забываю» в кабинете. В крайнем случае, я пишу себе на бумаге первый вопрос. Остальное не нужно. Все в голове.

И если во время интервью я что-то забуду, значит, это не было важным. Важное обязательно запомнится. Очень много в подготовке мне дают вопросы аудитории. Конечно, они часто бестолково или неграмотно сформулированы, но дают самое важное – идеи тем.

Итак, я читаю биографию – подробно. Я читаю последние семь интервью и вопросы аудитории.

Но и это не все.

Когда я, например, готовился к интервью с Президентом Литвы г-ном Адамкусом, я позвонил в МИД и спросил: «Друзья мои, какие у нас проблемы с Литвой?» Мне ответили: «Приезжай». И там мне рассказали то, что в прессе не найдешь.

Потом я встретился с нашим бывшим послом в Литве. И задал тот же вопрос. А потом я попросил о встрече посла Литвы в России. И спросил его о том же. И все это ради двадцатиминутного интервью.

И это необходимо совсем не для того, чтобы блеснуть знаниями во время интервью.

Это нужно, чтобы понять, где тебя дурят. Потому что гость относится к тебе, как к второсортному журналисту, который не знает сути вопроса. И после встречи, например с российским Президентом, он не собирается говорить самое интересное.

Но он не знает, что и я в курсе. Потому что я встречался со всеми помощниками и готов к разговору.

Я. Как определить, что интервью удалось?

ВЕНЕДИКТОВ. Очень просто. Во-первых, у тебя мокрая рубашка. Во-вторых, есть еще индекс цитирования. Когда ко мне на интервью приходит, например, министр финансов, то я потом смотрю индекс цитирования в информационных агентствах и СМИ, и оказывается, что у других эта цифра не более десяти, а у меня восемьдесят. А это значит, что у меня было больше эксклюзивной информации. Это объективный формальный критерий.

Но есть еще один критерий. Если ты во время разговора все время поглядываешь на часы, значит, тебе неинтересно, значит, интервью не пошло. А если вдруг не хватает

времени, то это удача. Значит, вы с гостем зацепились друг за друга, вы друг другу интересны.

Я не люблю формальных интервью. Делать подобные интервью – это упустить свой шанс. Представим себе, что у вас сидит невзрачный человек, который что-то невнятно отвечает. Но, кто знает, может через год он станет президентом своей страны. А вы отнеслись к интервью формально. И упустили свой шанс.

Я. Как бы ты сформулировал главную цель любого интервью?

ВЕНЕДИКТОВ. Цель интервью – рассказать аудитории, как все было на самом деле.

К тому, что вы сейчас прочитали в содержательной части, мне нечего добавить.

Но есть что добавить в части организационной.

Конечно, начинающий журналист может воскликнуть: «Ну, конечно, ему легко говорить. Вот если бы ко мне пришел президент, то я бы тоже тщательно готовился. Но ко мне такие не ходят. А на наших дурацких гостей жалко время тратить. Ну что они могут рассказать?! Конечно, президент или министр – это совсем другое дело!...»

Я бы хотел предостеречь от подобных, крайне ошибочных рассуждений.

В них все поставлено с ног на голову.

К Алексею Венедиктову президенты ходят не потому, что их гонят к нему палками, а потому, что у него высокий авторитет. А авторитет он заработал себе сам. В прошлой жизни он был школьным учителем и начинал, в журналистике, обычным репортером. Еще раз прочитайте его монолог, и вы убедитесь, что у него осмысленный и тщательный подход к интервью.

Но это не все.

Представьте себе какого-нибудь президента, который приехал в вашу страну. У него черед визитов, и, конечно же, несколько официальных интервью. Но эти интервью он дает большим каналам, и это правильно, потому что это одно интервью на большом телеканале увидят миллионы людей.

Как же заставить президента прийти на небольшую радиостанцию, зачем ему это нужно?

Ответ на этот вопрос складывается с двух частей.

Во-первых, президенты, они тоже люди, и, несмотря на официальное выражение лица и наглухо застегнутый костюм, они жаждут интересного разговора. Тем более с интересным интервьюером. А слух о том, что в таком-то месте есть интересный журналист, который возьмет у тебя интервью, и именно об этом интервью будут все говорить, распространяется с необычайной быстротой.

Но это сторона творческая, а есть еще и та, которая в тени.

Нужно ходить во все посольства, дружить с дипломатами, приглашать их на эфир, чтобы они имели положительное мнение о тебе. Узнав о предстоящем визите какого-то президента, нужно отправить в его адрес, и адрес его пресс-службы, десятки приглашений. Эти приглашения должны отсылаться с убийственной маниакальностью, даже если какой-то президент был в вашей стране двадцать раз, но к вам не приходил.

Ничего страшного. Однажды он захочет сказать что-то особенное, и его пресс-служба поймет, что на официальном канале это звучать не должно, принимающая сторона может обидеться (такое часто бывает, когда гость-президент хочет покритиковать страну, в которую приехал, например, за нарушение прав человека). И тут-то ваше приглашение будет в самый раз.

Но и это не все. Нужно ездить на различные международные симпозиумы, где собираются политики, чтобы лично знакомиться с ними. Именно эти политики потом впервые сами придут в эфир, а в дальнейшем могут сыграть ключевую роль, рассказав лидеру своей страны о хорошем и компетентном журналисте, которому имеет смысл дать интервью.

И скажут они, именно в разговоре с ним наша страна будет показана объективно.

Нужно ходить на все дипломатические приемы, даже если это не интересно, чтобы к

вам привыкли, как к части политического процесса. Ваша физиономия становится частью необходимого ландшафта. Наступает момент, когда посол какой-то страны, не увидев вас на приеме, потом сам перезванивает и интересуется, не заболели ли вы.

Это хороший симптом.

Есть и приятные необходимости.

Например, ужин в дорогом ресторане с послом другой страны – это не только поедание вкусной баранины на косточках за ваш счет. Это еще и важная церемония по налаживанию взаимного доверия. Посол другой страны убеждается, что вы нормальный человек, у вас хорошие реакции и неподдельный интерес к жизни его страны.

Роль посла в формировании графика поездки президента немала. Поэтому никогда не жалейте деньги на устрицы и икру.

И вот однажды к вам придет первый президент.

Постепенно ходить к вам на интервью станет модой.

В конце концов они будут к вам бегать толпами, во всяком случае, вы должны в это верить.

Ведь все начинается с веры в свои силы. Особенно в журналистике.

Все это может быть, но при трех важных условиях.

Если ваш интерес ко всему этому неподдельный.

Если вы на самом деле неангажированный, объективный журналист.

Если в любом интервью вы отстаиваете интересы исключительно вашей аудитории.

А теперь не поленимся сделать несколько выводов из прочитанного.

Безусловно, Ксения и Алексей разные люди. Их журналистский потенциал высок, и они много лет в эфире. Казалось бы, что они должны были бы устать от гостей и вести интервью формально. Более того, у них свои предпочтения, идущие от их характера и миропонимания.

Ксения не считает возможным вести интервью с человеком, в котором она не видит достоинств.

Алексей не пытается искать эти достоинства, потому что во всех влюбляться невозможно, да и часто политики – это крайне малоприятные люди.

Почему же их интервью слушаются так свежо. Потому что каждый из них нашел свою тему.

Вначале, кажется, что ее можно сформулировать так: Ксения любит искусство, а Алексей политику.

Но это будет неправдой, потому что Ксения прекрасно ведет политические передачи, а Алексей легко беседует с самыми важными звездами из мира искусства.

Так что же общего в моих коллегах?

А то, что они не потеряли интерес к человеку, как таковому.

Помните, я писал, что журналист всегда должен быть чуть-чуть дилетантом.

Если тебе все ясно в этой жизни, то в эфире ты лектор или пропагандист.

Журналистом ты остаешься только тогда, если в тебе только на самом деле не пропал настоящий интерес к самой жизни, к другому человеку. К его судьбе, истории и биографии.

Да, ты прожил большую жизнь, ты увенчан наградами, у тебя растут дети, и твоя дочь бегаёт за подозрительным мотоциклистом.

Но ответим честно, разве кто-то может сказать, что он знает жизнь?

Разве есть две похожие биографии?

Кто сказал, что взойти на Эверест или спуститься в Марианскую впадину интересней, чем заглянуть в душу другого человека.

Когда-то, когда я был совсем маленьким и жил в чудесном украинском городе Львове, мама решила меня повести на выставку. Мы отстояли большую очередь, вошли в зал, и я не увидел ничего, кроме столиков, на которых стояли микроскопы.

– Это выставка микроскопов? – спросил я.

– Не совсем, – ответила мама. – Посмотри в окуляр.

Я заглянул.

Передо мной, увеличенный микроскопом в сотни раз, крутился маленький электромоторчик. На самом деле он был размером с маковое зернышко, но это был настоящий электромотор.

Потом я смотрел в другие микроскопы. Там была самая маленькая в мире скрипка, размером 4 миллиметра, настоящие шахматы, которыми можно было бы играть, если бы они не были столь маленькими, что располагались на головке шпильки, причем сами шахматы изображали позицию партии Алехина и Капабланки.

А в другом микроскопе я увидел настоящий парусник «Санта Мария», размером с рисинку. Парусник был с парусами и рулем и состоял из 256 золотых деталей. Если бы можно было дунуть, то он бы умчался вдаль.

А в последнем микроскопе можно было увидеть подкованную блоху. Настоящая блоха была подкована золотыми подковками, с крохотными золотыми гвоздиками.

То, что писалось в сказках, мастер сделал на самом деле. Ему было все равно, что перед ним блоха. Ему было интересно прибить к ней подкову.

Иногда я вспоминаю эту выставку и думаю, а зачем он это делал. Представьте себе человека, который день за днем сидит, уткнувшись в микроскоп. Его жена не может заставить его пойти за продуктами, а друзья, получив очередной отказ, сами идут смотреть бейсбол. А ему все время некогда. Он подковывает блоху.

Потом наконец у него с семьей бурное объяснение.

Семья говорит, что он мог бы заняться чем-то более полезным. Зачем ему микроскоп? Он же не ученый. Зачем ему эта блоха?

Кто вспомнит этот электромоторчик или золотой макет ветряной мельницы, которая стоит на половинке макового зернышка и складывается из 203 отдельных деталей.

И почему так непродуктивно тратится золото?

Неужели ему не жалко дедушку, которому уже давно нужно вставить золотой зуб?

Так вот, в жизни многое забывается. Как и другие, я многое позабыл из своего детства. Но, удивительным образом, я не только запомнил эту выставку, но и имя этого человека. Его зовут Николай Сядристий (Mikola Syadristy). Прошло много лет, но его имя и его удивительные творения не выпадали из моей памяти.

Потом я узнал его биографию. Он работал агрономом, был абсолютным чемпионом Украины с подводного спорта и издал несколько книг. Но именно он стал родоначальником явления «микроминиатюра», о котором теперь все говорят.

Каждый человек, если вдуматься, подковывает свою блоху. Нужно только носить с собой микроскоп, чтобы увидеть золотые гвоздики.

Каков вывод?

Он прост.

Не бывает маленьких тем, бывает непонимание их важности.

Каждый человек интересен.

Если он тебе не интересен, то это твоя проблема. Это значит, что ты потерял интерес к жизни.

Как только люди вокруг тебя стали тебе скучны – уходи из профессии.

Журналистов с холодным носом не бывает.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОБСТВЕННОЙ СЕМЬИ И НЕОЖИДАННЫЕ ОТКРЫТИЯ

В моем любимом фильме «Ронин» («Ronin») один из героев остроумно замечает, что все люди братья, пока не нужно платить аренду.

Мы сидели в большой комнате. Семья была в полном сборе. Жена постукивала ногтем по бокалу. Дочь жала на клавиши своего мобильного, с писком выстукивая SMSку. Маленький сын смотрел мультик с выключенным звуком. Теща изображала собственное отсутствие.

Незримо присутствовал даже мотоциклист дочери. Снаружи доносился неровный рокот его мотоцикла, и сильно пахло бензином.

В глубоком кресле сидел издатель.

Его вызвала жена.

– Я предан, – мрачно сказал я. – Предан собственной семьей. Кто влез в мой компьютер, распечатал рукопись учебника и передал издателю?!

– Не следует драматизировать события, – проворковала жена. – Писать нужно быстро.

– Я еще не закончил книгу, я не исправил все грамматические ошибки!

– А ты на это способен? – с ухмылкой спросила дочь, не отрываясь от экрана телефона.

– Посмотри на сына, – жена указала на ребенка, который улыбался прыгающему на экране телевизора псу Гуффи. – Мальчик плачет и хочет в Диснейленд. Для этого нужны деньги.

– Мне еще столько нужно было написать, – сказал я в отчаянии. – Эта книга рождалась в муках.

– Это были муки семьи, – холодно сказала жена. – Уже три месяца ты ходишь по дому и что-то бубнишь под нос. К нам перестали ходить соседи, потому что ты усаживаешь их, читаешь текст и заставляешь смеяться в указанных местах. Это должно прекратиться, или мама останется тут еще на три месяца.

Теща весело кивнула в подтверждение идеи.

– Это бесчеловечно! – воскликнул я.

– Я спасаю семью, – заметила жена. – Это вопрос нашего выживания. Кроме того, такая прекрасная книга должна наконец увидеть читателя.

Возникла тяжелая пауза.

– А вы зачем пришли? – спросил я издателя. – Вам нужно видеть мое унижение?

– Я пришел осуществить вашу мечту, – неожиданно миролюбиво сказал издатель. – Вы столько раз присылали мне ваши рассказы о шестиногом инопланетянине, что я решил что, в конце концов, вы достойны публикации. Вы выполнили два моих условия: шестиногого нет в вашей книжке, и вы ее написали в срок.

– Хорошо, – сказал я с язвительной улыбкой, поворачиваясь к семье, – раз вы считаете, что книга готова, и говорите, что она прекрасная, то я готов выслушать, что вам в ней больше всего понравилось.

Повисло тягостное молчание.

– Там не много страниц, это хорошо, – осторожно начала теща. – Ее недолго читать. Не сильно отвлекает от телевизора.

– Отлично! – произнес я. – Продолжим вечер семейных рецензий.

Я указал на жену.

– Я целый день кручусь по дому, чтобы тебе что-нибудь приготовить? – сказала жена. – Когда мне было читать? Но я знаю, что если там будет хорошая обложка и сделать яркую рекламу, то кто-то это купит. А если ты это переделаешь в киносценарий и продашь в Голливуд, то будет еще лучше. Только нужно усилить линию любовных отношений между героями.

– Какой Голливуд, какие герои! – я схватился за голову. – Вы даже не читали мою книгу.

– Почему не читали, я читала, – пожала плечами дочь. – Есть неплохие моменты, например про Пэрис Хилтон. И еще мне понравилось про подкованную блоху. Приколно!

Я перевел взгляд надежды на сына.

– Это Гуффи. – радостно сказал младенец, указывая на экран. – Папа, а твоя книга тоже про Гуффи?

– Это семья вампиров, – резюмировал я. – Принесите мне чеснок!

– Давайте выйдем на воздух, – предложил издатель, – я не хочу дымить сигарой в комнате.

Мы вышли на веранду и стали смотреть в темноту под треск мотоцикла.

– Не обижайтесь на них. – махнул рукой Издатель. – Разве женщины могут оценить большого художника?

Большой художник гордо молчал.

– Я прочитал вашу книгу, но не считаю себя спецом в журналистике, поэтому мне нужен был независимый эксперт. Я хотел понять, интересно ли читать ваше варево представителю целевой аудитории. И я сделал эксперимент – дал вашу рукопись почитать сыну. Так вот, ему очень понравилось. Он сказал, что это и весело и полезно.

– Так и сказал?

– Именно так, – подтвердил издатель. – И я этому очень обрадовался. Знаете, они сейчас в таком возрасте, что не знают, чем бы заняться. Я за него волнуюсь, хотя он неглупый парень, хорошо закончил школу, идет в колледж, много читает, ищет себя. Он, конечно, взбалмошный, но все молодые такие. Но он считает книгу полезной. Он даже несколько раз громко смеялся.

– Хочется верить, – сказал я сдержанно.

– Не верите, он сам вам может об этом сказать.

– А он что где-то тут? – спросил я озираясь.

– Да, он там внизу, у своего мотоцикла, – издатель указал пальцем вниз в темноту, где рокотал мотор.

– Что?! – я ошалело посмотрел на издателя. – Это ваш сын?

– Жена говорит, что мой, – как-то мрачно пошутил издатель. – А что, у вас есть сомнения?

– Нет... – я не мог прийти в себя.

– Он бегаёт за вашей дочерью и катает ее на мотоцикле. Думаю, у них сегодня очередное свидание.

Издатель улыбнулся и подмигнул мне.

– Надеюсь, вы знакомы, и он произвел на вас хорошее впечатление, – продолжал он. – Но вернемся к делу. Сын всегда говорил мне, что мечтает стать мотогогонщиком. Но он прочитал вашу рукопись в один присест и теперь говорит, что хотел бы писать о мотоциклах. Он мне сказал, что напишет о новом «Харлее» и отнесет в редакцию газеты в автомобильную рубрику. Я предложил туда позвонить, потому что там все мои друзья, но он отказался. Он говорит, что пойдет сам. Оказывается, вы рекомендуете не бояться нести, потому что он лучше всех знает все про мотоциклы. А он, действительно, все про них знает. Представляете, я его отец, а он слушается ваших советов.

– Если бы еще моих советов слушалась моя дочь!.. – я старательно пытался разглядеть в темноте мотоциклиста. Но он умело сливался с листвой.

– Однако есть одна проблема, – строго сказал издатель. – Он говорит, что ему хочется еще. Вы можете написать продолжение?

– То есть я должен написать продолжение для личного ублажения вашего сына? Это мелкий шантаж.

– Почему мелкий? – удивился издатель. – Если шантаж выражается в гонораре, то это крупный шантаж. Кроме того, а вдруг он станет хорошим журналистом. И когда-то напишет, что стал им из-за вас. Вы ведь сами пишете, что каждый хочет иметь учеников.

– Я не уверен, что у меня найдется на это время. Я очень занят.

– Найдется, – ласково сказал издатель. – Время у вас есть. Чего у вас нет, так это вариантов.

– Дорогой, так мне просить маму остаться у нас еще на пару месяцев? – прокричала жена из комнаты.

– Хорошо, я напишу! – быстро сказал я.

– Договорились, – удовлетворенно сказал редактор. – Только одно условие.

– Какое еще условие, – простонал я.

– Не вставляйте туда вашего шестиногого!..